

ЦЕНТР ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
«БЕРЛЕК – ЕДИНСТВО»

Мурзагалеев Р.И., Сулейманов А.Р.,
Чекрыжов А.В., Мурзагалеев Б.Р.

ДИАСПОРЫ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ

УФА-2016

УДК 323.15
ББК 60.54
М-91

М-91

**Мурзагалеев Р.И., Сулейманов А.Р.,
Чекрыжов А.В., Мурзагалеев Б.Р.**

Диаспоры из Центральной Азии в региональном пространстве
Российской Федерации: культурно-гуманитарные аспекты
/ Уфа, ООО «Издательство «Диалог». – 2016. – 164 с.

ISBN 978-5-94-524-155-8

Диаспоры из Центральной Азии, укрепляя свою этнокультурную самобытность в российских регионах, базируясь на прочной основе исторических связей, цивилизационного единства евразийского мира, выступают особой геополитической, внутривосточной и социокультурной системой в Российской Федерации.

Укрепление «братских» и партнерских отношений между евразийскими странами – важная предпосылка постепенного формирования консолидированных, дееспособных и устойчивых условий для ассимиляции евразийских диаспор на просторах постсоветского пространства. Внутренняя самоорганизация и евразийская риторика позволяют зарубежным диаспорам из Центральной Азии стать полноценными сообществами в России, несущими не только этнокультурное, но и этнополитическое содержание.

Подготовленный материал позволяет выявить общие черты диаспоральных структур из Центральной Азии в России, продемонстрировать единство евразийского замысла подобного рода процессов. Читатель может ознакомиться с перечнем наиболее известных центрально-азиатских диаспор в России (с указанием контактной информации). Адресован ученым, преподавателям, аспирантам и докторантам гуманитарных дисциплин, студентам гуманитарных вузов, представителям отечественного и зарубежного экспертного сообщества, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами миграции на постсоветском пространстве.

© ЦГИ «Берлек – Единство»
© Мурзагалеев Р.И., Сулейманов А.Р.,
Чекрыжов А.В., Мурзагалеев Б.Р.

ISBN 978-5-94-524-155-8

УДК 323.15
ББК 60.54
М-91

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Диаспоральные структуры как субъекты постсоветских коммуникаций.....	6
1.1 Диаспоры в научно-академическом дискурсе.....	6
1.2 Диаспоральное измерение постсоветского пространства и новые коммуникативные вызовы	37
Глава II. Институционализация центрально-азиатских диаспор в архитектуре российской культуры	58
2.1 Диаспоральная политика на постсоветском пространстве.....	58
2.2 Обзор диаспорального и культурного присутствия выходцев из Центральной Азии в Российской Федерации....	75
Заключение	130
Приложения	133

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена непростой, но важной для Российской Федерации теме, связанной с центрально-азиатскими диаспорами, проживающими в нашей стране. В работе мы поставили цель понять, кто они с точки зрения этнической и гражданской идентичности, сколько их и насколько эти общности интегрированы в принимающие сообщества, каков их евразийский потенциал, обеспечивающий бесконфликтное существование постсоветского пространства.

В научной литературе последних лет нет единой точки зрения по поводу общеевразийской стратегии в отношении постсоветских диаспоральных структур. Некоторые ученые и эксперты считают, что диаспоральные образования за границей – проводники интересов принимающего общества, поэтому их не следует возвращать в исходную страну, тем более путем принятия специальных программ. Иные полагают, что национальные государства должны возвращать своих соотечественников из-за рубежа, даруя каждому шанс получить гражданство, возможность переехать на историческую родину.

Мы относимся к третьей группе, считая, что постсоветское пространство – это особый регион с уникальными диаспоральными возможностями, в основе которого заложена идея евразийского притяжения. И аналогов этому интеграционному проекту не существует в современном мире.

При этом диаспоральные структуры на постсоветском пространстве, чьи ключевые характеристики заданы миграционными процессами, – феномен общемирового значения. В силу своей распространенности и глобальности – феномен чрезвычайно разнообразный и многоликий. Многообразие его типов и вариаций требует особого осмысления постсоветских трансформаций, тщательного изучения отдельных обществ, механизмов

и результатов их генезиса и функционирования. В этом смысле центрально-азиатские диаспоральные сообщества дают неоценимый материал для исследования этих сложнейших процессов и явлений.

Для нашей работы чрезвычайно важен момент евразийского притяжения постсоветских государств – их культурной, религиозной, этнической, социально-политической, экономической и культурной сложности и разнообразия. Все перечисленные выше аспекты мы попытались рассмотреть на примере центрально-азиатских диаспор в Российской Федерации.

В работе красной линией проходит идея, что «диаспора» – не только социально-экономическая, это еще и интеграционно-политическая категория. Это доказано жизнью. Многие мигранты возвращаются на историческую родину, часто самостоятельно, проходя через непростые преграды и преодолевая бюрократические препоны. Многие соотечественники на чужбине оказываются не по своей воле и попадают в сложную ситуацию. Евразийство должно давать чувство защищенности постсоветского населения, формировать доброжелательные отношения между людьми, гармонизировать их интересы и ценности.

Глава I.

ДИАСПОРАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ КАК СУБЪЕКТЫ ПОСТСОВЕТСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

1.1 ДИАСПОРЫ В НАУЧНО-АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Современное состояние миграционных процессов в мире вызывает у научно-экспертного сообщества множество вопросов. Один из наиболее значимых и актуальных на сегодняшний момент – это вопрос о «диаспорах», которые являются неотъемлемым атрибутом международных отношений и результатом всеобщей глобализации. При этом в научно-академических кругах нет единства по поводу содержания самого понятия «диаспора», хотя вряд ли кто сомневается в существовании этого феномена как такового¹.

Причем в условиях растущей взаимозависимости актуализируется проблема влияния диаспоральных систем на политическую сферу принимающего государства. Диаспоры, являясь одними из важных и малоизученных акторов современных политических коммуникаций, занимают собственную нишу во внутривнутриполитической жизни различных стран и оказывают влияние на состояние и развитие политического процесса.

Этимология термина «диаспора» происходит от греческого «диасперос» (разбрасывать, сыпать семена) и первоначально была связана с конгломератом еврейских общин за пределами

---

¹ Еханурова И.Р. Теоретические подходы к определению понятия «диаспора» // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. №6. С.104.

Палестины. Известный советский ученый Ю.В. Бромлей писал в своих работах, что термин «диаспора» впервые использовался для описания разрушения городов и того, как из них изгоняется население, и позже употреблялся по отношению к крупным еврейским общинам, которые хорошо были известны в государстве Селевкидов и в Египте².

В Британской энциклопедии термин «диаспора» трактуется как «рассеяние евреев среди нееврейских народов после Вавилонского изгнания», но при этом подчеркивается, что «хотя под этим термином подразумевается физическое рассеяние евреев в мире, он содержит в себе также религиозный, философский, политический и эсхатологический смысл, поскольку евреи ощущают особую связь со своей родиной – Израилем»³.

Таким образом, термин «диаспора» в первоначальном значении употреблялся по отношению к изгнанным со своей исторической родины евреям и их разбросанности по другим странам. Подавляющее большинство исследователей диаспор сходятся во мнении, что сам термин опирается на модель еврейской диаспоры⁴.

Кроме того, концепт «диаспора» используется социологами, историками, культурологами, политологами, при этом каждым научным сообществом дается разная трактовка данного понятия.

Социологи определяют диаспору как пребывание части народа (этнической общности) вне страны его происхождения при сохранении чувства идентификации со своей родиной⁵.

В культурологическом словаре предлагается следующая трактовка термина «диаспора»: расселение какой-либо национальности (народности) на чужбине или последователей какой-либо религии среди иноверцев; первоначально речь шла о евреях, расселившихся среди иных народностей со времени Вавилонского

---

¹ Еханурова И.Р. Теоретические подходы к определению понятия «диаспора» // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. №6 — С. 104.

² Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Либро-ком, 2009. – С. 440.

³ Diaspora. Encyclopedia Britannica, 2006. [Электронный ресурс]. – URL: <http://global.britannica.com/EVchecked/topic/161756/Diaspora>.

⁴ Вишневский А. Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // Общественные науки современности. – 2000. – №3. – С. 115-130.

⁵ Диаспора // Социологический словарь. [Электронный ресурс]. – URL: http://mirslivarej.com/content_soc/diaspora-1391.html

плена, а также о евреях-христианах, проживающих среди язычников⁶.

В политологическом словаре под диаспорой понимается «пробывание значительной части нации вне основного исторического региона ее происхождения (места развития). Диаспора возникает в результате насильственного выселения, угрозы геноцида и других факторов»⁷.

В политическом словаре содержится расширенная трактовка данного понятия – более или менее многочисленная часть какого-либо этноса (или религиозной группы), постоянно находящаяся вне пределов страны его проживания. Первоначально понятие диаспоры относилось лишь к той части евреев, которые еще два с половиной тысячелетия назад начали расселяться за пределами Палестины. Позднее оно распространилось и на другие национальные (этнические) группы и религиозные меньшинства, особенно в связи с расселением, миграцией значительной части населения многих народов в другие страны. Диаспоры возникали в результате бегства от войн, межнациональных и религиозных конфликтов, угрозы геноцида, насильственного переселения, действий различных социально-экономических и иных факторов. Особенно крупные диаспоры сегодня – еврейская, армянская, украинская, китайская и другие⁸.

Поскольку общее понятие диаспоры основывается на еврейской модели, то еврейское «рассеяние» является исторически сложившимся «идеальным» прототипом, на основе которого классифицировались другие сообщества как соответствующие или не соответствующие критерию диаспоральности. Однако с вовлечением в процесс международных трудовых потоков, новых этнических групп эта модель уже не может использоваться в качестве унифицированной. Следовательно, понятие «диаспора» требует

---

⁶ Диаспора// Культурологический словарь. [Электронный ресурс]. – URL: <http://sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=5&wordid=70990>.

⁷ Диаспора// Политологический словарь. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Dict/05.php.

⁸ Диаспора// Политический словарь. [Электронный ресурс]. – URL: http://mirslovarei.com/content_pol/diaspora-817.html.

нового осмысления в условиях глобализации и единого экономического пространства.

Современные исследователи значительно расширили понятие диаспоры. Разброс мнений по данному вопросу большой: от рассмотрения в качестве диаспор всех этнических групп, проживающих за пределами страны своего происхождения, до диаспоры как общественной модели. Однако вопросы – когда этническая группа становится диаспорой, возможна ли и при каких условиях обратная трансформация, и многие другие – до сих пор остаются открытыми.

В данном контексте интересно мнение исследователя В. Попкова, который считает, что «феномен современных диаспор содержит в себе до сих пор слабо исследуемое явление наложения друг на друга социальных, этнических и политических пространств, вследствие чего стало возможным возникновение и существование глобальных этнических анклавов, пересекающих границы культур и государств. В этой связи, в свете современных тенденций, представляется явно недостаточным ограничиться лишь классическим вариантом понимания термина».⁹

По мнению ученого В. Дятлова, диаспору можно рассматривать «как особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, основанных на общности исхода с «исторической родины» (или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе), на усилиях по поддержанию образа жизни в «рассеянии» – в качестве национального меньшинства в иноэтническом принимающем обществе. Диаспора – не данность, ее существование (или отсутствие), возникновение и исчезновение может быть ситуативным ответом на вызов времени, места и обстоятельств. Исходя из такого подхода, наличие совокупности лиц одной национальности, живущих вне национального очага, пусть даже многочисленных и укорененных на новой родине, это еще не диаспора, а только необходимое условие к ее реализации. Другими словами, одни и те же люди,

---

⁹ Попков В. Феномен этнических диаспор. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tovievich.ru/book/12/168/1.htm>.

совокупность людей, могут быть, а могут и не быть диаспорой»¹⁰.

Для истории российского государства категория «диаспора» не всегда была первостепенной и популярной. Так, во времена существования СССР термин «диаспора» практически не использовался и научных разработок в данном направлении почти не велось. Что, скорее, объясняется не только наличием общей страны СССР, но и особым «коллективистским духом» советской государственности, реализацией на практике политического принципа «Союз нерушимых Республик свободных». Потому вплоть до 1991 года для молдаван, казахов, киргизов и т.д., долгое время живших в едином государстве, понятие диаспоры имело отвлеченный характер¹¹.

Хотя нельзя сказать того, что диаспоральные образования не вызывали научного интереса у советских и российских исследователей. Так, например, известнейшие ученые Л.Н. Гумилев и Ю.В. Бромлей изучали диаспоральные структуры в рамках общей теории этногенеза.

Развивая теорию этногенеза некоторые российские ученые и сегодня демонстрируют этнокультурную особенность диаспоральных образований, понимая под ними: этническую общность, которая находится в инородной среде (этническая парадигма); группу людей, которая имеет отличные социокультурные особенности от коренного населения (социокультурная парадигма)¹². Трудно не согласиться с мнением исследователя С.В. Лурье, который считает, что диаспора – это «широкое понятие, включающее представителей другого народа, проживающего в чужом социокультурном окружении»¹³.

По мнению исследователя З.И. Левина, диаспора представляет собой устойчивую совокупность людей единого этнического

---

¹⁰ Дятлов В. Миграции, мигранты «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/dyatlov/?library=2634>.

¹¹ Залитайло И.В. Природа этнонациональных диаспор и диаспоральных образований // Аналитика культурологии. 2005. №4. С.108.

¹² Колосов В.А., Галкина Т.А., Куйбышев М.В. География диаспор на территории бывшего СССР // Общественные науки и современность. – 1996. – № 5. – С. 34-46.

¹³ Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М.: Академический Проект, Деловая книга. 2005 — С. 624.

происхождения, живущих в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа), имеющую социальные институты для развития и функционирования данной общности¹⁴.

С точки зрения ученого В.А. Тишкова, диаспора как жесткий факт и ситуация, и ощущение – это порождение деления мира на государственные образования с охраняемыми границами и фиксируемым членством¹⁵.

В отличие от многих других исследователей, ученый В.А. Тишков рассматривает диаспору как политическое явление. Основным недостатком хрестоматийного понятия «диаспора» В.А. Тишков считает чрезмерно расширительное толкование данного понятия. Оно охватывает как иммигрантов, так и беженцев, гастарбайтеров, а также интегрированные этнические общины. По его мнению, исходя из такого понимания концепта «диаспора», под него попадают многочисленные слои населения, а численность российской диаспоры может быть сравнима с современной численностью населения страны¹⁶.

Кроме того, В.А. Тишков рассматривает возникновение диаспор не только вследствие миграции населения, но и в результате изменения государственных границ.

По мнению В.А. Тишкова, «диаспора – это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективных связей, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит, нет и диаспоры. Другими словами, диаспора – это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность. Этим явление диаспоры отличается от остальной рутинной миграции»¹⁷.

---

¹⁴ Левин З.И. Менталитет диаспоры – М.: Институт востоковедения РАН; Издательство «Крафт+», 2001. – С. 176.

¹⁵ Тишков В.А. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сб. ст. Под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. — М.: ИРИ РАН, 2001 — С. 38.

¹⁶ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С.441.

¹⁷ Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры. Национальные диаспоры в России и за рубежом XIX-XX вв. Под ред. Ю.Полякова. М., 2001 — С.22.

По мнению Т. Полосковой: «Дефиницию понятия диаспоры следует начать с выделения системообразующих признаков, к которым относятся: 1) этническая идентичность; 2) общность культурных ценностей; 3) социокультурная антитеза, выражающаяся в стремлении сохранить этническую и культурную самобытность; 4) представление (чаще всего в виде архетипа) о наличии общего исторического происхождения. С точки зрения политологического анализа, определяющего место диаспор в системе политических институтов, важно не только характерное для диаспор осознание себя частью народа, проживающей в ином государстве, но и наличие собственной стратегии взаимоотношений с государством проживания и исторической родиной (или ее символом); формирование институтов и организаций, деятельность которых направлена на сохранение и развитие этнической идентичности. Иными словами, диаспора, в отличие от этнической группы, всегда институцирована и несет в себе не только этнокультурное, но и этнополитическое содержание»¹⁸.

При этом Т. Полоскова указывает на существование иммигрантских диаспоральных структур и групп коренных жителей страны, оказавшихся оторванными от основного места пребывания своего этноса (народа) в силу «перекройки» государственных границ и других исторических обстоятельств.

Ряд исследователей полагает, что диаспоры идентичны понятию «субэтноса», под которым, в свою очередь, подразумеваются «территориальные части народности или нации, отличающиеся локальной спецификой разговорного языка, культуры и быта (особое наречие или говор, особенности материальной и духовной культуры, религиозные различия и т.д.), имеющие иногда самоназвание и как бы двойственное самосознание»¹⁹.

Таким образом, ученые, исследующие эту проблему, едины в том, что диаспора является частью народа (этноса), проживающей вне страны его происхождения, имеющей общие этнические

---

¹⁸ Полоскова Т. Современные диаспоры: внутривосточные и международные проблемы. М., 2000. — С. 18.

¹⁹ Иваненко И.П. Межнациональные отношения. Термины и определения. Киев, 1991. — С.72.

корни и духовные ценности. Следовательно, охарактеризовать феномен диаспоры можно с помощью выделения системообразующих признаков, к которым относятся:

- этническая идентичность;
- общность культурных ценностей;
- социокультурная антитеза, выражающаяся в стремлении сохранить этническую и культурную самобытность;
- представление (чаще всего в виде архетипа) о наличии общего исторического происхождения²⁰.

Выявление сущности диаспоры, неоднозначность толкования и анализ самого понятия «диаспора», неизбежно требуют определения ее места и роли в этнополитической структуре общества и, соответственно, сравнения со следующими синонимичными понятиями: «этнические группы», «национальные группы», «национальные меньшинства», которые с 70-80-х годов XX в. получили широкое распространение в научной литературе.

Одним из основных понятий является понятие «этническая группа». Основу объединения этнической группы составляют исключительно этнические признаки: язык, осознание общности происхождения и истории, культуры, быта, сохранившихся традиций и обычаев некогда существовавших родоплеменных групп. Этнические группы существуют в компактном и дисперсном состоянии и проживают за пределами своего национального государства в инациональной среде достаточно длительное время и через определенное время ее члены стремятся к обретению этнополитического статуса, который заключается в деятельности землячеств, культурно-национальных центров, проведении национальных праздников, организации форм досуга для представителей только своей этнической общности и т.д.

Этническая группа – часть этноса, которая в силу объективных и субъективных причин проживает на территории инационального государства, за пределами своего национального образования.

---

²⁰ Лурье С.В. Историческая этнология. Учебное пособие для вузов. – М.: Гаудеамус. – 2004 — С. 116.

Рассматривая такую этническую общность, как «национальная группа», следует отметить, что здесь также отсутствует общепринятое определение понятия. Более того, некоторые авторы даже склонны отождествлять понятия этнической и национальной группы. В то же время, некоторые исследователи утверждают, что национальная группа служит своего рода логическим продолжением этнической, но с присущими ей характерными отличительными особенностями: переход за рамки родства и локальных границ и обретение группой политических прав и статуса.

По нашему мнению, признаками определения национальной группы являются следующие: общность национально-этнического происхождения и проживания в инациональной среде; стремление поддерживать и сохранять культурные традиции и особенности; представители национальной группы являются гражданами данного государства и имеют права на удовлетворение национально-культурных потребностей.

Таким образом, следует отметить, что отличительной особенностью двух рассматриваемых этнических общностей является следующее: национальная группа определяется своим политико-правовым статусом, этническая же группа – культурными особенностями. Конечно, со временем последние могут претендовать на определенный этнополитический статус.

Следующее понятие этнической структуры общества, близкое по смыслу к диаспоре, – национальное меньшинство. Оно вошло в научный оборот в западных исследованиях в конце XIX в. и применялось по отношению к малым народностям, национальным группам в рамках политического государства и первоначально выражало этнокультурное значение, но со временем это понятие приобретает политического звучание.

Таким образом, понятие «национальное меньшинство» включает в себя следующие компоненты: этнические общности, имеющие собственное национально-территориальное образование (в качестве примера – вьетнамцы, китайцы, корейцы, афганцы в современной Российской Федерации); этнические общности, не имеющие собственной государственности (ассирийцы, цыгане,

уйгуры); этнические общности, проживающие за пределами своих национальных республик, но в рамках того государства, в котором расселяется основной костяк нации (якуты, буряты, татары и др. за пределами своих национальных образований).

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что диаспора аккумулирует в себе все признаки этнических и национальных групп и национальных меньшинств. Она формируется на их основе, несет в себе этнокультурное, этнополитическое содержание.

Исходный отличительный признак современных диаспор – отрыв частей этнических общностей (этнических групп) от национальных сообществ исторической родины, их рассеяние по территориям других государств и пребывание на территории последних в положении национальных меньшинств в инокультурном (иноэтничном) окружении (нередко с формальным принятием гражданства). Следовательно, диаспора – это политический феномен, возникающий на основе национальных меньшинств, проживающих вне территории государств своего исторического происхождения и родственного этнического большинства, и обладающий рядом признаков, к которым относятся:

- бинарная (множественная) национально-этническая самоидентификация, предполагающая наличие связей и со страной проживания, и с исторической (этнической) родиной;
- создание институтов с целью обеспечения сохранения и развития этнокультурной самобытности и артикуляции этнических интересов;
- существование в тех или иных формах стратегии взаимодействия с политическими институтами как страны проживания, так и исторической (этнической) родины;
- стремление к определенным формам этнополитического самоопределения (национально-территориальная или национально-культурная автономия, образование независимого государства, ирредентизм).

Следует отметить существование определенной теоретической

разницы между терминами «диаспора» и «община». Диаспора – это сообщество людей, которые обладают другим менталитетом и находятся на территории другой, не «своей» страны. Община – это сообщество людей, которые находятся в «своей» стране, но, скажем так, не в «своем» городе. Однако теория не всегда согласуется с практикой, и в этом вопросе много нюансов, связанных с историческими событиями, вопросами предоставления гражданства и многими другими.

Необходимым условием формирования феномена современных диаспор является становление их субъектности, изначальной предпосылкой которой является самоорганизация для удовлетворения своих интересов в форме диаспорных общин на основе осознания себя имеющими специфический интерес общностями. Такие общины, как наиболее организованные части диаспоры, члены которой обладают выраженной культурной идентификацией и связаны между собой и другими ее частями сетью устойчивых коммуникаций, образуют внутри себя группы влияния. При условии активности этнических элит, национальных движений, общественных организаций, то есть вторичных субъектов политики, создающихся для выражения и реализации интересов диаспоры, диаспорные общины становятся связующим звеном между диаспоральными организациями и основной массой этнических индивидов, рассеянных в иноэтнической среде, в результате чего диаспоры могут сформироваться в этнополитическую общность. Развитие диаспор как этнополитических общностей ведет к возрастанию их влияния на внутреннюю политику государств. В современных этнополитических процессах диаспоры формулируют свои политические требования, связанные с:

- правом на этнополитическое самоопределение;
- правом на связи с исторической родиной и родственными этническими группами (вплоть до воссоединения с ними);
- самосознанием (идентичностью), его политическим признанием и оформлением;
- признанием самопровозглашенных диаспоральных политических сообществ, возникающих внутри

- национальных государств (например, Нагорный Карабах, Приднестровье, Косово);
- формированием негосударственных (общественных, политических) объединений для защиты прав представителей диаспор;
  - защитой прав соотечественников, находящихся в диаспоре, на международном уровне;
  - возможностью участия в деятельности политических институтов принимающего общества.

Стоит подчеркнуть, что особый акцент на этнополитической сущности диаспоральных структур был сделан в работах двух научных школ: прагматической и системно-комплексной. Дискуссия между ними задает общий тон диаспоральным исследованиям и сегодня.

Сторонники прагматизма занимаются изучением этнополитических и социально-экономических ресурсов диаспоральных структур, разработкой практических рекомендаций для регулирования диаспоральных процессов. По мнению представителя этого научного направления К.П. Боришполеца, современные страны стремятся активно использовать ресурсы диаспоральных структур для расширения собственных финансовых и информационных возможностей. Диаспоры способны также создавать цели, в которых государства становятся одними из многих звеньев²¹.

Другой видный ученый, М. Агаджанян, полагает, что в современных исследованиях взаимоотношений государств и национальных диаспор все более утверждается подход, который можно охарактеризовать в терминах прагматичности. Последняя выводится из следующих объективных параметров:

1) развитие такого феномена, как транснациональные сети, совершенно по-иному заставило взглянуть на роль и место диаспор в системе международных связей и обратить особое внимание на их экономический, социокультурный и общественно-политический потенциал. Подход к зарубежной диаспоре как к важнейшему

---

²¹ Боришполец К.П. Механизмы взаимодействия государства с национальными диаспорами // Ежегодник ИМИ. 2012. М., 2012 — С. 79–86.

внешнеполитическому и экономическому ресурсу получает все большее распространение в международной практике современных государств, имеющих значительный потенциал использования диаспорального ресурса на международной арене. Использование потенциала зарубежной диаспоры для создания сети экономических, общественно-политических и иных связей – достаточно распространенная мировая практика. Но далеко не всегда первое слово принадлежит государству. Нередко сама диаспора создает систему сетевых связей и государство–историческая Родина становится одним из звеньев этой международной цепи;

2) не менее актуальной является прагматическая потребность уже для самих национальных диаспор поддерживать на достаточном уровне элементы собственной национальной идентичности, самобытности и, соответственно, противодействовать вызовам ассимиляционного характера, неизменно присутствующим в той или иной степени и интенсивности в рамках инациональной государственной среды. Очевидно, что в этом вопросе без «национально-питательной» поддержки комплексного характера со стороны собственной национальной государственности противостояние указанным вызовам усложняется, а зачастую становится и вовсе недейственным;

3) прагматизм, связывающий в единую и органично взаимодействующую системную сеть два вышеуказанных параметра, требует своего институционального, структурированного оформления. Последнее предполагает наличие определенного центра планирования, координации и реализации диаспоральной политики усилиями государственных структур, непосредственно сконцентрированных в этой сфере деятельности»²².

Справедливости ради отметим, что сторонники системно – комплексной теории обращают внимание на проблемах воспроизводства сложных этнокультурных систем и на проблемах формирования гибридных сообществ. Так, ученый А. Бра утверждает,

---

²² Агаджанян М. Международный опыт институционального оформления отношений между государством и национальной диаспорой за рубежом// <http://www.noravank.am/ru/?page=theme&thid=1&nid=1049> (дата обращения: 08.01.16).

что диаспоральные структуры – это сложносоставные формирования, включающие людей с разными историями жизни и неповторимыми особенностями. Диаспоры подобны тексту с уникальным и зачастую противоречивым нарративом. По мере того, как коллективная и индивидуальная память усваивает и трансформирует приобретенный опыт, диаспора постепенно эволюционирует²³.

Естественно, в рамках условно выделенных научных течений преобладают те или иные особенности диаспоральных структур.

С учетом прагматических и системно-комплексных подходов, исследователь Р. Коэн предложил следующие признаки диаспоральных структур:

- распространение из четко фиксированного территориального пространства и переселение в два и более региона или государства, в том числе смена места жительства с целью торговли, трудоустройства или колонизации;
- наличие мифа или коллективной памяти о родине – ее территории, истории и достижениях;
- идеализация прошлого и коллективная приверженность мифу о родине, обуславливающие стремление к ее сохранению, процветанию, безопасности, восстановлению, что может пониматься и как создание отдельного государства на четко зафиксированной территории третьей страны;
- установка на последующее возвращение на родину – хотя бы в символической форме;
- особый тип идентичности, основанный на отличиях от населения «принимающего» государства и на осознании общего с ним будущего;
- солидарность и существенное взаимопонимание между членами группы и членами аналогичных групп того же происхождения в третьих странах;
- способность группы при всех отличиях и отчужденности

---

²³ Brah A. Cartographies of diaspora: contesting identities. London, 1996 — P. 6.

от местных жителей полноценно самовоспроизводиться в «местных» условиях²⁴.

Также ученый Р. Коэн разработал типологию диаспоральных структур, выделив: диаспоры–жертвы, трудовые диаспоры, имперские диаспоры, торговые диаспоры, культурные диаспоры.

Интересным с научной точки зрения является тот факт, что Р. Коэн, не проводя существенных различий между особой этнической группой и определенным типом диаспоральных образований, идентифицирует еврейские, палестинские, ирландские, африканские и армянские диаспоры как диаспоры–жертвы. Помимо них он выделяет: британцев как имперскую диаспору, индусов как трудовую диаспору, китайцев как торговую диаспору, жителей Карибских островов как культурную диаспору.

Израильский ученый Г. Шеффер предлагает иную типологию диаспор (не менее интересную, чем Р. Коэн):

- диаспоры с глубокими историческими корнями (сюда относятся армянская, еврейская и китайская);
- «дремлющие» диаспоры (американцы в Европе и в Азии, скандинавы в США);
- «молодые» диаспоры (их образуют греки, поляки и турки);
- «зарождающиеся», то есть находящиеся лишь в начальной стадии своего становления (их только начинают формировать корейцы, филиппинцы, а также жители бывших советских республик на постсоветском пространстве);
- «бездомные», то есть не имеющие «своего» государства (в эту категорию попадают диаспоры курдов, палестинцев и цыган);
- «этнонациональные» – самый распространенный тип диаспор. Их характерная особенность в том, что они чувствуют за спиной незримое присутствие «своего» государства;

---

²⁴ Cohen R. Diasporas and the Nation-State: From Victims to Challengers // International Affairs. 1992. №72 (3). pp. 507-20.

– диаспоры «рассеянные» и диаспоры, живущие компактно²⁵.

Особого научного внимания заслуживает типология диаспоральных структур, предложенная отечественным ученым В.Д. Попковым. Он разделяет типы диаспор по восьми критериям:

1. Общность исторической судьбы. По этому критерию выделяются два типа: а) диаспоральные образования, члены которых проживают на территории своего бывшего государства, но за пределами отделившейся страны исхода (например, армянские или азербайджанские диаспоры в России, русские (и «русскоязычные») общины в государствах Средней Азии); б) диаспоральные образования, члены которых ранее не были связаны с территорией нового проживания единым правовым, языковым полем и никогда не являлись частью единого государства (сюда относится большинство ныне существующих диаспор – например, армяне в США или во Франции, турки в Германии и др.).

2. Юридический статус. Этот критерий также позволяет разделить диаспоры на два типа: а) общины, члены которых обладают официальным юридическим статусом, необходимым для легального пребывания на территории принимающего региона (сюда относится статус гражданина страны поселения, вид на жительство, статус беженца и т.д.); б) общины, члены которых находятся на территории принимающей страны преимущественно нелегально и не имеют официальных документов, регламентирующих их пребывание (автор типологии подчеркивает, что такое разделение условно, поскольку в каждой общине есть как легально, так и нелегально пребывающие члены).

3. Обстоятельства появления диаспор. Здесь возможны два случая. Первый связан с миграцией. Группы людей пересекают государственные границы и перемещаются из одного региона в другой, в результате возникают новые диаспоральные общины либо пополняются уже существующие. Второй случай предполагает перемещение самих границ: та или иная группа остается

---

²⁵ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. – М., 2003. – №1. – С. 162-184.

на месте и, оказавшись «вдруг» в положении этнического меньшинства, вынужденно формирует диаспоральную общину (наиболее ярким примером могут служить русские в бывших республиках Советского Союза).

4. Характер мотивации к переселению. В соответствии с этим критерием диаспоральные образования делятся на: а) возникшие в результате добровольного перемещения людей, движимых, например, экономическими мотивами (такowymi являются большинство «новых» диаспоральных общин в странах ЕС, например, турки или поляки в Германии); б) сформировавшиеся в результате «выдавливания» членов данной этнической группы с исходной территории вследствие различного рода социальных, политических изменений или природных катаклизмов (в эту категорию попадает большинство классических диаспор, возникших в результате принуждения к переселению).

5. Характер пребывания на территории региона поселения. По этому критерию диаспоры делятся на три типа: а) общины, члены которых ориентированы на постоянное нахождение на новой территории, то есть на оседлость и получение гражданства страны поселения; б) общины, члены которых склонны рассматривать регион нового поселения как транзитную область, откуда должно следовать продолжение миграции или возвращение в страну исхода; в) общины, члены которых настроены на непрерывную миграцию между страной исхода и регионом нового поселения (сюда следует отнести, например, значительную часть азербайджанцев в России, ориентированных на челночную миграцию).

6. Наличие «базы» в регионе нового поселения. Здесь выделяются два типа: а) диаспоральные образования, члены которых длительное время проживают (или проживали) на территории региона поселения, исторически связаны с местом нового проживания и уже имеют опыт взаимодействия с его культурой и обществом. Такие диаспоры отличаются наличием сложившихся сетей коммуникаций, обладают высоким уровнем организации и экономическим капиталом (типичными примерами являются

еврейские или армянские диаспоры на территории России); б) диаспоральные общины, возникшие в относительно недавнее время и не имеющие опыта взаимодействия с культурой и обществом принимающего региона (сюда относятся «новые», или «современные» диаспоры – такие, например, как турки в Германии или афганцы в России).

7. «Культурная схожесть» с принимающим населением. Данный критерий предполагает разделение на три типа: а) общины с близкой культурной дистанцией (например, белорусские общины в России, азербайджанские общины в Турции, афганские общины в Иране); б) общины со средней культурной дистанцией (например, русские общины в Германии); в) общины с дальней культурной дистанцией по отношению к населению принимающего региона (например, турецкие общины в Германии).

8. Наличие государственных образований на территории страны исхода. Данный критерий предполагает разделение диаспоральных общин на три типа: а) диаспоральные общины, члены которых имеют свое государство, историческую родину, куда они могут вернуться добровольно либо быть высланы властями региона нового поселения; б) «безгосударственные» диаспоры, члены которых не имеют официально признанного государства, на поддержку которого могли бы рассчитывать (сюда относятся, например, цыгане, палестинцы)²⁶.

Другая концепция, предложенная ученым Х. Тололяном, концентрирует внимание на следующих элементах, в которых, по мнению автора, отражена суть феномена диаспоральной структуры.

1. Диаспора формируется вследствие принуждения к выселению; в результате этого за пределами страны происхождения оказываются большие группы людей или даже целые общины. Одновременно может иметь место добровольная эмиграция индивидов и малых групп, что также приводит к возникновению анклавов в принимающих странах.

---

²⁶ Попков В.Д. Некоторые основания для типологии диаспор [Электронный ресурс] // Библиотека сайта социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: // <http://lib.socio.msu.ru/libRARY?e=d-000-00---0kongress> (дата обращения: 03.01.16).

2. Основа диаспоры – сообщество, которое уже обладает ясно очерченной идентичностью, сформированной в стране исхода. Речь идет о сохранении и непрерывном развитии первоначальной и «единственно верной» идентичности, несмотря на возможность появления новых форм самоидентификации.

3. Диаспорной общиной активно поддерживается коллективная память, которая является основополагающим элементом ее самосознания. В случае с еврейской диаспорой коллективная память воплощена в текстах Ветхого Завета. Такие тексты или воспоминания могут впоследствии стать ментальными конструкциями, служащими для сохранения цельности и «чистоты» идентичности.

4. Как и другие этнические группы, общины диаспоры сохраняют свои этнокультурные границы. Это происходит либо по собственной воле, либо под давлением населения принимающей страны, которое не хочет ассимилировать их, либо благодаря тому и другому.

5. Общины заботятся о поддержании связей друг с другом. Такие связи часто носят институционализированный характер. Взаимодействие, включающее переселение и культурный обмен между первичными общинами, ведет, в свою очередь, к постепенному зарождению вторичных и третичных диаспор. Члены сообщества продолжают воспринимать себя как семью и, в конечном счете, если концепция исхода перекрывается национальной идеей, рассматривают себя как единую нацию, рассеянную по различным государствам.

6. Общины стремятся к контактам со страной исхода. Недостаток в подобных контактах компенсируется общеразделяемой лояльностью и сохранением веры в мифическую идею возвращения²⁷.

Как мы видим, некоторые положения Х. Тололяна согласуются с идеями В.Д. Попкова, а в ряде случаев дополняют их. Как и в концепции последнего, выделяется положение о динамичном

---

²⁷ Тололян Х. Армянский вопрос вчера, сегодня: история, политика, право. М., 2008 — С. 9-14.

характере переселения.

Следует отметить, далеко не все национальные общности в рассеянии могут соответствовать (даже с оговорками) классической парадигме диаспоры. Поэтому речь все-таки не должна идти о том, чтобы классические диаспоры, в частности, еврейскую, применять в качестве «измерительного прибора» для других сообществ на предмет соответствия или несоответствия их критериям «настоящей» диаспоральной структуры. Возможно, вообще не стоит сравнивать между собой опыт формирования диаспоральных структур различными национальными (этническими) общностями, опираясь на жесткую систему признаков. Можно лишь выделить некоторые существенные признаки диаспоры, используя в качестве базиса «классические случаи». Достоинством приведенных концепций является то, что они предлагают ряд общих признаков научному сообществу, и задача последнего – осмыслить, усовершенствовать и дополнить эти идеи.

Таким образом, изучив различные типологии диаспоральных структур, следует признать, что о них следует говорить как об интегративных объединениях социокультурной (этнополитической) группы, идентификация которых носит многоаспектный характер, как для принимающего общества, так и для страны исхода. При этом первичными признаками идентификации диаспор служат язык, культура, самобытность и их цивилизационная ментальность.

Понятие «современных» диаспор исследователи связывают большей частью с возникновением волн трудовых миграций в индустриально развитые страны.

Особенности «современных» диаспор рассмотрены в работах ученых Ж. Тощенко и Т. Чаптыковой. В своем подходе авторы выделяют четыре основных признака диаспоры:

1. Пребывание этнической общности за пределами своей исторической родины. Этот признак является исходным, без которого невозможно рассматривать сущность феномена диаспоры.

2. Диаспора рассматривается как этническая общность, обладающая основными характеристиками культурной самобытности

своего народа. Если этническая группа выбирает стратегию ассимиляции, то она не может быть названа диаспорой.

3. В качестве третьего признака называются организационные формы функционирования диаспоры, например, такие как землячества, национально-культурные центры, общественные или политические движения. Таким образом, если у этнической группы отсутствуют организационные функции, то это предполагает и отсутствие диаспоры.

4. Осуществление диаспорой социальной защиты конкретных людей²⁸.

По мнению авторов, только общности, «устойчивые к ассимиляции», способны создавать диаспоры; причем устойчивость диаспоры обеспечивается фактором организации, плюс наличие некоего «стержня», в качестве которого может фигурировать, например, национальная идея или религия. Принимая во внимание все вышеназванные признаки, авторы определяют диаспору как «устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, живущую в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа) и имеющую социальные институты для развития и функционирования данной общности»²⁹.

Особое внимание в данном подходе уделяется функциям диаспоральных структур. Как полагают авторы, одной из наиболее распространенных функций диаспоры является поддержание и укрепление духовной культуры своего народа (этнической общности). Причем, особый акцент ставится на сохранение родного языка, хотя подчеркивается, что сохранение родного языка далеко не всегда является основным признаком диаспоры. Существует достаточно примеров тому, когда диаспоры частично или полностью утрачивали родной язык, но не прекращали свое существование.

В качестве ключевой функции диаспоры Ж. Тощенко и Т. Чаптыкова выделяют сохранение этнического самосознания,

---

²⁸ Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. – 2004. №3 — С. 16-24.

²⁹ Там же. — С.16-24.

или четкое осознание принадлежности «своему» этносу. В основе этой функции лежит противопоставление «мы – они», которое определяет процессы идентичности членов диаспоры. Важной функцией считается защита социальных прав членов диаспоры. Это касается помощи в профессиональном самоопределении, регулировании миграции и занятости. Кроме того, здесь предусматривается деятельность диаспор по преодолению предрассудков и других негативных явлений, связанных с антисемитизмом, шовинизмом и прочими агрессивными проявлениями в отношении ее членов.

Особо выделяются экономическая и политическая функции. Раскрывая экономическую функцию, авторы обращают внимание на то, что некоторые виды экономической деятельности являются (или постепенно становятся) «специфичными» для представителей той или иной диаспоры. В случае с политическими функциями речь идет о лоббировании членами диаспоры дополнительных гарантий, прав, возможностей для своего этноса или диаспоры.

В заключение авторы поднимают вопрос о длительности существования диаспоры или о ее «жизненном цикле». Здесь считается, что диаспора может существовать неопределенно долго как автономная часть материнского этноса (народа). В то же время прослеживается идея о том, что те мигранты, которые уже однажды потеряли свою родину, никогда не будут больше полностью приняты в общество страны исхода, и в то же время никогда полностью не освободятся от чувства «чужого» в стране поселения. Поэтому они вынуждены создавать свой мир, который базируется на двойной идентичности, «между» двумя обществами.

Отдельного научного внимания заслуживает изучение диаспор как особых субъектов экономических и социально-политических процессов в мире. Диаспоральная структура является достаточно долговременной общностью. Как субъект она может быть связана с процессом миграции, ассимиляцией, этнической трансформацией и разного рода иными этническими и социально-политическими процессами. Но это не дает основания отождествлять ее с каким-либо процессом или считать одним из процессов. Диаспору

принято рассматривать в связи со страной исхода и страной нового места жительства.

Судя по древнейшим письменным источникам и этнографическим материалам об этнонациональных общностях, имеющих догосударственные формы социальной организации, диаспоры как субъекты культурно-исторического процесса столь же древни, как сами этносы и конфессиональные общности. Поскольку история человечества неотделима от экономики, ибо любая человеческая общность имеет какой-либо экономический базис, диаспоры изначально были субъектами экономических процессов. При этом с древнейшего времени прослеживаются многие из существующих в современности общих закономерностей. Диаспоры могут играть в экономике непропорционально большую по сравнению со своей величиной роль. Эта закономерность объясняется целым рядом причин.

В качестве основных из них ученый С.В. Стрельченко называет следующие³⁰:

1. По мнению С.В. Стрельченко, представители диаспорного меньшинства могут обладать специфическими трудовыми навыками, которыми в меньшей степени обладают или не обладают представители окружающей диаспору внешней среды. Так, например, в период с конца XVIII в. по 1917 г. армянские диаспоры Поволжья подтверждали правило о непропорционально большом вкладе диаспоры в экономику на примере ее торгово-промышленной сферы, а украинское меньшинство региона практически монополизировало соляной промысел. Подобная очень узкая специализация диаспоры в какой-либо области экономики – не единичный пример. Аналогичные, позволяющие сделать обобщение факты не редки. В начале XIX в. выходцы с Гаити на Кубе специализировались на производстве кофе, который был мало известен на острове как сельскохозяйственная культура. В 70-е гг. XX в. корейцы городских диаспор Латинской Америки

---

³⁰ Стрельченко С.В. Диаспора как субъект социально-экономических процессов (Социально-философский анализ наиболее общих тенденций в прошлом и настоящем) // Энергия. – 2006. №7 — С. 65-68.

контролировали торговлю готовой одеждой. В Древнем Египте дальнейшее мореплавание являлось специфической областью деятельности этнических финикийцев. Специфические трудовые навыки и род экономической деятельности могут быть связаны с конкретными этнокультурными особенностями, носителями которых являются члены диаспор. Но эта закономерность не универсальна. Так, в начале XX в. для русских Парижа была характерна профессия водителя такси. Прямой связи с особенностями этнической культуры здесь нет. А гусеводство – одна из традиционных отраслей русского крестьянского хозяйства, и это прослеживается, в частности, на примерах русских молоканских диаспор в странах ближнего и дальнего зарубежья. Во втором случае экономическая деятельность имеет явную этническую, а следовательно, этнодиаспорную маркировку. Фактологический материал подобных примеров огромен. Причину данной тенденции С.В. Стрельченко усматривает в том, что этносы связаны с характерными для них хозяйственно-культурными типами (ХКТ), которые формируются под действием географо-климатических и социальных условий и отражаются в трудовых навыках и, следовательно, в социально-экономической роли диаспоры. В условиях взаимосвязанного и параллельного развития межэтнической интеграции и интеграции экономической традиционные навыки и продукты производства значительно реже воспринимаются как имеющие этническую маркировку. Но даже в эпоху глобализации существуют многочисленные рестораны национальных кухонь, сувенирные и антикварные магазины и т.д., что вносит в совокупности значительный вклад в производство и сферу обслуживания.

2. Диаспоры, как считает С.В. Стрельченко, могут владеть непропорционально большой долей денежного капитала и собственностью других видов. Это дает возможность дальнейшей концентрации собственности и ведет к усилению позиций диаспор в различных отраслях экономики, вплоть до их полной монополизации. Пример тому – известные с древнейших времен по настоящее время торговые меньшинства. Они существовали во всех культурно-исторических регионах с государственными

или предгосударственными формами социальной организации (вождествами). Так, в странах Юго-Восточной Азии сферу торговли в основном контролировали китайские, индийские, арабские диаспоры. В странах Черной Африки со средних веков значима роль индийских, а еще более – арабских, в частности ливанских, торговых меньшинств. Торговое меньшинство существовало даже в государстве инков, в обществе, которое практически не знало института торговли. С приходом капитализма торговые диаспоры начинают заниматься не только торговлей, но и организацией производства. Поэтому их вернее будет назвать в наше время «торгово-предпринимательскими».

3. Социально-демографическая структура диаспор как предпосылка к лидерству в экономике также признается С.В. Стрельченко одной из важнейших причин увеличенной роли диаспор в экономических процессах. Самый известный из всех вариантов генезиса диаспор – их появление в результате переселения с исторической родины. Анализ исторического материала дает основания сделать такой вывод: во множестве случаев группу переселенцев нельзя рассматривать просто как «сколок с этноса», его механически отделенную часть, с внутренней структурой, один к одному отражающей структуру исходной общности. Мигранты различны при их рассмотрении по разным критериям: половозрастной состав, уровень образования и профессиональной подготовки, психологические характеристики. В потоке мигрантов преобладают мужчины трудоспособного возраста, с уровнем образования и профессиональной подготовки выше среднего, как правило, энергичные и предприимчивые. Таким образом, мигранты экономически более активны в сравнении со средними характеристиками исходной общности. Явление это отчасти стихийно, отчасти целенаправленно контролируется со стороны государств, заинтересованных в притоке или ограничении каких-либо категорий мигрантов. Многие государства практиковали вербовку или вводили ограничительные квоты в соответствии с возрастным, профессиональным, имущественным и т.д. уровнем мигрантов. Как следствие этих стихийного и целенаправленного отборов,

экономическая роль диаспоры может превышать средний показатель в окружающем социуме, что проявляется, в частности, в уровне жизни, который значительно выше, чем на исторической родине, и превосходит уровень окружающих. Например, В США конца XX в. суммарный доход диаспор азиатского происхождения значительно превосходил средний: 22,1 тыс. долл. на семью против среднестатистического – 16,8 тыс. долл. Он даже несколько выше, чем у белых американцев с доходом в 20,8 тыс. долл. (по данным 1984 г.). При этом японцы и выходцы из Южной Кореи составляли лишь меньшую часть диаспорных групп, обобщенных под понятием «азиаты» и включающих в себя китайцев, вьетнамцев, филиппинцев, индийцев, иранцев и выходцев из других стран Азии. Таким образом, подавляющее большинство азиатских диаспор имеет исторические родины с уровнем жизни значительно ниже американского. Аналогичная закономерность прослеживается и в некоторых русских и русскоязычных диаспорах США, в частности, на Аляске.

4. Корпоративность диаспоры наряду с остальными причинами также считается преимуществом в экономической деятельности. В то время как большая часть индивидуумов окружающего социума социально атомизирована, представители диаспор используют преимущество корпоративности. При этом корпоративность может быть как внутренней, так и внешней. Внутренняя корпоративность проявляется во взаимопомощи, которую члены диаспоры оказывают друг другу. Она действует и в экономической сфере, причем имеет разнообразные формы: помощь при адаптации вновь прибывших, включая трудоустройство, льготные финансовые ссуды, предпочтения при деловых контактах и т.д. С развитием международной интеграции все большее значение приобретает внешняя корпоративность. Диаспора может быть связана с множеством разного рода общностей: государством – местом исхода, материнским этносом, другими диаспорами той же этнической или конфессиональной принадлежности. Часто диаспоры имеют контакты с другими диаспорами, обладающими с ними общими признаками, либо с иными общностями, так или

иначе связанными с ними культурно и исторически. Так, в конце XX в. у русских Ирана были связи с армянской общиной. Калмыки США сближаются, с одной стороны, с русской диаспорой, с другой – с японской. Являясь выходцами из Польши, белорусы Аргентины были ориентированы на Россию как на государство близкого этноса.

Указанная многоплановость создает возможность множества вариантов внешней корпоративности. Вследствие этого диаспоры могут лоббировать экономические интересы общностей, с которыми связаны и, в свою очередь, получать от них экономическую помощь. Примером современных узколокальных экономических связей могут служить также итальянские, греческие и отчасти китайские диаспоры Новой Зеландии. Они проявляются в экономической сплоченности, заметной по однородности деятельности. Для греков характерно занятие ресторанным бизнесом, для итальянцев – пригородное садоводство. Другое свидетельство этого – эффект «цепной миграции»: мигранты прибывают из одних деревень и городских районов Греции и Италии, большая часть китайцев – из Гонконга и прилегающей территории Южного Китая. Яркий пример экономической ориентации на «глобальные метафоры» – мусульманская община Великобритании. Она лоббирует политические и экономические интересы не только конкретных этносов и государств, но и исламского мира в целом, включая те его части, которые не давали притока мигрантов в нее. В том случае, если материнский этнос имеет свой этносоциальный организм в виде отдельного суверенного государства, векторы связи диаспоры с этносом и государством практически совпадают³¹.

Исследователи полагают, что каждая из экономических или социально-политических тенденций, в которых участвует диаспора, связана с более общими закономерностями функционирования диаспоры, будучи ее частным проявлением. При этом ни одна из

---

³¹ Стрельченко С.В. Диаспора как субъект социально-экономических процессов (Социально-философский анализ наиболее общих тенденций в прошлом и настоящем) // Энергия. – 2006. №7 — С. 65-68.

тенденций не является абсолютно новой, но все они выходят на новый уровень. Связанные с диаспорой тенденции развиваются в русле расширяющихся этнических, социально-политических и экономических тенденций современности, поэтому необходимым для адекватного построения стратегий экономического развития и направлений национальной политики является всестороннее изучение особенностей развития национальных диаспор в различных регионах нашей страны.

Анализ диаспоральных структур в научно-академическом дискурсе был бы не полным без выявления их форм организации в принимающем государстве.

По мнению авторов работы, идеализированная модель взаимодействия диаспоральных структур и принимающего государства предполагает развитие диалога, качественного коммуницирования, обмена, и в этой связи особо актуальным становится такой институт представительства как национально-культурная автономия – одна из организационных форм оформления диаспоральных структур в принимающем обществе. Так, проблема обеспечения бесконфликтных межгосударственных взаимодействий, успешной геополитической (социокультурной) адаптации и идентификации диаспоральных структур находит свое решение в рамках национально-культурной автономии (НКА) и национально-культурного общества (НКО). Их создание является одной из наиболее актуальных проблем для постсоветских диаспоральных структур.

Стоит, наверное, согласиться с тем, что сами по себе толерантные установки и гарантированное признание культурного многообразия недостаточны для установления межкультурного и межэтнического согласия. Необходимо также совмещение национально-культурной деятельности с работой по интеграции, включению в институты гражданского общества, координация деятельности диаспоральных общественных объединений со стороны государственной власти.

Именно поэтому следует уделять особое внимание проблеме становления НКА не только как института отстаивания этнических

интересов и поддержки идентичности, но и как общественно-значимого института формирования постсоветских индивидов как граждан идейно-целостного евразийского сообщества.

Как пишет ученый Г.В. Калугина, институт национально-культурной автономии как структуры, официально признанной государством, востребован в современном российском обществе. Меняется его роль и место в общественно-политических и социально-экономических процессах. На этот институт сегодня возлагаются самые разнообразные миссии: от элементарной помощи в трудную минуту, отслеживания и регулирования внутриобщинных процессов до консолидации диаспоры³².

1. НКА как субъект общественно-политической мобилизации. Исследователь Г.В. Калугина справедливо отмечает особенность института НКА: не декларируя политических целей, данные организации могут становиться субъектами политической деятельности ввиду своей способности к общественно-политической мобилизации и социализации³³.

2. НКА как самоуправляющийся элемент евразийского мира. По определению ученого Ж.Т. Тощенко, НКА – «это образование самоуправляющегося национального союза (общества) по желанию составляющих его представителей того или иного народа, в большинстве случаев – национального меньшинства. Она позволяет объединиться на личностной или коллективной основе людям, принадлежащим к одной и той же этнической группе, независимо от места жительства и от того, являются ли они региональным большинством или же расплелены по территории государства»³⁴.

3. НКА как форма самосознания. Ученый Т.Я. Хабриева называет НКА «особой формой этнического самосознания в особых условиях расселения этноса». По ее мнению, НКА – это экстерриториальная (или внетерриториальная) форма этнической

---

³² Калугина Г.В. Национально-культурное общество в Иркутске: от клуба друзей Польши до Ассоциации защиты прав китайских граждан (трансформация феномена) // Известия Иркутского гос. Ун-та. Серия «Политология. Религиоведение», 2008. № 1 — С. 48.

³³ Там же.

³⁴ Тощенко Ж. Т. Этнонациональная политика: плюсы и минусы // Вестник Российского университета дружбы народов. 2002. № 1 — С. 7.

самоорганизации; поскольку при создании такой организации речь идет об объединении людей не на основе каких-то политических лозунгов, а на базе общности языка и элементов этнической культуры, то НКА не может быть наделена правом на самоопределение политического характера. Ее форма создает возможности тесной взаимосвязи индивидуальных прав человека и коллективных прав этноса, по каким-либо причинам не имеющего условий для создания территориальных форм национальной автономии. Т.Я. Хабриева опирается на понимание НКА, заложенное в законодательстве Российской Федерации, где национально-культурная автономия – «это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой общественное объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенным этническим общностям, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры»³⁵.

Национально-культурная автономия основывается на принципах свободного волеизъявления граждан при отнесении себя к определенной этнической общности, принципах самоорганизации и самоуправления, многообразия форм внутренней организации национально-культурной автономии, сочетания общественной инициативы с государственной поддержкой, уважения языка, культуры, традиций и обычаев граждан различных этнических общностей, законности.

Национально-культурная автономия имеет право: «получать поддержку со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления, необходимую для сохранения национальной самобытности, развития национального (родного) языка и национальной культуры; обращаться в органы законодательной (представительной) и исполнительной власти, органы местного самоуправления, представляя свои национально-культурные интересы; создавать средства массовой информации

---

³⁵ Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М., 2003. С.7-8.

в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, получать и распространять информацию на национальном (родном) языке; сохранять и обогащать историческое и культурное наследие, иметь свободный доступ к национальным культурным ценностям; следовать национальным традициям и обычаям, возрождать и развивать художественные народные промыслы и ремесла; создавать образовательные и научные учреждения, учреждения культуры и обеспечивать их функционирование в соответствии с законодательством Российской Федерации; участвовать через своих полномочных представителей в деятельности международных неправительственных организаций; устанавливать на основании законодательства Российской Федерации и поддерживать без какой-либо дискриминации гуманитарные контакты с гражданами, общественными организациями иностранных государств. Осуществление права на национально-культурную автономию не должно наносить ущерб интересам других этнических общностей»³⁶.

Сегодня НКА являются реальными посредниками между властью и представителями той или иной национальности. Отчетливо дифференцируются и осознаются запросы участников и активистов этих организаций. Определился и спектр этих запросов: от удовлетворения этнокультурных потребностей до решения адаптационных задач мигрантов. Институт национально-культурных автономий не только стал реальностью современной российской жизни, но и наполнился новым содержанием. В настоящее время в России зарегистрировано 17 федеральных национально-культурных автономий, которые различаются по своему статусу и имеют свои особенности. На региональном и местном уровнях насчитывается 574 НКА³⁷.

---

³⁶ Федеральный закон «О национально-культурной автономии» : ФЗ РФ от 17.06.1996 №74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №24. Статья 1.

³⁷ Оморова Н.И. Глобализация и трансформация этнической идентичности диаспор//Век глобализации. 2014. №1 — С. 160-165.

1.2 ДИАСПОРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА И НОВЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ВЫЗОВЫ

В основе возникновения диаспоральных структур лежат не только рационально-экономические принципы, но и идентификационно-цивилизационные коды. Исследователь И.Д. Лошкарев пишет по этому поводу следующее: «Эти связи потенциально более интенсивны, но и менее устойчивы в сравнении с институциональной коммуникацией. Проще говоря, диаспоры способны работать с большей отдачей, но могут и быстро «перегореть». Поэтому для эффективного использования ресурсов диаспор требуется умелый подход»³⁸.

Исходя из логики И.Д. Лошкарева, диаспоральные структуры изначально формируются как некие системообразующие сообщества в неинституциональном пространстве («система вне системы») и пытаются интегрировать людей по идентификационно-цивилизационным кодам («культурный бэкграунд»). И только потом приобретают черты институциональности.

По нашему мнению, подобная позиция не лишена научного смысла и подтверждается диаспоральностью постсоветского пространства, где принципы единения всегда имели и имеют какое-то особое духовно-идейное значение. Даже академическая наука не всегда успевает в полной мере объяснить этот феномен и интерпретировать его.

Очевидно, что постсоветское пространство несколько иначе воспринимает и транслирует сущность диаспоральных структур, что обусловлено ходом исторического развития самого постсоветского региона. Естественно, диаспоральность не может полностью определять перспективы сохранения евразийского притяжения государств на постсоветском пространстве. Несомненно, что евразийская идея куда шире диаспоральных границ и возможностей государств. Диаспоральность есть ключевой фактор для

---

³⁸ Лошкарев И.Д. Роль диаспор в современной мировой политике // Международные отношения и мировая политика. 2014. №5 — С.137.

определения показателя интегрированности и может быть подкреплена сильными цивилизационными ценностями. К примеру, если взять две одинаковые по размеру этнические группы, чьи показатели рассеянности по территории также одинаковы, то вероятно, что именно группа с общей историко-цивилизационной ментальностью будет чувствовать себя в стране пребывания более комфортно. И в этом уникальность постсоветского пространства.

По мнению эксперта Р.Р. Назарова, диаспоральная уникальность постсоветского пространства подтверждается наличием действенных национально-культурных объединений в странах исхода: «Так, в Казахстане активно функционирует Ассамблея народов Казахстана, в Кыргызстане – Ассамблея народов Кыргызстана, в Узбекистане – Республиканский интернациональный культурный центр и т.д. Руководством государств активно используются ресурсы, которые дает этническая близость между диаспорами и зарубежными государствами. Так, стало распространенной практикой включать в состав официальных делегаций при визитах в ту или иную страну руководителей соответствующих национально-культурных центров и обществ»³⁹.

Как пишет в своих работах М.А. Мыльников: «Несмотря на утрату национальными государствами монополии на внешние сношения, подавляющее большинство новообразованных международных структур не заинтересованы в нивелировании их позиций. Государство представляет собой универсальный политический механизм, пригодный для реализации целей и задач структур, следовательно, на первый план выходит стремление использовать существующий государственный аппарат, предельно адаптировав его к корпоративным интересам (в нашем случае – евразийские интересы)»⁴⁰.

Евразийская сущность постсоветских диаспоральных структур

---

³⁹ Назаров В.В. Этнические диаспоры как фактор развития этнополитических и межгосударственных отношений в Центральной Азии // URL: <http://ia-centr.ru/expert/2451> (дата обращения: 29.12.15).

⁴⁰ Мыльников М.А. Модели «организации» этнической миграции на постсоветском пространстве / М.А. Мыльников // Сборник статей молодых ученых Института экономики и социальных технологий КГЭУ «Вопросы социально-гуманитарных исследований». - Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2005. — С. 72-78.

отчетливее всего проявляется в процессе их непосредственного участия в интеграционных процессах. Подобные контакты являются существенным стимулом для дальнейшего укрепления евразийских ценностей, которые простираются (транслируются) от отдельных диаспоральных систем до постсоветских стран, способствуют сближению и объединению государств по цивилизационному принципу.

Руководствуясь необходимостью в терминологической и концептуальной строгости, стоит более детально соотнести историко-цивилизационную сущность феномена диаспоры с явлением «постсоветское пространство».

Понимание авторами данной работы категории этнополитического (этнокультурного) пространства солидарно с определением, данным учеными И.Ю. Рябковым и Н.Б. Череминым: «Этнополитическое пространство – это многомерный, сложно структурированный пространственно-временной континуум политической коммуникации, в которой принимают участие разностатусные политические субъекты и политически оформленные системы, ассоциированные с этническими группами при помощи специальных идеологий»⁴¹.

Постсоветское пространство получает форму глобального региона, а интеграция выступает уже не внутренним механизмом взаимодействия бывших советских республик, а инструментом конструирования качественно нового пространства, в котором, с одной стороны, соединяются и разъединяются постсоветские государства, а с другой стороны, появляются новые участники глобальной неоевразийской регионализации.

Евразийство не просто отрицает однополярную глобализацию, оно выдвигает конкурентный и не менее обоснованный проект многополярной глобализации как альтерглобализации. Критики проекта говорят о том, что наличие ряда центров силы – ЕС, Китая, Индии, России (как центра притяжения постсоветского

---

⁴¹ Рябков И.Ю., Черемин Н.Б. Этнополитические аспекты развития современных государств в эпоху глобализации на примере Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2012. № 2(26). — С. 177-183.

пространства) – делает маловероятным возникновение одной континентальной интеграционной организации наднационального характера, более вероятным представляется путь заключения различного рода многосторонних соглашений, направленных на решение отдельных задач.

Постсоветское пространство включает в себя сферу идентификации (этнокультурную, общегражданскую, евразийскую) социальных групп, межгосударственные взаимодействия и интеграционные процессы на его территории. Внутри постсоветского пространства возникают отдельные субпространства, обладающие всеми свойствами этнополитических (социокультурных) пространств. Поэтому логично рассматривать постсоветское пространство с точки зрения коммуникации, поскольку именно коммуникационные потоки способствуют его единению.

Само постсоветское пространство представлено комбинациями социально-политических, экономических, культурных и идейно-символических связей, их содержанием, а также позицией государства и социума по отношению к этим трендам. При этом социально-политические, экономические, культурные и иные интеграционные связи на постсоветском пространстве включают аккумуляцию («историческую память»), использование и эффекты различных типов евразийского единения, уровень их притяжения и конвертируемость интересов.

Для постсоветского пространства характерно:

1. «Плюрализм включенности», в нем нет строго фиксированного членства, один и тот же человек может принадлежать к нескольким постсоветским сообществам (гражданин Казахстана, евразиец, руководитель диаспоральной структуры в России и т.д.) и такой индивид всегда будет рассматриваться как «свой» в призме постсоветского.

2. «Социальная память» (коммуникативно-культурная память), связанная со значимыми событиями общества, каналом распространения которой являются памятники, тексты, праздники, события. Ученый Я. Ассман выделяет 5 характеристик социальной

памяти. К ним относятся:

- Формирование отношения к определенным группам. Данная характеристика заключается в том, что на основе полученных знаний, которые были созданы культурной памятью, индивид становится способным формировать положительное или отрицательное отношение к социальным группам.
- Социальная память формируется с помощью общества, которое имеет «способность реконструировать» образы прошлого, так как сама по себе память «не имеет возможности сохранять прошлое». Социальная память реконструируется путем соотнесения с настоящим, вписывания в современный контекст.
- Социальная память конструируется посредством множества каналов – письменных, устных, ритуальных практик.
- Социальной памяти необходимо обладать «институциональной поддержкой». «Институциональная поддержка» может выражаться в проведении различных церемоний. Также социальная память основывается на «поддержке носителей» (например, носителями могут выступать жрецы).
- Одной из характеристик социальной памяти является рефлексивность, «через свое культурное наследие общество осознает себя и становится осознанным для других»⁴².

Постсоветское пространство определяет ситуации, в которых диаспоральные сообщества, перемещаясь в рамках одного постсоветского поля, уже изначально (на уровне исхода) связаны крепкими цивилизационными и идейно-историческими узами в уникальное евразийское образование, как между отдельными постсоветскими странами, так и внутри этого пространства.

Так, по мнению эксперта Г. Бартоша: «Ситуация находящихся в диаспоре граждан бывшего Советского Союза после его распада является, однако, уникальной. Она противоречит традиционному пониманию среды диаспоры по многим причинам.

---

⁴² Assmann J., Czaplicka J. Collective Memory and Cultural Identity // *New German Critique*. 1995. №65. P. 129-133.

Во-первых, из-за отсутствия родимой земли – политической родины, которой многие советские граждане считали эту великую страну. Во-вторых, постсоветская диаспора имеет надэтнический характер, лингвистически разнородный, поскольку сама система СССР была гетерогенной. Здесь нет стремления к сообществам, базирующимся на национальных традициях, людей объединяют цивилизационно-сентиментальные чувства, часто называемые ностальгией (такие чувства чаще всего появляются с течением времени и связаны с тоской по молодости). В результате мы нередко сталкиваемся с особой диаспорой, которая очутилась вне пределов родины, хотя место ее проживания не изменилось. Эта диаспора может стремиться вернуть прежние, сложившиеся в эпоху СССР реалии жизни в ностальгическом измерении»⁴³. И это ностальгическое измерение формируется посредством евразийских коммуникаций.

Евразийская коммуникация представляет собой совокупность всех взаимодействий межгосударственного характера, осуществляемых субъектами и агентами постсоветских отношений в контексте международного сотрудничества и интеграции. И постсоветские диаспоры служат теми самыми евразийскими коммуникациями XXI века.

При этом не стоит забывать, что диаспоральность постсоветского пространства включает в себя не только всю совокупность индивидов, связанных родственной этнокультурной идентификацией и общей генеалогией рассеяния, но и тех представителей постсоветского сообщества, которые не принимают непосредственное участие в миграционных процессах, однако, будучи включенными в сети евразийских коммуникаций, опосредованно вовлекаются в функционирование постсоветских сообществ, являются их неотделимой частью, производителем и потребителем евразийской идентичности.

В процессе функционирования постсоветских диаспоральных образований в качестве сетевой структуры прослеживаются:

---

⁴³ Бартош Г. Рунет и идентичность постсоветской квазидиаспоры // Политическая лингвистика. 2014. №2. С. 209.

Во-первых, существование евразийских сетей коммуникаций, посредством которых диаспоральные структуры приобретают универсальный статус в постсоветском измерении, могут заметно понижать градус политической и экономической конкуренции между странами.

Во-вторых, попытки внешних политических акторов силой нарушить сети диаспоральных коммуникаций на постсоветском пространстве редко приводят к успеху.

В-третьих, возможно структурирование коммуникационного пространства диаспоральной структуры путем выделения ряда основных направлений ее евразийско-коммуникационной деятельности.

Так, например, исследователь М.А. Мыльников разработал коммуникационные особенности диаспоральных структур, которые могут быть применены для постсоветского пространства.

1. Внутриобщинные коммуникации включают все связи и взаимодействия, складывающиеся между отдельными членами постсоветской диаспоры. В рамках данного коммуникационного субпространства на первый план выходят психосоциальные факторы формирования и поддержания жизнеспособности общины.

2. Трансобщинные коммуникации реализуются через организацию устойчивых взаимосвязей диаспоральных общин и этнически (также конфессионально) родственных организованных групп, функционирующих за границей, но не на территории исторической родины.

3. Коммуникации по вектору «диаспора – историческая родина» включают все виды связей и взаимодействий диаспоры и центра ее рассеяния (этнического материка).

4. Коммуникации по вектору «диаспора – принимающее государство/общество» охватывают всю совокупность социокультурных, экономических, политических и иных взаимоотношений диаспоры и властных/гражданских институтов страны пребывания.

5. Коммуникации по вектору «диаспора – международные межправительственные организации» складываются, прежде всего,

в области защиты прав национальных меньшинств, в том числе на сохранение этнокультурной самобытности и т.п.⁴⁴

Кроме того, в условиях поиска идей евразийской консолидации, который сейчас переживают страны постсоветского мира, непосредственную важность представляет точная настройка механизмов коммуникаций и их персонификация. Поэтому каналы евразийской коммуникации следует выстраивать по принципу зазывания групп интересов в рамках евразийской идеи в целом, между его структурными элементами и Россией.

При этом особое внимание контактирующим сторонам следует обратить на отладку информационных, социальных, экономических и культурно-образовательных каналов взаимодействия, которые непременно должны выходить на партнеров в других странах мира, что позволит постепенно актуализировать (укрепить) взаимный интерес друг к другу. В сложных условиях трансформирующегося коммуникационного пространства постсоветские диаспоры – важный ресурс, носители духовных и иных ценностей, образа жизни, по-прежнему привлекательных в ближнем зарубежье. Данный культурный потенциал при должных усилиях по его актуализации может служить важнейшим фактором евразийского духовного единения в новых независимых государствах, и роль диаспоральных образований может заключаться в его сбережении и трансляции среди населения стран ближнего и дальнего зарубежья.

Сами по себе диаспоральные структуры в коммуникационном плане представляют собой «результат наложения друг на друга социальных, этнических и политических пространств»⁴⁵. В качестве активного субъекта политической коммуникации с государством пребывания диаспора влияет на общественное мнение (например, через СМИ); пытается контролировать уже принятые законы, сотрудничая с администрацией; воздействует на внешнюю

---

⁴⁴ Мыльников М.А. Русские в бывших советских республиках: взгляд со стороны / М.А. Мыльников // Материалы докладов II Молодежной Международной научной конференции «Тинчуринские чтения», 26-27 апреля 2007 г. – Казань.: Казан. гос. энерг. ун-т., — 2007. – С. 11-12.

⁴⁵ Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003 — С. 28.

политику в отношении своего исторического региона⁴⁶. Кроме того, в основе формирования евразийских диаспоральных структур лежит первичное доверие к принимающим постсоветским странам.

Сущность диаспорального оформления постсоветского пространства, имеющего изначально доверительный характер, сводится к переживанию актуальной значимости (ценности) и безусловной надежности объекта предполагаемого взаимодействия, собственной субъективной безопасности и значимости. Несответствие таких взаимных позиций в отношении друг друга, а также по отношению к самим себе, является причиной возникновения у взаимодействующих субъектов диаспоральных взаимоотношений различных видов, типов общений. И именно они становятся «пусковым механизмом» «текучих», неустойчивых и постоянно меняющихся межгосударственных отношений, в основе которых «лежит определенная мера доверия к себе и к другому».⁴⁷

Степень взаимности меры доверия к себе или к другому является определяющей при формировании доверительных отношений диаспоральных структур и принимающих государств. Существует шесть видов доверительных отношений, которые формируются в сфере международных отношений:

1. Доверительные отношения первого вида характеризуются тем, что: «оба взаимодействующих субъекта в равной мере доверяют и себе, и партнеру» (при этом партнер актуально значим, и обладает потенциальной надежностью в той же мере, как значим «Я» и надежны мои действия). Основанное на таких взаимоотношениях межгосударственное взаимодействие способствует возникновению диалогического общения и необходимо для поддержания баланса на постсоветском пространстве.

2. Доверительные отношения второго вида характеризуются тем, что: «каждый из взаимодействующих субъектов доверяет только себе и не доверяет другому». Результатом такого взаимодействия, как правило, становится соперничество и конфронтация,

---

⁴⁶ Тощенко Ж.Т., Чаптыпова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. — С. 46-49.

⁴⁷ Штомпка П. Доверие - основа общества. — М.: «Логос», 2012. — С. 448.

поскольку каждый имеет в виду только себя самого. Здесь идет речь об отсутствии доверия. Данный тип доверия наглядно характеризует отношения между Россией и Украиной. Лимит доверия исчерпан на данный период времени.

3. Третий вид доверительных отношений характеризуется тем, что: «партнеры при взаимодействии доверяют друг другу больше, чем самим себе». Этот вид доверия сопровождается перекладыванием ответственности друг на друга, вследствие чего, отношения становятся рискованным для обоих. Итогом таких отношений становится возникновение безответственности и ненасыщаемость потребности в доверии.

4. Доверительные отношения четвертого вида: «один партнер по взаимодействию доверяет в равной мере себе и другому, а другой – только себе». Возникающая в таких отношениях взаимосвязь меры доверия приводит к проявлениям манипуляции, а также принуждению со стороны того партнера, который демонстрирует доверие только себе.

5. Доверительные отношения пятого вида характеризуется тем, что: «один партнер по взаимодействию доверяет в равной мере себе и другому, а второй доверяет первому более, чем самому себе». Результат такого сочетания меры доверия ведет к формированию отношения к первому партнеру как к авторитетной личности.

6. Шестой вид доверительных отношений отличается тем, что: «один доверяет только себе, а второй – только другому». Сложившееся сочетание меры доверия влечет за собой зависимость от партнера, который доверяет лишь себе, и также способствует использованию другого как средства достижения цели⁴⁸.

Проблема, связанная с формированием института доверия, является одной из ключевых в диаспоральном оформлении постсоветского пространства, укреплении связей (контактов) между постсоветскими государствами и имеет большое геополитическое значение. Это вполне объяснимо, ибо институт доверия является залогом безопасности и мира.

---

⁴⁸ Шо Роберт Б. Ключи к доверию в организации: результативность, порядочность, проявление заботы./ Р.Б. Шо – Москва: Издательство «Дело Год», 2000. – С. 256.

Институционализация доверия на постсоветском пространстве направлена на:

- регулирование поведенческих практик между социальными (диаспоральными) общностями;
- минимизацию усилий на поиск новых партнеров и договоренностей между ними;
- организацию процесса передачи информации⁴⁹.

Если доверие – это фундамент абсолютно любого общества, то институциональное доверие – основа сложно организованных обществ (постсоветское пространство), где существуют специальные организации (диаспоры, принимающие государства), которые генерируют и поддерживают «правила игры»⁵⁰.

Доверие определенным «правилам игры» проецируется на доверие самим сообществам, которые создают и реализуют эти правила.

В теории доверия выделяются два научно-исследовательских направления, применимых для диаспорального изучения постсоветского пространства:

- первое преимущественно обращает внимание на психологические моменты: мотивацию, намерения, установки, и приводит к психологической модели доверия;
- второе – выделяет социокультурные компоненты: правила, ценности, нормы, символы, ведя к культуралистской социологии доверия⁵¹.

Понимание важности доверия для успеха политического (экономического) менеджмента и результативности организационной деятельности привело к тому, что уже к началу 1970-х гг.

---

⁴⁹ Заиченко, Н.А. Институциональные предпосылки региональной политики: учебно-методическое пособие (компендиум) [текст] / Н. А. Заиченко; Санкт-Петербургский филиал нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики». – СПб.: отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2012 – С. 234.

⁵⁰ Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкин Г.С., Латова Н.В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России. // Журнал институциональных исследований. – 2009. – Т.1 – №1 – С. 24.

⁵¹ Мерсиянова И.В., Пахомова Е.И., Якимец В.Н. Роль доверия к госслужащим во взаимодействии гражданского общества и государства; XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 4 кн. Кн.1.– М.: – 2012 – С. 241-251.

был выработан ряд подходов к исследованию этого феномена. Доверие рассматривали либо как результат индивидуального опыта в развитии отношений с окружающими людьми, либо как необходимость риска ради достижения своих целей.

Но и в том, и в другом случае исследователи чаще говорили о доверии не как об обособленном понятии, а как о категории управления человеческими ресурсами. Надо отметить, что объектами исследований чаще являлись коммерческие организации, для которых вопрос доверия внутри организации – это вопрос большей или меньшей эффективности работы. В данной монографии рассматривается понятие доверия между субъектами диаспоральных структур (диаспора и принимающее государство) на постсоветском пространстве.

Именно поэтому нам кажется очень важным отметить, что для большинства социальных общностей (а диаспоральные структуры к ним относятся) вопрос о доверии является не столько вопросом эффективности организации, сколько ключевым вопросом для улучшения качества работы с мигрантами. На интуитивном уровне это понятно многим, но отрефлексировать этот факт, а тем более сознательно использовать определенные методы «управления доверием» готовы немногие.

При этом имеются и скептические оценки доверительного отношения на постсоветском пространстве. Так, к примеру, исследователь А.С. Кошель считает: «На постсоветском пространстве усилению рисков способствуют также дополнительные условия: сохраняющееся недоверие к России и проводимой ею политике; усиливающееся желание независимых государств Евразийского региона, образовавшихся в результате распада Советского Союза, любой ценой сохранить свой суверенитет; столкновение интересов правящих элит; одновременное наличие у них прозападных ориентаций и установок на изоляционизм»⁵².

По нашему мнению, осуществление системной модернизации диаспоральных структур на постсоветском пространстве должно

---

⁵² Кошель А.С. Политические детерминанты евразийской интеграции // журнал «Международная жизнь». 2014. №11 — С. 36-45.

базироваться на следующих правилах:

Во-первых, речь идет о необходимости и целесообразности отказа от централизованно регламентируемой стратегии диаспорального взаимодействия (насилием, как говорится, делу не поможешь).

Во-вторых, речь идет о пересмотре отношения к историческому наследию в качестве базы для формирования нового социально-политического идентитета и об отказе от темпоральной модели, в которой ценность настоящего и прошлого затмевает и превышает ценность будущего. Евразийская идея притяжения постсоветского региона должна быть осовременена и наполнена сущностным идейным содержанием, недопустим волюнтаристский скачок в этом вопросе, как и не приветствуется «слепое» апеллирование к прошлым историческим фактам и чрезмерная историческая ностальгия (нужно новое и паритетное заполнение евразийской риторики).

Многомерность, диверсифицированность, полипарадигмальность, вариативность постсоветской политики в отношении диаспоральных структур обуславливают объективную потребность рассматривать повышенный динамизм социальных структур взаимодействующих обществ как важнейшее условие обеспечения ее результативности.

Оценка этой результативности в системе диаспоральных структур может осуществляться исходя из нескольких доминантных параметров:

- меры социокультурной адаптивности;
- степени социальной солидарности;
- меры обеспечения эффективности социально-политических перемен;
- степени достигнутой свободы самоопределения и др.

Кроме того, критерием оценки результативности постсоветской политики в отношении диаспоральных образований на современном этапе многие специалисты считают обеспечение плавности синтеза нескольких типов идеологии: первичной

идеологии страны исхода, приобретенной идеологии в принимающем обществе, универсальной евразийской идеологии. Иными словами, результативность постсоветской политики в отношении диаспоральных структур увязывается с обеспечением плавного характера цивилизационного транзита при сохранении человеческого капитала и идейно-ресурсной базы.

С другой стороны, именно универсальное постсоветское виденье интеграционных проектов позволяет сохранить самобытность и культурную неповторимость модернизируемых обществ за счет опоры на имеющиеся ментальные структуры взаимодействующих субъектов и сознательное сохранение ими своей культурной идентичности, а также дополнительного приобретения новых универсальных (евразийских) качеств.

Данный факт имеет огромное значение для преодоления асимметричности современных международных отношений на постсоветском пространстве, когда модернизируемые социумы вынуждены опираться на ресурсы более сильных в экономическом и политическом отношении стран, готовых при определенных условиях использовать свои преимущества для того, чтобы воздействовать на слабого партнера и задать форму и направление отношений между взаимодействующими сторонами.

Следуя логике такого подхода, полагаем, одним из наиболее перспективных теоретических направлений в исследовании диаспорального измерения постсоветского региона является новая институциональная теория, уходящая истоками в неоклассическую политику и традиционный институционализм.

«Новый институционализм» в политическом анализе основан на изучении институциональных соглашений и практик. Институциональное соглашение устанавливается на основе социального договора (или контракта) между отдельными этнокультурными общностями (диаспорами, этническими общностями и т.д.) относительно дополнительных внутренних ограничений к общепринятым «правилам игры». Реализация институциональных соглашений в институциональной среде представляет собой институциональную практику. Институциональная среда означает,

в свою очередь, институты в смысле «политического установления» – совокупности «правил игры», то есть правил, норм и санкций, образующих политические, социальные и юридические рамки взаимодействия между людьми, которые через систему положительных и отрицательных стимулов направляют поведение людей и тем самым делают ситуацию менее неопределенной.

Неоинституциональный подход предполагает расширительное определение институтов как «правил игры» в обществе, то есть ограничительных рамок, которые организуют взаимоотношения между людьми и группами, задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия⁵³. Основными единицами анализа в данном подходе признаются «правила, порядки, нормы и значения «института», при этом учитывается ведущий параметр институтов – их способность изменяться во времени под воздействием внутренних характеристик, а также внешних условий и факторов общественной среды.

Определение институтов, общее для всех вариантов неоинституционализма, было дано в 1984 году Дж. Марчем и Й. Олсеном, которые понимали под ними «относительно устойчивый набор правил и организованных практик, воплощенный в структурах значений и ресурсов, которые являются инвариантными по отношению к индивидам и устойчивыми перед специфическими предпочтениями и ожиданиями индивидов, и перед меняющимися внешними условиями»⁵⁴.

Операциональными категориями анализа политических систем (постсоветских общностей), кроме институтов, признаются в неоинституционализме акторы, ресурсы и стратегии, которые позволяют выявить динамику политических институтов, их позиционирование в постсоветском пространстве.

Акторы определяются как те субъекты политической деятельности и политического процесса, которые обладают достаточным потенциалом влияния на принятие решений, способны к осознанному

---

⁵³ The Oxford Handbook of Political Institutions/ Ed. by R.A.W.Rhodes, S.A.Burder, B.A. Rockman. Oxford, 2006. P. 3.

⁵⁴ March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. Washington, 1984. Vol. 78.

целеполаганию и конструированию стратегий своего действия. Следовательно, акторы – это только высокостатусная часть «игроков» в политическом пространстве.

Ресурсы определяются в качестве всех материальных и духовных благ, которые имеют ценность (могут активироваться) в конкуренции за политическое влияние и власть. Ресурсы обычно классифицируются на экономические, организационные, социальные, политические, правовые, информационные.

Стратегии политического действия в неоинституционализме определяются как формы взаимодействия акторов политики, обуславливающие характер действий акторов по отношению к своим контрагентам⁵⁵. Совокупность стратегий зависит и от состава акторов, и от их ресурсной базы, и от параметров институтов политической власти.

Таким образом, неоинституциональный подход дает возможность выявить реальные, а не только формально – правовые аспекты формирования диаспоральных структур на постсоветском пространстве. При этом неформальные политические институты и практики рассматриваются в качестве закономерных проявлений политики, а не своего рода девиаций – «отступлений от нормы».

Вместе с тем, неоинституционализм не является однородным теоретико-методологическим подходом к анализу политики. Уже на стадии своего формирования (1980-е гг.) данный подход разделился на самостоятельные школы (виды). Чаще всего к ним относят нормативный подход (Дж. Марч, Й. Олсен)⁵⁶, исторический институционализм (П. Холл, Т. Скокпол, С. Стеинмо, К. Телен и др.)⁵⁷, институционализм рационального выбора

---

⁵⁵ Sartori G. The Theory of Democracy Revisted. Vol. I. The Contemporary Debate. Chatam, 1987. P. 224.

⁵⁶ March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions,- N.Y.,1989; March J.G., Olsen J.P. Institutional Perspectives on Political Institutions // Governance: An International Journal of Policy and Administration. 1996. Vol. 9. № 3.

⁵⁷ Hall P., Taylor R. The Potential of Historical Institutionalism // Political Studies. 1998. Vol. 46; Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, 1979; Steinmo S. et al (eds). Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis. Cambridge, 1992; Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics // Annual Review of Political Science. 1999. Vol. 2.

(Э. Остром, К. Шепсл, Д. Норт)⁵⁸, социологический институционализм (Ф. Селзник, П. Димаджо, У. Пауэлл)⁵⁹. Указываются также более поздние по формированию школы неинституционализма: конструктивистский, дискурсивный (концептуальный), структурный, сетевой, когнитивный⁶⁰.

Неинституционализм рационального выбора интерпретирует нерегулируемые взаимодействия субъектов на политическом поле аналогично рыночным, а нормы и правила рассматривает как продукт рационального выбора индивидов.

Теории рационального выбора в неинституционализме (Э. Остром, К. Шепсл, Д. Норт) объясняют процесс институционализации диаспор со следующих позиций. Для них в центре внимания находится рациональный индивид, способный выбрать наилучший для себя сценарий (стратегию) активности, исходя их личных предпочтений и расчета баланса издержек и прибыли. Институты являются в этом контексте правилами взаимодействия индивидов, «договоренностями», которые снижают уровень неопределенности и транзакционные издержки для диаспоральных общностей и принимающих государств.

Д. Норт определял институты как «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Институты включают в себя все формы ограничений, чтобы придать определенную структуру человеческим взаимоотношениям»⁶¹. Другими словами, «институты – это конструкции, созданные человеческим сознанием».⁶²

Институты в таком подходе считаются внешними ограничителями поведения индивидов, регулятивными правилами. Вместе

---

⁵⁸ Ostrom E. Rational Choice Theory and Institutional Analysis: Toward Complementarity // *American Political Science Review*. 1991. Vol. 85; Shepsel K. A. Studying Institutions: Some lessons from the Rational Choice Approach // *Journal of Theoretical Politics*. 1989. Vol.1. № 2.

⁵⁹ Selznick P. Foundations of the Theory of Organizations// *American Sociological Review*. Menasha, 1948. Vol. 13. № 1. P. 25-35; idem. *Leadership in Administration: A Sociological Interpretation*. N.Y., 1957; *The New Institutionalism in Organizational Analysis* / Ed. by P. Di Maggio, W.W. Powell. Chicago; London, 1991.

⁶⁰ *The Rise of Neoliberalism and Institutional Analysis*/ Ed. by J.L. Campbell, O.K. Pedersen. Princeton, 2001; Schmidt V.A. *Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse* // *Annual Review of Political Science*. Palo Alto, 2008. Vol. 11. P. 303-326.

⁶¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. — С. 17-18.

⁶² Там же. С. 68

с тем, теории рационального выбора признают «спонтанно возникающие институты» или традиции, обычаи, привычки⁶³.

Содержание неформальных правил не поддается точному описанию», – констатировал Д. Норт, – «и однозначно определить ту роль, которую играют эти правила, невозможно». Утверждение Д. Норта подтверждают К. Кингстон и Г. Габаллеро, заявляя, что, например, неоинституционалисты Э. Остром и Г. Либеккап, «признавая значение неформальных правил», использовали «неточную терминологию»⁶⁴ при их определении.

В попытке обозначить и преодолеть эту проблему К. Кингстон и Г. Габаллеро сформулировали три наиболее общих характеристики неформальных правил, которые используются неоинституционалистами рационального выбора и применимы для изучения постсоветских диаспор.

Во-первых, неформальные правила понимаются как общественные соглашения, имеющие статус «неписанных правил», складывающиеся в процессе исторического развития, и которые не принуждаются к исполнению государством. Во-вторых, неформальные правила это моральные кодексы поведения и нормы, которые акторы накладывают на самих себя и которые непосредственно влияют на их индивидуальные предпочтения. Наконец, в-третьих, неформальные правила – это ограничения, возникающие из информации, передаваемые социальными механизмами (путем обучения и имитации знаний) и являющиеся частью культуры.

Формальные институты «включают политические (и юридические), экономические правила и контракты. Иерархия этих правил – от конституций до статутов (законодательных актов) и обычного права, до законодательных постановлений и распоряжений и, наконец, до индивидуальных контрактов». Они создаются акторами исходя из, прежде всего, возрастающей сложности общества и призваны облегчать политический и экономический обмена, а также решать все более сложные конфликты.

---

⁶³ Там же. С. 56.

⁶⁴ Kingston C., Gaballero G. Comparing Theories of Institutional Change // Journal of Institutional Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. Vol. 5. Issue 2. P. 151-180.

Вместе с тем, институционализм рационального выбора также неоднороден. По мнению К. Шепсла, в его рамках выделяются подходы Э. Даунса и Р. Калверта⁶⁵. Если в первом из них институты трактуются как внешние ограничители или установленные извне «правила игры», определяющие предпочтения и действия акторов политики, то в подходе Р. Калверта институты считаются непосредственным результатом, плодом взаимодействия акторов политики. Правила возникают в процессе, а не извне него, их эффективность обеспечивается установками активности и ценностями в большей степени, чем правовым принуждением.

С точки зрения К. Шепсла, институциональный порядок есть эквilibrium рациональных предпочтений и стратегий акторов в итоге их взаимодействия⁶⁶.

Институционализация политического порядка расценивается в качестве результата взаимодействий между рациональными акторами, что является следствием определенного соотношения (эквilibrium) ресурсов и возможностей, которыми акторы обладают (Н. Шефилд)⁶⁷.

Таким образом, с точки зрения данного теоретического подхода, для формирования консолидированных, дееспособных и устойчивых условий ассимиляции евразийских диаспор на просторах постсоветского пространства необходимы институты, само существование которых изменит расчеты государственных затрат и результатов. Речь при этом не идет о создании единого евразийского государственного образования. На сегодняшний день формальным институтом сторон, компетентным для установления интеграционного взаимодействия между отдельными постсоветскими странами, является Евразийский экономический Союз.

Поскольку институты олицетворяют долгосрочное сотрудничество, а не кооперацию от случая к случаю, они создают «прообраз

---

⁶⁵ The Oxford Handbook of Political Institutions/ Ed. by R.A.W.Rhodes, S.A.Burder, B.A. Rockman. Oxford, 2006. P. 24.

⁶⁶ Shepsle K. Institutional Equilibrium and Equilibrium Institutions // Political Science: The Science of Politics / Ed. by H. Weisberg. N.Y., 1986.

⁶⁷ Schofield N. Modeling Political Order in Representative Democracies // Political Order/ Ed. by I. Shapiro, R. Hardin. N.Y., 1996. P. 86-110.

будущего» и помогают государствам разрабатывать стратегии на основе сотрудничества, не только собственной выгоды.

Вместе с тем, необходимо понимать, что одних формальных институтов недостаточно для развития интеграции постсоветских стран. Особый акцент должен быть сделан на социокультурном и идейно-интеграционном взаимодействии стран постсоветского региона.

В современных условиях такой подход позволит постсоветским странам отказаться от расчетов на краткосрочную перспективу и сосредоточиться на конечных преимуществах, заложенных в длительном интеграционном взаимодействии. Необходимо четко осознавать тот факт, что современное состояние постсоветских отношений является результатом не сиюминутных решений, а системного сотрудничества по многим аспектам на протяжении всей их истории.

Кроме того, помимо установления формальных институтов, стороны имеют уникальную возможность сформировать «с чистого листа» неформальные «правила игры». Поскольку само по себе существование институтов не объясняет, почему в одних случаях интеграция продолжается, а в других нет, неоинституционалистские положения нередко сопровождаются экскурсами в теорию рационального выбора.

Теории рационального выбора в неоинституционализме объясняют процесс институционализации со следующих позиций. Для них в центре внимания находится рациональный индивид, способный выбрать наилучший для себя сценарий (стратегию) активности, исходя из личных предпочтений и расчета баланса издержек и прибыли. Институты являются в этом контексте правилами взаимодействия индивидов, «договоренностями», которые снижают уровень неопределенности и трансакционные издержки.

Те же позиции теорий рационального выбора в неоинституционализме справедливы и в случае с коллективными игроками. Согласно указанной теории, если объединенная общими интересами группа, выигрывающая от интеграции, более влиятельна, нежели

группа, проигрывающая в результате этого процесса, интеграционный процесс будет продолжаться.

Поскольку постсоветская политика есть и всегда будет оставаться политикой компромиссов, то это означает, что евразийская интеграция неизбежно будет выбирать для себя более выгодную стратегию активности, исходя из интересов всех ее участников. Это касается и диаспорального оформления постсоветского пространства.

Целесообразным представляется изучение процессов институционализации постсоветских диаспор и проявлений этих процессов в социокультурном, информационном и политическом пространстве принимающего общества на конкретном примере.

Глава II.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ ДИАСПОР В АРХИТЕКТУРЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

2.1 ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Быстрое и трудно прогнозируемое изменение геополитической ситуации после распада СССР обусловило возможность на новых основаниях и по-новому посмотреть на миграционные процессы на постсоветском пространстве. На первый план выдвинулась задача обеспечения паритета и взаимной заинтересованности в двусторонних и многосторонних международных отношениях, что потребовало колоссальных усилий и существенной переоценки привычного статуса каждой из взаимодействующих сторон. Именно эта политическая установка стала основой для формирования диаспоральных структур на постсоветском пространстве.

Если обратиться к истории нашего государства, то территориальные перемещения народов были и в Российской империи, а затем и в СССР. Этническая карта государства складывалась в результате как добровольного присоединения территорий к российскому государству, так и последующих миграций представителей разных этнических общностей внутри страны или за ее пределы. Эти миграции стали особенно значительными в XX веке и привели к формированию единой идентификационной формы – «советский человек» в СССР.

В истории российского государства исторически складывались определенные традиции консенсусной политики в отношении национальных и этнических общностей. Так, в Советском Союзе были реализованы права многих народов на выбор форм

национально-государственного самоопределения – союзную и автономную республики, автономную область и национальный автономный округ; десятки народов впервые стали обладателями своей письменности, сформировали свою национальную культуру и интеллигенцию.

В советский период накопился известный опыт реализации некоторых сходных с мультикультурализмом практик, основанных на ценностях интернациональной солидарности и дружбы народов. Поэтому существуют серьезные основания полагать, что коммунистическая политика обеспечила претворение в жизнь относительно устойчивых элементов этнической толерантности и политкорректности, межнационального согласия и сотрудничества, позже на основе которых сформировалась система постсоветских диаспоральных структур в мире.

В отличие от западных обществ, где на основе приезда иммигрантов на постоянное место жительства сложились диаспоры рожденных в принимающих странах их потомков, в постсоветском регионе отсутствует проблема взаимоотношений «старых» и «новых» граждан. Это обстоятельство не позволяет пока рассматривать формы взаимодействия основной массы иммигрантов со старожильческим населением как проявления структурного дисбаланса системы.

Как пишет ученый Т.П. Млечко: «Это связано, в первую очередь, с тем, что, в отличие от общепринятого представления о т.н. классической диаспоре, в анамнезе постсоветской диаспоры, во-первых, отсутствует факт самого исхода, во-вторых, не абсолютна ее этническая составляющая. Первый довод базируется на том, что не стало того государства, которое до момента распада воспринималось как историческая родина, как общее отечество»⁶⁸.

Поэтому постсоветские взаимодействия не являются конфликтными хотя бы по той причине, что пока в большинстве случаев иммиграционные сообщества – это не системные, а внесистемные

---

⁶⁸ Млечко Т.П. Диаспора: Деривационные процессы на фоне эволюции феномена // Мир русского слова. 2013. №1. С.15.

элементы. Они еще в достаточной степени не инкорпорировались в структуры национально-государственного сообщества, их этнокультурное отличие не признано институтом гражданства. Это в известной степени усиливает позиции диаспоральных структур на постсоветском пространстве.

Вместе с тем перед постсоветскими странами стоит в принципе такая же задача, как и перед постиндустриальными странами – формирование механизма интеграции образующихся в результате транснациональной миграции диаспор путем включения их в процессы функционирования различных общественных институтов.

Новейшая история внесла новую страницу: диаспоры стали появляться в связи с экономическими преобразованиями, потребовавшими значительных трудовых ресурсов (США, Канада, Латинская Америка, Индия, ЮАР, Австралия). Поводом для образования диаспоральных структур вне своей исторической Родины для ряда наций стало также аграрное перенаселение, потребность в иной сфере приложения рабочих рук, притеснения и ограничения в общественной жизни, которые могли трактоваться как этническое преследование (поляки, ирландцы, немцы, итальянцы и др.)⁶⁹

Диаспоральная политика в государствах начала XXI века сталкивается с рядом вызовов. Первый вызов исходит со стороны модернизационных процессов. Диаспоральная политика модернизирующегося государства несводима только к сохранению наследия. В противном случае, она рискует придать диаспоральным структурам исключительно музейный характер. Развитие и модернизация предполагают формирование новых форм культурной идентичности и культурной интеграции социума.

Можно выделить три аспекта этой проблемы. Первый аспект сводится к организации процесса взаимодействия между различными формирующимися социальными группами. Каждая социальная группа вырабатывает свои культурные коды. Именно поэтому возникает проблема культурной коммуникации между

---

⁶⁹ Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. – 2004, №3. — С. 16-24.

диаспоральными элементами. Формой такой коммуникации становится конфликтное взаимодействие между традиционными социальными общностями, ориентированными на стандартные культурные образцы, эталоном которых становятся «понятные» символы прошлого или коммерциализированные образцы массовой культуры. Формирующиеся новые слои (новая элита и высший слой среднего класса) оказываются способны как к выработке новых культурных форм, так и к их восприятию. Проблема не столько в несовпадении вкусов, сколько в конфликте разных культурных кодов. В этих условиях содержание культурной политики должно сводиться к медиации культурного конфликта.

Второй аспект диаспоральной политики связан с формированием таких культурных ценностей, которые способствуют экономическому и социальному развитию. Традиция анализа влияния культурных ценностей на общественное развитие, заложенная М. Вебером, сохраняет свое значение и сегодня. Примером тому служит вышедший на рубеже веков сборник с символическим названием – «Культура имеет значение»⁷⁰.

С позиций этой парадигмы социальное развитие невозможно без модернизации ценностей. Речь не столько о том, что чему должно предшествовать, модернизация ценностей – социальным изменениям или социальное развитие – ценностным изменениям, а о том, что любые крупные социальные изменения сопровождаются изменениями в ценностных системах. Без динамики последних невозможны сколь-нибудь серьезные и глубокие социальные преобразования.

Третий аспект диаспоральной политики связан с поиском способов сохранения культурной идентичности в условиях глобализации. Проблемы, с которыми столкнулись европейские страны, проводившие политику мультикультурализма, – это проблемы выживания национальной культуры в эпоху торжества толерантности и транспарентности. Толерантность как принцип диаспоральной

---

⁷⁰ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002 — С. 320.

политики может рассматриваться другими культурами как признак цивилизационной слабости, как средство не просто продвижения, но насаждения своих культурных ценностей, равноправие культурных идентичностей – как условие утверждения гегемонии собственной. Диаспоральная политика в этих условиях не должна стать новым средством насаждения культурного национализма, но должна сочетать в себе как «охранительные» функции, так и функции медиатора в процессе «столкновения цивилизаций».

Второй вызов диаспоральной политике исходит от кризиса политики мультикурализма. Кризис последней обусловлен возникновением таких контркультур, которые воспринимаются как угроза доминирующей культуре и национальной идентичности. Культурное многообразие и провозглашенное равенство культур и систем ценностей может обернуться дезинтеграцией и обострением локальных и региональных культурных конфликтов. Во многих странах происходит политизация культурных различий, ведущая к социальным расколам и конфликтам. Таким образом, перед диаспоральной политикой ставится задача сохранения целостности и единства общества. Перед современными обществами стоит задача выработки новых моделей диаспоральной политики. Они, в свою очередь, должны решить четыре задачи:

- сохранение целостности общества в условиях культурного многообразия;
- гарантия сохранения доминантной культуры;
- предотвращение политизации культурных расколов;
- обеспечение социальных и политических условий для культурного развития.

Третий вызов диаспоральной политике исходит со стороны «многосоставных», «разделенных» или «фрагментированных» обществ, в которых существуют не просто различные локальные культуры, но и различные цивилизационные системы. В таких обществах сохраняются не только языковые, региональные, расовые, этнические или религиозные расколы, но и опасность того, что такие расколы могут поставить вопрос о самом существовании

такого общества и его выживании. Данный вызов ставит в центр проблему сохранения государства в многосоставном или фрагментированном обществе. Диаспоральная политика в условиях такого вызова становится способом сохранения государственной целостности.

Сталкиваясь с выше обозначенными вызовами современности диаспоральные структуры пытаются реализовать вполне конкретные задачи.

1. Участие диаспоры в развитии и укреплении духовной культуры своего народа (этнической общности), в культивировании национальных традиций и обычаев, в поддержании культурных связей со своей исторической Родиной. Особое место в связи с этим занимает сохранение родного языка. Формирующаяся диаспора обычно использует родной язык в неформальном общении и очень редко – в преподавании в школе, в делопроизводстве, в средствах массовой информации и т.д. Как раз за достижение этого ей и приходится бороться. Родной язык является ретранслятором национальной культуры, и утрата его оказывает прямое воздействие на некоторые ее компоненты, прежде всего в духовной сфере (обычаи, традиции, самосознание). Тем не менее, в реальности нередко ситуация, когда многие отколовшиеся от своего этноса части, утратив частично или полностью родной язык, продолжают функционировать в качестве диаспоры (например, немецкая, корейская, ассирийская и т.д.).

Так, например, 54,5 % ассирийцев в Москве русским языком владеют лучше, чем ассирийским; 40,3 % владеют обоими языками в равной мере. Другой пример: к XVII в. существовавшая с XI столетия львовская армянская община давно утратила армянский язык, перейдя на польский и турецкий. Точно так же утратили свой язык армяне в Стамбуле, Сирии, Египте. Но от этого они не перестали быть армянами, не растворились среди окружавших их народов, как не растворилась и часть забывших свой язык евреев⁷¹.

---

⁷¹ Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. – 2004, №3 — С. 16-24.

Следовательно, сохранение родного языка иногда не является определяющим признаком диаспоры. Тем не менее, его постепенная утрата свидетельствует о развитии ассимиляционных процессов. Такое положение может усугубляться близостью культурной дистанции между этносами – титульными и диаспоричными. И если не существует других признаков, спланивающих этническую общность, или они также утрачены, близок ее распад в результате ассимиляции.

2. Сохранение представителями диаспоры своей этнической культуры, под которой понимаются компоненты материальной, духовной и соционормативной деятельности, отличающиеся в той или иной степени от иноэтнической и надэтнической культуры. Наиболее четко этническая культура проявляется в литературе, искусстве, в этнической символической, традициях, некоторых формах материальной культуры (особенно в питании, одежде), фольклоре. Сохранение этнической культуры безусловно является признаком диаспоры. Однако по истечении некоторого срока этническая культура диаспоры уже не является идентичной культуре этноса, от которого откололась этническая общность. На нее накладывает отпечаток культура иноэтнического окружения, а в результате возможной потери связи с материнским этносом утрачивается преемственность культурных традиций. Ситуация усугубляется трудностью сохранения этнической культуры в урбанизированной среде, где распространены стандартизированные эталоны материальной и духовной культуры. Сохранение этнической культуры во многом зависит от культурной дистанции между диаспорой и иноэтническим окружением, толерантности государства и, наконец, желания самой группы сохранить свою культуру.

3. Защита социальных прав представителей данного народа. Это связано с регулированием миграционных потоков, занятости, помощи в профессиональном самоопределении, участии в жизни своей республики или принявшей страны. Социальные функции затрагивают и проблемы гражданства, сохранения того позитивного, что имелось в СССР, когда народы жили вместе. Сюда также

относят усилия диаспор по преодолению различных проявлений шовинизма, антисемитизма, так называемой идеологии «лиц кавказской национальности» и т.п.

4. Экономическая функция. Речь идет о развитии таких форм экономической деятельности, в которых реализуются специфические виды производства народных ремесел, товаров народного потребления. Это обогащает жизнь не только представителей данной диаспоры, но и жизнь людей других национальностей. Предпринятые, например, татарской диаспорой попытки организовать в Москве, Подмоскowie, ряде регионов России производство товаров широкого потребления, специальных продуктов питания, напитков способствовали более полноценной жизни как самих татар, так и всех других национальностей, в первую очередь, русских. Ряд мер по возрождению ремесел украинского народа предпринимает и украинская диаспора в Москве.

5. Политические функции. Реализация данных функций заключается в том, что, во-первых, они лоббируют возможность получения дополнительных прав и возможностей для своих республик (своего народа), получения особых гарантий для их эффективного развития, расширения их полномочий как внутри России, так и на международной арене. Во-вторых, диаспоры, вернее, ряд их организаций выступают как оппозиция правящему режиму, организуя все возможные силы – от издания газет до организации общественного мнения – для борьбы с неприемлемыми для них политическими силами. В-третьих, диаспоры непосредственно воздействуют и на международные позиции страны проживания.

Таким образом, исследователи подчеркивают, что диаспоры превращаются в активную общественную силу, способную содействовать или противостоять позитивным изменениям. Несмотря на то, что это в значительной степени объективный процесс, не исключается возможность сознательного воздействия на него и регулирования такой важной сферы межнациональных интересов, как деятельность разных типов организаций и защиты национальных интересов вне ареала расселения своего народа.

В условиях глобализации вероятность возникновения новых

иммигрантских сообществ возрастает, следовательно, следует ожидать и укрепления диаспоральных организаций. К тому же все большая политизированность лидеров и рядовых членов диаспор (из-за роста их численности, потребности в их услугах и изменения отношения к ним в некоторых принимающих странах) будет способствовать более активному участию диаспор в культурной, экономической и политической жизни принявших их обществ⁷².

Некоторые ученые и вовсе убеждены, что для современных диаспор характерно отсутствие связи с какой-либо определенной страной исхода, и на первый план выходят взаимоотношения с определенными культурными системами и политическими силами. Они выстраиваются с такими метафорами, как «ислам», «Африка» и т.д., что говорит о транснациональном характере современных диаспор. Влияние диаспор на ситуацию в местах своего проживания постоянно возрастает, кроме того, они все активнее воздействуют на региональный и международный уровень принятия решений.

В качестве аргументов приводятся факты. Так, в настоящее время численность мусульманской общины в странах Евросоюза составляет более 20 миллионов человек, в том числе во Франции – более 5 миллионов человек, в Германии – около 4 миллионов и в Великобритании – 2 миллиона.⁷³

Мусульманские общины, как правило, проживают достаточно компактно. Они не интегрируются в социально-культурную сферу принимающего общества, придерживаясь своей системы ценностей, в основе которой лежат законы шариата. Сегодня власти европейских стран сталкиваются с проблемой обособления мусульманских общин, которые фактически представляют собой «государство в государстве». Первоначально активность мусульманских общин Западной Европы была направлена на защиту своего образа жизни, культурных и религиозных ценностей, но в настоящий момент они стремятся активно влиять на принятие

---

⁷² Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике. Диаспоры. М., 2003. №1 — С.170

⁷³ Наумкин В. Мусульманская диаспора на Западе: дифференциация, конвергенция, гибридизация? [Электронный ресурс]. URL:http://www.perspektivy.info/srez/val/musulmanskaja_diaspora_na_zapade_differenciacija_konvergencija_gibridizacija_2011-04-08.htm.

политических решений по различным аспектам жизни своих стран. Можно предположить, что мусульманские сообщества будут добиваться повышения своей значимости в политической и социально-экономической жизни принимающей страны.

Другой вопрос, что решение этих задач имеет в постсоветских условиях определенную специфику. Она состоит в том, что особым условием обеспечения как баланса диаспоральных систем, так и самих межгосударственных отношений в постсоветском регионе является идейно-евразийская идентификация этих стран. Их включенность в идейно-евразийские устои интеграции способствует успешной адаптации диаспоральных структур в принимающем обществе.

Еще в середине XX века на основе всестороннего анализа наметившихся в мире тенденций выдающийся ученый П.А. Сорокин обосновал необходимость пересмотра существующих моделей развития, выявив тенденции относительного сближения капиталистической и социалистической систем и постепенного формирования интегрального мировоззрения на основе сходной системы ценностей. Концепт интегральности подчеркивал не механическое смешение ценностей двух систем, но их конвергенцию, то есть взаимопроникновение с образованием нового единства, принципиально отличного от коммунистических и капиталистических прототипов⁷⁴.

Ученый П.А. Сорокин был убежден, что: «в случае, если миру удастся избежать новой апокалиптической катастрофы, человечество будет существовать в форме единой целостности с несколькими центрами мирового развития, один из которых – «евроазиатский центр» с Россией во главе»⁷⁵.

Современные тенденции показывают, что становление «евроазиатской» России как одного из важнейших полюсов новых мировых конфигураций – уже данность. При этом огромное значение, как и предсказывал П.А. Сорокин, имеет идеологическая

---

⁷⁴ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997 — С.115-116.

⁷⁵ Перспективы социокультурной динамики и партнерства цивилизаций / Г.В.Осипов, Б.Н.Кузык, Ю.В.Яковец. М.: ИНЭС,

составляющая данных процессов: любая интеграция предполагает прояснение концептуальных оснований прокламируемого единства, обеспечивающих необходимую меру консолидации. Вот почему несомненный интерес представляет исследование «евразийской идеи» как идеологической доминанты современной диаспоральной политики.

Ответом на вызовы современности должно стать получение «евразийской идеей» статуса публичной. Эта публичность подразумевает не только открытый характер такой политики, межгосударственный диалог, но и способность организовать и поддерживать диалог внутри общества, между его различными сегментами. Диаспоральная политика в этих условиях становится способом организации коммуникативного взаимодействия между носителями различных идентичностей, культурных кодов при сохранении доминантной интегративной евразийской культуры. Ядром публичной диаспоральной политики становится как содержание и форма евразийского межкультурного диалога, так и меры, направленные на развитие доминантной евразийской культуры.

Меняется и субъектность такого типа диаспоральной политики. Наряду с государством в ее формировании особую роль начинают играть творческие объединения, культурные сообщества, ассоциации по интересам.

Главная цель публичной диаспоральной политики – сделать евразийскую культуру общим благом, т.е. таким, из пользования которого невозможно никого исключить. Это проблема доступности евразийской культуры для всех жителей стран постсоветского региона независимо от социального статуса или места проживания.

Понятно, что сформулированная цель, скорее, идеал, чем реально достижимое состояние. Однако диаспоральная политика должна стремиться к самым высоким горизонтам. Только тогда она будет служить обществу, а не обслуживать сиюминутные интересы.

Индикаторами публичности диаспоральной политики выступают:
– институционализация диаспоральной политики;

- «горизонтальный» характер политики, предполагающий включенность в процесс выработки диаспоральной политики всех творческих и социальных групп;
- деятельность, направленная на сохранение различных культурных сегментов в обществе под эгидой евразийства;
- сохранение диалоговой формы взаимодействия между различными культурами и их представителями;
- медиатизация культурной сферы;
- государственный и благотворительный характер поддержки культуры.

Основными целями публичной диаспоральной политики выступают:

- определение баланса между культурными традициями и культурными инновациями;
- сохранение евразийской идентичности и культуры через систему культурных учреждений и образование;
- репрезентация евразийских культурных ценностей;
- открытое обсуждение целей и способов евразийского развития;
- поиск баланса между национальным и глобальным;
- поддержка евразийской культуры через национальную систему образования;
- поиск консенсуса между различными идентичностями, этнокультурными, религиозными и лингвистическими группами;
- переориентация акцентов с потребления культурных ценностей на их создание, и через их формирование участие в самореализации.

Основными инструментами публичной диаспоральной политики становятся:

- публичное распределение грантов и премий за достижения

- в евразийской культуре и искусстве;
- государственно-частное партнерство в области финансирования и поддержки новых евразийских арт-проектов;
  - организация взаимодействия с культурными представительствами иностранных государств;
  - государственная помощь частным организациям, осуществляющим продвижение евразийских культурных ценностей за рубежом;
  - формирование нормативной базы, регулирующей функционирование евразийских культурных учреждений;
  - создание правовой базы, обеспечивающей приоритеты евразийских культурных целей над сиюминутной коммерческой выгодой.

Закономерным остается вопрос об объектах и способах поддержки евразийских культурных проектов. Представляется, что главным критерием выбора объекта поддержки выступает его оценка с позиций общественного блага. Главным субъектом оценки такого общественного блага могли бы стать специальные экспертные советы в области евразийской культуры (состоящие из признанных деятелей культуры, экспертов в области культуры, общественных деятелей, психологов и педагогов), активно взаимодействующие с органами власти. Такие экспертные советы могли бы не просто существовать при органах власти, но стать активным творцом (актором) публичной диаспоральной политики. В поле формирования публичной диаспоральной политики могли бы сказать свое слово и политические партии. К слову сказать, многие из них начинают занимать определенную позицию по определенным проблемам евразийской культуры страны. Поэтому публичная диаспоральная политика предполагает выработку решений на основе согласования интересов участников евразийского культурного процесса.

В этой связи представляется необходимым изучение различных аспектов институционализации диаспоральных структур

на постсоветском пространстве в контексте их евразийского взаимодействия с принимающим сообществом.

В настоящей работе данная исследовательская задача решается на примере центрально-азиатских диаспор в России. ЦА как великая региональная цивилизация, а также этнокультурное и этноконфессиональное сообщество сохраняет свои генетические признаки – евразийский менталитет, нормы поведения, духовную и политическую культуру – благодаря устойчивости и консерватизму этнокультурного и конфессионального начал. ЦА – это регион соприкосновения оседло-земледельческого и конно-кочевого культурных, социальных и хозяйственных типов, оказывающих характерное влияние на психологию труда, а также зона распространения евразийских мировоззренческих представлений и самобытного традиционализма.

Потребность в осмыслении центрально-азиатских диаспор в России продиктована социокультурными тенденциями последних десятилетий, кардинально изменившими вектор развития мирового сообщества. С одной стороны, они направлены на формирование и внедрение рыночных отношений, становление правового государства и распространение демократических ценностей. С другой – обнажили кризисные явления культуры и привели к трансформации системы ценностей, смене образа жизни и социальных практик повседневности, отказу от обычаев, традиций, коммерциализации в разных сферах художественно-творческой, образовательной и научной деятельности.

В сложившихся условиях социальной нестабильности особое значение приобретают поиски выхода к устойчивому развитию, обращение к ресурсам культуры, к механизмам диаспоральной политики, постепенно обретающей черты полисубъектности и открытости.

Деятельность новых акторов – негосударственных и некоммерческих объединений, диаспор, национально-культурных центров, общественных и экспертных советов, дополнившая административные возможности государственных структур разных уровней и ветвей власти, повлияла в целом на систему регулирования

сферы культуры, сохранив права и обязанности государства, но обусловив перераспределение компетенций. Тем самым это расширило возможности региональных субъектов и укрепило формы местного самоуправления. Однако при этом в полной мере не переломило тенденций неравномерного социокультурного развития территорий и социально-экономических диспропорций, смещения ценностных иерархий в массовом общественном сознании.

По-прежнему велика потребность в евразийских целях и ценностях, объединяющих общество. В силу слабого позиционирования в массмедийном пространстве идей о важной роли евразийства в развитии постсоветского человека и о необходимости согласования экономических и социокультурных целей формируется молодое поколение, для которого евразийские ценности отступают на второй план.

Это актуализирует проблему обращения к концепциям модернизации евразийской парадигмы и потребность в анализе перспектив развития центрально-азиатского общества на постсоветском пространстве, поиска оснований для адекватной концепции диаспоральной политики, ориентированной на решение сложных проблем социальной и духовно-культурной жизни.

Страны ЦА активно ищут свое место в мировом балансе интересов и сил, а ее культурная политика призвана содействовать формированию авторитета и позитивного образа государств в мире, который определяется не только политическим авторитетом, экономическими ресурсами, но и состоянием ее культурного достояния, качеством жизни населения страны. И в этом смысл продуманной и конструктивной культурной политики стран.

Для Российской Федерации республики ЦА всегда были братскими странами, с которыми связаны не только духовно-цивилизационные начала, но прагматические стратегии сотрудничества. Считаем, что этот факт тоже должен быть освещен в работе, ибо связь России и республик ЦА многогранна⁷⁶.

---

⁷⁶ Мещеряков К. Е. Интеграционные процессы в Центральной Азии и позиция России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2013. № 13. — С. 225–233.

Во-первых, это соображения безопасности. Центральная Азия занимает обширное пространство, не отделенное от России какими-либо барьерами и в географическом плане являющееся продолжением ее территории на юг. Северные рубежи данного региона, проходящие по линии государственной границы России и Казахстана, характеризуются значительной степенью условности: они остаются «полупрозрачными», открытыми для свободного передвижения граждан центрально-азиатских республик. Между тем, изучаемый регион отличается внутренней нестабильностью и «взрывоопасностью». Он испытывает острый дефицит водных ресурсов и пахотных земель, переживает стремительный рост численности населения при сравнительно низком уровне социально-экономического развития, характеризуется большой этноконфессиональной неоднородностью. Кроме того, он непосредственно граничит с охваченным гражданской войной Афганистаном, являющимся одним из главных источников террористической угрозы и международной преступности в современном мире. В результате с территории Афганистана в Россию идет неиссякаемый поток запрещенных товаров и экстремистских идей, представляющих угрозу ее безопасности.

Во-вторых, центрально-азиатский регион имеет важное географическое положение. Он находится на стыке Европы и Азии, планетарных зон Севера и Юга, где происходит активное взаимодействие различных культур и цивилизаций. Его близость к Афганистану и наличие широкого выхода к Каспийскому морю способствовали стремительному росту его роли в международных делах в 1990-2000-е гг. Через территорию данного региона проходят крупные транспортные магистрали, которые в перспективе смогут сформировать широкие транспортные коридоры.

В-третьих, страны Центральной Азии обладают значительным природно-ресурсным потенциалом. На территории Казахстана, Туркмении и Узбекистана располагаются крупные месторождения углеводородов (нефти, природного газа, каменного угля). Киргизия и Таджикистан обладают колоссальными запасами гидроэнергии. Недра всех центрально-азиатских республик

являются кладовыми минерального сырья, многие виды которого относятся к числу стратегически важных (урановые, алюминиевые, железные, полиметаллические руды, золото, драгоценные и полудрагоценные камни). В условиях степного ландшафта и низкой плотности населения, земельные ресурсы северной части региона представляют особую важность с точки зрения возможности их использования при создании крупных испытательных полигонов.

В-четвертых, государства Центральной Азии имеют богатый демографический потенциал. На фоне бурного роста численности населения, некоторые из них (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан) сталкиваются с проблемой избытка трудовых ресурсов при довольно низком уровне жизни. Между тем Россия испытывает дефицит рабочих рук, что привлекает в нее тысячи центрально-азиатских мигрантов.

В-пятых, еще в XIX в. на территории нынешних государств Центральной Азии началось формирование крупной русской диаспоры, численность которой сегодня превышает 7,5 млн. чел. В Казахстане, Киргизии, Таджикистане русский язык имеет особый конституционный статус, а в Узбекистане и Туркмении он де-факто используется как средство межнационального общения.

В-шестых, Россия традиционно являлась одним из главных экономических партнеров центрально-азиатских республик. В годы существования СССР степень их зависимости от Москвы была максимальной. После обретения независимости, они начали диверсификацию своих народнохозяйственных и внешнеэкономических связей, в результате чего их контакты с Россией заметно сократились и претерпели существенные изменения. Тем не менее, по целому ряду направлений стороны сохранили заинтересованность в развитии взаимовыгодного сотрудничества.

В-седьмых, Россия и страны Центральной Азии традиционно поддерживают тесные связи в политической сфере. В современном мире немногие государства стремятся к столь активному диалогу с Россией, как ее центрально-азиатские соседи.

В-восьмых, большинство центрально-азиатских республик

развивали активное взаимодействие с Москвой в военно-политической и военно-технической областях. В настоящее время четыре из пяти государств региона (все, кроме Туркмении) юридически являются ее союзниками. Соответственно, обогащение многосторонних и двусторонних отношений новыми формами партнерства (диаспорами) представляет для наших стран несомненную важность и обоюдный интерес.

В-девятых, с момента обретения независимости государства Центральной Азии стали привлекать внимание различных внешних акторов. О наличии у них особых интересов в регионе заявляли США и европейские державы, Турция и Иран, Китай, Индия и Пакистан, страны Ближнего Востока, Япония и Южная Корея. В результате в Центральной Азии разгорелась «Новая Большая игра» – борьба внешних акторов за влияние на расположенные здесь государства, при которой конкуренты России прилагали значительные усилия для ослабления ее позиций в регионе.

Все вышесказанное свидетельствует об исключительной важности Центральной Азии для нашей страны. Как и наоборот. Особенно в социокультурном значении, на уровне идентификационного восприятия в условиях миграционных перемещений.

2.2 ОБЗОР ДИАСПОРАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО ПРИСУТСТВИЯ ВЫХОДЦЕВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время миграционная активность является важнейшим фактором изменений в экономической, социальной и культурной сферах. По мнению Э. Гидденса, миграция определяет социокультурный потрет диаспоральных сообществ в принимающих странах⁷⁷. Расширение миграционных контактов привело к тому, что появились сообщества с большим культурным и этническим разнообразием. Каждой из таким диаспоральных

---

⁷⁷ Giddens A. Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press. 1990.

структур пришлось выбирать свой собственный путь регулирования этого процесса.

Как отмечает ряд исследователей, в частности, С.А. Панарин, период раздельного политического существования двух государств представляет собой исторически ничтожный срок, и субъективное ощущение общности еще широко распространено в сознании населения. Кроме того, территориальная мобильность в период существования Советского Союза способствовала образованию разнообразных неполитических межличностных связей между людьми разных национальностей, живущими в разных частях постсоветского пространства. Такие связи образуют для мигрантов своеобразный ресурс адаптации. При всей важности миграционных сетей, диаспоры также играют значительную роль и необходимы в российском публичном пространстве. Они демонстрируют присутствие выходцев из Центральной Азии в российском обществе. Национальные объединения зачастую ведут активную деятельность, проводя разного рода культурные мероприятия, посвященные тем или иным праздникам или другим событиям. Таким образом, диаспоры становятся заметным явлением в обществе, их присутствие трудно игнорировать. Зачастую их руководители также стремятся как-то помочь своим землякам, недавно приехавшим в Россию; при поддержке национальных объединений ведется работа по правовой поддержке выходцев из Центральной Азии. Все центрально-азиатские диаспоры организованы сходным образом – зачастую их лидерами становятся люди, имеющие значительный опыт пребывания и жизни в России, переехавшие сюда еще в период существования Советского Союза⁷⁸.

Исследователи В.В. Кашпур и И.Г. Поправко пишут в своей статье «Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы стратегии»: «Из центрально-азиатских диаспор наиболее адаптивна киргизская. Приехавшие из Киргизии достаточно легко

---

⁷⁸ Зотова Н.А. Узбекские общины в России: новые «диаспоры» (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани, Красноярска) / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М., ИЭА РАН, 2010. — Вып. 222. — С. 28.

включаются в местный социум, особенно дети. В этом диаспора видит своего рода проблему, связанную с размытием национальной идентичности. Менее адаптивны и включены в местный социум узбекская и таджикская диаспоры. Большинство таджиков сохраняют свою национальную и религиозную идентичность, видя в России скорее не место реализации собственного будущего и будущего своих детей, а место для заработка»⁷⁹.

Диаспоры служат медиаторами, посредниками между государственными органами, с одной стороны, и массой трудовых мигрантов – с другой. Они служат средством коммуникации между властью и приезжими, ставя органы власти в известность о существующих проблемах и пытаясь их решить в той мере, в которой это удастся. Вдобавок, национальные объединения оказывают реальную помощь своим соотечественникам в решении их повседневных проблем – т.е. частично берут на себя функции, которые необходимо осуществлять принимающему государству. В развитых странах, где история миграции насчитывает десятилетия, а зачастую и столетия, в сфере регулирования миграции и поддержки новых соотечественников действуют самые разнообразные институты – государственные органы, правозащитные организации, центры по интеграции мигрантов и т.д.

2.2.1 КАЗАХСКАЯ ДИАСПОРА В РОССИИ

В Республике Казахстан провозглашение независимости проходило под лозунгом создания национального государства, когда в качестве основного субъекта суверенитета и объекта политики национального государства конституировалась часть населения, выделяемая на основании особенностей культурно-исторического происхождения и именуемая коренным (титульным) населением. В Законе «О государственной независимости Республики Казахстан» утверждается «право казахской нации

---

⁷⁹ Кашпур В.В., Поправко И.Г. Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы стратегии // Вестник Томского государственного университета. №354. 2012. — С. 90-91.

на самоопределение». Речь идет именно о казахской этнонации как о сообществе носителей культурно-специфических признаков, а не о казахстанской нации. В тексте данного Закона постоянно употребляется словосочетание «казахская нация и другие национальности»⁸⁰.

Таким образом, единый «казахстанский народ» оказался поделенным на «самоопределившуюся казахскую нацию» и другие национальности и этнические группы, населяющие Казахстан. Существующее положение позволяет коренному населению воспринимать себя в качестве обладателя особого статуса в системе взаимоотношений с властью и основного адресата мероприятий социальной и национальной политики государства. Такая ситуация объясняется на официальном и повседневном уровне естественно-исторической обусловленностью тезиса, в соответствии с которым единственным субъектом исторического развития провозглашается осознаваемая общность носителей культурно-специфических признаков (этнос), а национальное государство служит формой самоосуществления этноса на современном этапе развития социальной жизни человечества. В таком контексте преимущественное распространение получает лояльность к «своей» этнической группе, принадлежность к которой становится «естественной» гарантией более или менее благоприятной позиции в системе распределения социально значимых ресурсов⁸¹.

Ряду историков, политологов, социологов и других ученых подобная аргументация не представляется «естественной» и «единственно возможной». Именно поэтому предпринимаются попытки ответить на вопрос, насколько и чем обоснована интерпретация общности носителей сходных культурно-специфических признаков (этноса, этнической группы и т.д.) в качестве единственного или главного субъекта социальных и политико-правовых отношений.

Применительно к казахским диаспорам в России важно

---

⁸⁰ Закон «О государственной независимости Республики Казахстан» от 16 декабря 1991 г. // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. – 1991. — №51. – С. 622.

⁸¹ Писанова Т.В. Национально-культурная идентичность граждан и обществ в государствах – участниках СНГ. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – 240 с.

проследить «этническую» идентификацию у двух крупнейших постсоветских народов – русских и казахов, от взаимоотношений которых во многом зависит стабильность межнационального и межэтнического взаимодействия. Так, российский ученый И.С. Савин на основе изучения представлений, которые определяли социальную практику переселения казахов на рубеже веков, сформулировал следующие положения⁸²:

1. Схемы восприятия окружающего мира порождались особенностями межпоколенной трансляции жизненно необходимой информации и конкурентным характером практики согласования интересов различных социальных групп в условиях отсутствия регламентации общественной жизни, включая фиксирование прав собственности на землю. Род как способ взаимного позиционирования в системе властно-статусных отношений становился принципом классификации явлений социального мира, выступал в качестве основания социальной интеграции и задавал критерии, определявшие место каждого человека в обществе.

2. В процессе включения в социальные отношения каждого нового поколения происходило максимальное сближение приобретенного индивидом в ходе «первичной социализации» образа «я» с типизированным образом «мы», рожденным в ходе регулирования межгрупповых отношений. Самовосприятие индивида определялось предписанным ему статусом его группы.

В организованной таким образом социальной структуре не была актуализирована этническая, основанная на общих особенностях культурно-специфической среды, идентификация, так как координаты социального пространства (представления, значимые для мотивации поведенческой активности) в казахском обществе были порождены взаиморазличием представителей различных родов, а не культурно-специфических групп.

В ходе вовлечения Казахстана в сферу доминирования социально-политической системы Российской империи, а затем Советского государства были созданы условия, при которых культурным различиям придавалось социальное значение. Казахи

---

⁸² Савин И. С. О категориях группового сознания у казахов-кочевников // Вестник Евразии. – 1999. – № 1/2. С.46.

и русские определялись как различные субъекты экономических, политических, правовых и других отношений, но в рамках единого пространства, создаваемого одним государством. В ходе реализации переселенческой программы переселенцы-земледельцы и казахи-кочевники оказывались в рамках одного поля действия, что сближало братские народы между собой.

В Советский период идентификация казахов проходила в формате уже Казахской Советской Социалистической Республики, где были созданы все атрибуты национальной власти от имени определенной этнокультурной группы: флаг, герб, этнически котируемые органы власти, национальная академия наук, опера и т.д. Существовали две сферы, где было особенно важно использовать этнокоды: государственно поддерживаемая «национальная культура», призванная придать государству «казахские черты», и ротация «национальных» кадров для госаппарата. В этих сферах можно было использовать этничность в качестве социального ресурса. Здесь и сосредоточилось производство и распространение этничности как средства для обозначения социальных позиций и статусов. Наиболее ярко это проявилось в языковой, культурной и образовательной сферах⁸³.

На рубеже 1980-1990-х годов в мире проживало более 9,4 млн. чел. казахов, из них 8136 тыс. (1989 г.) – в Советском Союзе. Таким образом, казахская диаспора в это время насчитывала более 1,3 млн. чел., или 12 % от общей численности казахов. Основная часть казахской диаспоры сосредотачивалась в Китае (1150 тыс.), Монголии (125 тыс.), Афганистане (40 тыс.), Турции (25 тыс. чел.) Формирование казахской диаспоры в новое и новейшее время происходило в основном двумя путями: или проведение государственных границ отделяло часть народа и затрудняло ее общение с основным этническим массивом, или же часть казахских племен по разным причинам откочевывала далеко за пределы Казахстана и теряла связь со своим народом. Так, во второй половине XIX в. после установления русско-китайской границы часть казахов, издавна

---

⁸³ Писанова Т.В. Национально-культурная идентичность граждан и обществ в государствах – участниках СНГ. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 240.

имевших зимовки на территории бывшей Цинской империи, оказалась в подданстве Китая. В Афганистане казахи появились в конце 1920-х – начале 1930-х годов. В Турции казахская диаспора существует с начала 1950-х годов. Часть их, видимо, осела в Иране. В 1960-х годах в результате трудовой миграции из Турции казахи стали переселяться в некоторые страны Западной Европы (наиболее многочисленны группы в Германии, Франции и Швеции), а также в США. Казахи в Советском Союзе, проживая в основном в Казахстане (6535 тыс., или 80,3 % всех казахов СССР), расселялись и в приграничных с ним республиках – Узбекистане (808 тыс.), России (636 тыс.), Туркмении (88 тыс.), Киргизии (37 тыс.). Казахи, жившие на сопредельных с Казахстаном территориях в пределах СССР, диаспорой по существу не были: административные границы республик с этнографическими границами в данном случае не совпадали⁸⁴.

После провозглашения независимости республики Казахстан, в пределах России, в основном в приграничных с Казахстаном районах, осталось большое количество этнических казахов, предки которых переселились на эти территории уже во времена Российской империи. Казахи являются четвертым по численности тюркским этносом в России после татар, башкир, чувашей и десятым среди всех этносов страны.

ЧИСЛЕННОСТЬ И УДЕЛЬНЫЙ ВЕС КАЗАХОВ В РОССИИ СОГЛАСНО ПЕРЕПИСЯМ НАСЕЛЕНИЯ⁸⁵

год	численность	%
1939 г.	356646	0,33
1959 г.	382431	0,33
1970 г.	477820	0,37
1979 г.	518060	0,38
1989 г.	635865	0,43
2002 г.	653963	0,45
2010 г.	647732	0,45

⁸⁴ Наумова О.Б. Казахская диаспора в России: этническое и миграционное поведение // ЭО, №3, 2000. — С.60.

⁸⁵ http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nation.php (дата обращения: 15.12.15).

Численность казахов в Российской Федерации по переписи 2010 года составила 647 тыс. человек, при этом число мужчин и женщин примерно одинаково. Это составляет 0,45 % всего населения страны. При этом 63,12 % казахов проживает в сельской местности. По данным переписи 2002 года можно заключить, что казахское население России относительно молодо – средний возраст 30,2 года. Большинство браков у казахов в сельской местности заключается внутри казахского этноса, в городах значительно число межнациональных браков. По данным переписи 2002 года 72 % казахов России владеют казахским языком, в сельской местности – более 90 %, в городах – меньшинство. Почти все казахи (98,3 %) свободно владеют и русским⁸⁶.

Поволжье. Большинство казахов южного Поволжья – потомки Букеевской орды, а также потомки родов, исторически кочевавших на Общем Сырте проживают в Заволжье. В Астраханской области проживает 149415 казахов – крупнейшая в России община. Они составляют 16,3 % населения области – вторая после русских по численности национальная община. В Володарском районе они составляют большинство населения (68,05 %) – самый большой район по доле казахов; много казахов в Красноярском и других районах области. В Астраханском педагогическом институте в 2005 году начато обучение по специальности «Учитель казахского языка и литературы». В области действует общество казахской культуры и языка «Жолдастық» («Товарищество» в переводе с казахского), издается газета «Ақ арна». У села Алтынжар расположен мавзолей великого казахского кюйши, композитора Курмангазы Сагырбаева, заново отстроенный в 1996 году на средства Казахстана. В Саратовской области казахи составляют 3,1% населения – вторая по численности после русских национальная общность, в Волгоградской области – 1,8 % – вторая по численности общность после русских⁸⁷.

Южное Приуралье. Ряд степных районов Оренбургской,

---

⁸⁶ http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nation.php (дата обращения: 15.12.15).

⁸⁷ Казахстанская правда: Поднять статус казахского языка // <http://www.kazpravda.kz> (дата обращения: 15.12.15).

Курганской, Омской и Челябинской областей являются историческими кочевьями казахских родов. В Оренбургской области проживает 120,2 тыс. казахов, что составляет 6% населения области, это третья по численности после русских и татар этническая общность области. В области имеется 18 школ с казахским языком.

Южная Сибирь. В Омской области казахи составляют 4,1 % от общей численности населения и составляют вторую по численности после русских национальную общность. В Алтайском крае численность казахов сократилась с 2002 года, почти на 2 тысячи и составила 7,9 тыс., что составляет всего 0,33 % населения, в том числе в Барнауле – около тысячи человек. Действует краевой казахский культурный центр «Ата-Мура». Выделяется казахское село Керей в Кулундинском районе края с населением около 340 человек, существующее на данном месте с 1916 года, в котором действует уникальная для России Каракульская неполная школа, со дня образования которой в 1920-х годах все предметы преподаются только на казахском языке. Коллектив школы более четырнадцати лет работает по казахстанской программе «Атамекен», поддерживается Павлодарским областным департаментом образования. На неоднократные предложения переехать в Казахстан жители отвечают отказом, объясняя это тем, что не хотят покидать родные края, хотя многие выпускники школы продолжают образование в Павлодаре и остаются в Казахстане⁸⁸.

Горный Алтай. Казахи поселились в Горном Алтае во второй половине XIX – начале XX веков. В настоящее время они составляют большинство населения Кош-Агачского района, расположенного в южной части Республики Алтай и граничащего с районами Монголии и Китая, которые также населены преимущественно казахами. В республике проживает 12,1 тыс. казахов, это составляет около 6 % ее населения – третья после русских и алтайцев национальная община. В 2001 году в селе Жана-Аул открыт музей истории и культуры казахов Алтая⁸⁹.

---

⁸⁸ Казахские национально-культурные центры – одни из самых активных и деятельных в Алтайском крае // <http://www.fergananews.com/article.php?id=4939> (дата обращения: 15.12.15).

⁸⁹ Боронин О.В., Быков А.Ю. Исторические предпосылки современного восприятия казахов юга Горного Алтая алтайцами // <http://www.ethnonet.ru/ru/pub/0903-02.html> (дата обращения: 15.12.15).

Казахская диаспора обладает некоторыми чертами, представляющими исторический и теоретический интерес. Характерной чертой казахской диаспоры является успешное функционирование в стране пребывания благодаря превосходной способности к адаптации, генетически заложенной кочевым образом жизни, который вели казахи и их предки на протяжении тысячелетий, повлиявших на их социально-психологические, физиологические и мировоззренческие особенности, благодаря которым, в свою очередь, они могут успешно функционировать в странах с полиэтнической, мультикультурной и мультирелигиозной структурой⁹⁰.

Необходимо отметить еще одну качественную особенность казахских диаспор в России: они избегали и избегают видов работ, приемлемых для мигрантов из Средней Азии и отчасти с Кавказа. Например, они никогда не участвовали в «армянстрое» – так называют интернациональные строительные бригады, где бригадирами являются чаще всего украинцы, а рабочими – узбеки, таджики или армяне. За исключением чабанов, не было казахов и среди мигрантов, использовавшихся директорами совхозов, в том числе казахами, на сельскохозяйственных работах. Вероятно, объясняется это тем, что у казахов примерно тот же уровень образования и культуры, что и у местных русских, а значит и одинаковые с русскими предпочтения в сфере занятости⁹¹.

Казахская диаспора в Российской Федерации – одна из крупнейших в мире. Ее отличительной чертой является тесная связь с основным этническим массивом казахов, по сути дела казахское население России – это казахи, живущие по границам своего этнического ареала.

При этом исследователь О.Б. Наумова пишет в своих трудах: «Родоплеменное сознание в настоящее время у российских казахов выражено весьма слабо. Как правило, казахи всех возрастов знают название своего мелкого родового подразделения

---

⁹⁰ <http://gagago.ru/rabochaya-programma-po-discipline--speckurs--istoriya-kaza-stranica-2.html> (дата обращения: 15.12.15).

⁹¹ Ларина Е.И., Наумова О.Б. Миграция казахов в Западной части российско-казахстанского пограничья // Вестник Евразии. 2006. №4. — С. 36-37.

«ру», однако очень немногие представляют себе родоплеменную структуру казахов в целом и место в ней своего «ру». Молодежь подчас не знает не только своего жуза, но не имеет понятия о существовании жузов вообще. Лишь немногие знают своих предков до седьмого поколения. Сегодня российские казахи не ощущают жизненной необходимости в знании родоплеменной структуры. Все члены одного «ру» по-прежнему считаются родственниками, однако реальных родственных связей, предполагающих взаимные обязательства, взаимопомощь и т.п., между ними не существует. Исчезло понятие «старшинства» рода, стариков во время пира (тоя) рассаживают «по старшинству» не рода, а возраста»⁹².

Что скорее всего объясняется результатами и вызовами глобализационных процессов, стиранием экономических границ между странами и повышением человеческой мобильности (взамен «оседлости»).

В любом случае, следует признать, что казахские диаспоры чувствуют себя в Российской Федерации комфортно и активно участвуют в укреплении культурно-гуманитарных связей двух стран.

Вступление с 1 января 2015 г. Договора о создании ЕАЭС, несмотря на приоритетность развития экономического сотрудничества, придало новый импульс значительной активизации культурно-гуманитарных связей. При этом генератором инициатив выступают соотечественники – как этнические казахи в РФ (казахские диаспоры в России), так и представители других этнокультурных сообществ, не утративших связь с Казахстаном.

В 2015 г. особое внимание в рамках культурно-гуманитарного сотрудничества РК и РФ было уделено празднованию 70-летия Великой Победы. По инициативе администрации г. Волоколамска и при содействии Посольства 3 мая 2015 г., накануне 70-летия Победы в ВОВ, было подписано соглашение об установлении побратимских связей между гг. Капшагай и Волоколамск. Казахстанцы зажгли факел от Вечного огня на Стене Памяти

---

⁹² Наумова О.Б. Казахская диаспора в России: этническое и миграционное поведение // ЭО, №3. 2000. — С.60.

в Волоколамске, а также взяли капсулу с землей на месте братского захоронения 28 героев-панфиловцев. В продолжение этой акции в г. Капшагай был зажжен Вечный огонь у Мемориала Славы. Взаимодействие Посольства с Центральным архивом Минобороны РФ (г. Подольск) и Российским государственным архивом кино-фотодокументов (г. Красногорск) позволило провести большую работу по поиску архивных материалов, относящихся к участию Казахстана в борьбе с фашизмом. Практическим ее результатом стал запуск 13 апреля 2015 г. на телеканалах «Қазақстан», «Хабар», «СТВ» и «Седьмой канал» пяти видеороликов ко Дню Победы, а также выход в российских и казахстанских СМИ тематических публикаций и телесюжетов. 7 мая 2015 г. в рамках военно-патриотического проекта «Победа на всех одна!» в Московском метрополитене в одном из поездов из 8 вагонов была размещена экспозиция (50 постеров), посвященная подвигу советского народа в борьбе с фашизмом. По инициативе Посольства 12 постеров оформлены под общим девизом «Вклад Казахстана в Великую Победу». В них нашли отражение факты участия сформированных в Казахстане дивизий в обороне Москвы, Севастополя, Ленинграда, освобождения Украины; борьбы казахстанцев в партизанских отрядах на оккупированных территориях; вклада передислоцированных в Казахстан предприятий военно-промышленного комплекса в снабжение фронта боевой техникой, вооружением и боеприпасами; поставок в Красную Армию продовольствия, теплой одежды, обуви из Казахстана; моральной поддержки, которую получали бойцы и жители оккупированного Ленинграда. Кроме того москвичи и гости столицы смогли ознакомиться с информацией об эвакуированных и депортированных в Казахстан народах, оказанном им гостеприимстве и усыновлении казахскими семьями сирот. Аналогичные акции были проведены в метрополитенах городов Санкт-Петербург, Казань и Уфа. Наметилось заметное сближение между представителями творческой интеллигенции Казахстана и России⁹³.

---

⁹³ <http://www.kazembassy.ru/ru/dvustoronneesotrudnichestvo/kulturnogumanitarnoevzaimodeistvie>
(дата обращения: 10.01.16).

2.2.2 КИРГИЗСКАЯ ДИАСПОРА В РОССИИ

В 1917 г. территория современной Киргизии стала частью единого советского пространства. В 1924 г. была выделена отдельная автономная область, которая с 1926 г. была преобразована в Киргизскую АССР, а с 1936 г. получила статус ССР, в котором просуществовала до 1991 г.

Вместе с советской властью в Киргизию пришла индустриализация, в которой можно выделить три волны⁹⁴:

- 1917-1938 гг. – строительство первых фабрик и заводов в Бишкеке (тогда назывался Фрунзе) и окрестностях, приток высококвалифицированных кадров из европейской части Союза.
- 1941-1945 гг. – наращивание военного производства, продолжение роста русского населения за счет эвакуации промышленных предприятий на территорию республики.
- 1960-70-е гг. – строительство ГЭС и свыше 150 металлургических заводов, значимых для всего среднеазиатского региона, активная иммиграция из «русских» регионов, доля киргизов существенно снизилась, узбеков осталась относительно стабильной; после бурного роста, период завершился застоем экономики.

По результату коллективизации было создано около 300 000 колхозов. Коренное население было занято преимущественно в этой сфере. Были запущены программы ликвидации безграмотности (общая грамотность на 1926 г. составляла 15 % населения в возрасте от 9 до 49 лет, к 1939 она достигла 82 %). В 1924 г. появилась киргизская письменность, к 1940 был введен кириллический алфавит. Возросло число школ, появились средние и высшие учебные заведения (первый университет появился в 1925 г.), культурно-просветительские учреждения и периодическая печать. Абсолютное большинство городского населения свободно

---

⁹⁴ Abazov R., 1999. Economic Migration in Post-Soviet Central Asia: The Case of Kyrgyzstan. Post-Communist Economies, Vol. 11, No. 2.

владело русским, на этом языке преподавали в школах, существовали русскоязычные программы в университетах, была возможность продолжать образование в РСФСР.

Официально в советский период безработица в республике отсутствовала, хотя были ее скрытые формы – сезонная безработица в сельской местности, которая успешно компенсировалась социальными льготами и выплатами (пособия по безработице и уходу за ребенком, пенсии). В основном, население было устроено в государственном секторе экономики. Мотивация к внешней или внутренней трудовой миграции отсутствовала. В 1991 г. Киргизия получила независимость, как и большинство советских республик, и стала на путь демократических преобразований, включающих либерализацию цен и приватизацию собственности.

С начала независимости в Кыргызстане происходила активная миграция населения за рубеж, в результате которой были образованы сообщества, в настоящее время являющиеся членами организованной диаспоры. Кыргызская диаспора имеет огромное количество организаций за рубежом. Согласно Ассоциации Замандаш, кыргызские диаспоры существуют на всех континентах мира. В Российской Федерации насчитывается 43 диаспоры, в европейских странах зарегистрирована, по крайней мере, 21 диаспора: 5 в США, 14 в Азии и 3 в Австралии и Африке⁹⁵.

90 % трудовых мигрантов из Киргизии едут в Россию к родственникам, знакомым или другим полезным контактам. Можно сделать вывод, что именно наличие устойчивой социальной сети в России толкает их к миграции, поэтому и в решении трудностей они надеются не на официальные структуры, а на земляков, знакомых или родню. Национальный состав миграции из Киргизии: до 70 % киргизы, 16 % узбеки и 11 % русские. Доминирующая возрастная группа – 20-30 лет. Соотношение по полу – 7 к 3 в пользу мужчин. Более 40 % приезжают из сельской местности, 30 % – из небольших городов, остальные – из Бишкека и его пригородов. Большинство едет из южных регионов.

---

⁹⁵ Журнал «Замандаш», № 7, июль 2012 г. — С. 32.

Самыми привлекательными для мигрантов из Киргизии являются такие регионы России как Екатеринбург, Новосибирск, Воронеж, Липецк, Республика Татарстан, Республика Башкортостан. Больше всего киргизских мигрантов приезжает в Екатеринбург и Москву. Основными сферами трудоустройства приезжающих из Киргизии мигрантов являются гостиничный сервис, общественное питание, ЖКХ, строительство, клининговые компании, швейное производство, рынки⁹⁶. Стоит понимать, что мигранты в Москву и центральную Россию в большей степени вовлечены в сферу сервиса, в то время как мигрирующие за Урал чаще заняты в торговле товарами китайского производства.

Долгосрочные планы (присутствие более одного года) на работу имеют 5 из 10 трудовых мигрантов в Россию, еще 2 хотели бы покинув РФ вернуться сюда на короткий период (присутствие менее одного года), только 4 из 10 планируют остаться в России навсегда⁹⁷.

При этом киргизы в России, граждане России, имеющие полное или частичное киргизское происхождение, являются представителями 1 и 2 волны эмиграции из Киргизии в России, образуют одну из крупнейших по численности эмигрантских общин России. Общая численность в Россию – 103 тыс. чел. (2010, перепись). По переписи 2002 года в РФ жило 32 тыс. киргизов, по переписи 1989 года – 42 тыс. Киргизские национально-культурные автономии существуют в Санкт-Петербурге, Омске, Казани, Ростове-на-Дону, Новосибирске, Красноярске⁹⁸.

Киргизы в России попали в 1-ую волну эмиграции во времена СССР, после распада союза большая часть из них уехала обратно в Киргизию, однако значительная община осталась в России.

---

⁹⁶ Илибегова Л. Отчет по результатам мониторинга услуг, предоставляемых дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями Кыргызской Республики в Российской Федерации и Республике Казахстан. Бишкек, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://csip.kg/publication/publication-base/otchet-po-rezultatam-monitoringa-uslug-predostavlyaemykh-diplomaticheskimi-predstavitelstvami-i-konsulskimi-uchrezhdeniyami-kyrgyzskoj-respubliki-v-rossijskoj-federatsii-i-respublike-kazakhstan> (дата обращения: 04.12.2015).

⁹⁷ Labour Migration and Human Capital in Kyrgyzstan and Tajikistan: Impact of Accession to the SES. [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 04.12.2015).

⁹⁸ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 04.12.2015).

2-ая волна эмиграции идет сейчас, начиная с 2006 года. Киргизы сегодня образуют вторую эмигрантскую группу, после узбеков. Третья группа эмигрантов – таджики, четвертая – армяне. В отличие от остальных иммигрантов (как правило, в отличие от армян и таджиков), киргизы легко адаптируются и ассимилируются. В киргизской эмигрантской среде в России самый высокий уровень межнациональных браков среди коренных народов (с русскими – 76 %, якутами – 14 %, татарами – 9 %, остальными 1 %) ⁹⁹.

Распределение оформленных гражданами Кыргызской Республики разрешений на трудовую деятельность по сферам экономики ¹⁰⁰:

- сфера услуг – 53,8 %;
- строительство – 21,9 %;
- транспорт и связь – 5,2 %;
- оптовая и розничная торговля – 5 %;
- другие сферы – 10,3 %.

В настоящее время в России сложилась крупная киргизская диаспора. Миграция из Киргизии в Россию обусловлена, в основном, историко-культурными и экономическими причинами. Как правило, иммигранты трудоустраиваются в строительной, коммунальной и гостиничной сферах, а также в сфере питания.

Кыргызстан как отправляющая страна в настоящее время не имеет какой-либо политики по кыргызской диаспоре, равно как и представительств на уровне государства за рубежом, кроме консульских служб и посольств, для сотрудничества с тамошними организациями. Несмотря на огромный поток миграции из страны и большую зависимость от денежных переводов мигрантов, последовательной программы правительства по привлечению диаспор нет. По мнению экспертов, сотрудничество с организациями диаспор или привлечение мигрантов в такие организации может способствовать продвижению имиджа Кыргызстана, а также привлечению в страну инвестиций и возможностей для бизнеса.

---

⁹⁹ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 04.12.2015).

¹⁰⁰ http://krg.rus4all.ru/city_msk/20140528/725193513.html (дата обращения: 05.12.2015).

В обсуждениях, недавно состоявшихся в Кыргызстане, эксперты предположили, что государство могло бы выделить некоторые финансовые средства на проведение различных мероприятий для привлечения «доноров». Кыргызские посольства за рубежом и иностранные посольства в Кыргызстане могли бы совместно предоставлять материально-техническую поддержку¹⁰¹.

Согласно опросу, проведенному Всемирным банком, среди стран Центральной Азии Казахстан и Узбекистан имеют официальные представительства, занимающиеся вопросами диаспор на уровне департаментов министерств иностранных дел, Таджикистан открыл специальную службу, а Кыргызстан не имеет никакого представительства по вопросам диаспор на государственном уровне¹⁰². Более того, даже вопросы миграции в Кыргызстане в настоящее время решаются на уровне департамента министерства.

Министерство миграции и Комитет по миграции при правительстве КР были расформированы, хотя новое правительство в Кыргызстане может восстановить эти учреждения. Отсутствие государственного органа или всестороннего стратегического подхода к решению вопросов миграции препятствует более эффективной защите трудовых мигрантов в Кыргызстане и за рубежом.

Одной из проблем, как выразился один из представителей диаспоры в Республике Бурятия Российской Федерации, является то, что теперь диаспора не может официально представлять интересы своих членов и оказывать своевременную помощь и содействие. Бывшее Министерство миграции Кыргызстана выдавало удостоверения для руководителей диаспоры в отдаленных районах России, чтобы официально представлять мигрантов. Это было значительной помощью для мигрантов, так как на всю Россию имеется только одна дипломатическая миссия в Москве. После расформирования Министерства миграции Кыргызстана в 2011 году, диаспорские организации утратили свой официальный статус представителей членов своей диаспоры в судах и других

---

¹⁰¹ Кыргызские диаспоры за рубежом могли бы помочь развитию экономики Кыргызстана // <http://www.knews.kg/ru/society/19783/> (дата обращения: 10.12.16).

¹⁰² World Bank. Poverty Reduction and Economic Management Unit, Europe and Central Asia Region, 2014.

учреждениях, где мигранты нуждались в помощи. Некоторые представители диаспоры выразили свое беспокойство по этому поводу на съездах соотечественников, состоявшихся в Бишкеке в июле-августе 2012 года.

Главный вопрос здесь заключается в том, чтобы определить какую роль сыграла диаспора в снижении дискриминации мигрантов, и является ли более тесное сотрудничество между организациями диаспор и групп мигрантов гарантией большей защиты прав мигрантов от дискриминации. Барьером для сотрудничества с диаспорами страны является отсутствие полных данных об их количестве и особенностях. Из-за плохого управления миграцией и отсутствия миграционной политики в стране кыргызские учреждения не располагают информацией о точном количестве людей за рубежом. Статистика, которую получает Кыргызстан по миграции, основана исключительно на статистике стран назначения. Правительство Кыргызстана пока не имеет своего собственного потенциала и механизмов для создания более точных статистических данных о мигрантах за рубежом.

Денежные переводы являются самым заметным и оперативным способом, которым правительство пытается вовлечь диаспору в развитие страны и сокращение бедности в Кыргызстане. Потенциал действительно велик. По мнению некоторых экспертов, ежегодно трудовые мигранты отправляют в Кыргызстан около 2 млрд долларов США в качестве денежных переводов, в то время как в первой половине 2012 года Национальный банк Кыргызстана оценивает увеличение объема денежных переводов на 17,4 %¹⁰³.

Важно отметить, что денежные переводы мигрантов еще не используются в целях развития Кыргызстана. Например, в своем исследовании профессор Кэтрин Андерсон из Университета Вандербильта, США, делает вывод, что денежные переводы не вкладываются в образование детей мигрантов в Кыргызстане. Она отмечает, что деньги, в основном, тратятся на покупку мебели,

---

¹⁰³ Отчет Национального Банка КР, <http://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=1785&lang=RUS> (дата обращения: 10.12.16).

бытовой техники и других товаров, вместо того, чтобы быть использованными для приобретения компьютера для ребенка или его отправки в хорошую школу или университет¹⁰⁴.

Все больше публикуется литературы, которая рекомендует различные стратегии, как лучше вовлечь диаспоры в развитие своих стран, как с помощью диаспор находить инвестиции и какую политику нужно вести правительствам. Эксперты отмечают, что во многих странах диаспоры накапливают человеческий, финансовый и социальный капитал для развития своей страны и страны пребывания. Возрастающее количество литературы и стратегических документов позволяют предположить, что диаспора может быть использована в качестве источника помощи в целях развития, хотя вопрос о том, как эффективно использовать этот потенциал, остается открытым для обсуждения. Правительства могут играть важную роль в направлении трансферта в экономический прогресс и вовлечь диаспоры в социально-экономическую деятельность общин в своих странах через различные программы поощрения инвестиций. Именно транснациональные сообщества устанавливают и укрепляют межведомственные связи между странами происхождения и назначения. Задачей для лиц, принимающих решение, в развитых и развивающихся странах является создание среды, которая поощряет и поддерживает вклад мигрантов диаспоры в развитие.

В одном из руководств по привлечению диаспор изложены несколько направлений построения дорожной карты¹⁰⁵. В книге определены четыре этапа дорожной карты для правительств для стран отправления и назначения. Некоторые этапы подходят для двустороннего или многостороннего партнерства, а другие, такие как прямое двустороннее техническое сотрудничество, требуют установления партнерства. Основные характеристики, определенные в Руководстве и приведенные ниже, могут представлять интерес

---

¹⁰⁴ Переводы от гастарбайтеров не вкладывают в образование детей», http://www.vb.kg/news/society/2012/07/18/194799_ekspert_perevody_ot_gastarbayterov_ne_vkladyvaut_v_obrazo (дата обращения: 10.12.16). [vanië_detey.html](http://www.vb.kg/news/society/2012/07/18/194799_ekspert_perevody_ot_gastarbayterov_ne_vkladyvaut_v_obrazo) (дата обращения: 15.01.16).

¹⁰⁵ Developing a Road Map for Engaging Diasporas in Development. A Handbook for Policymakers and Practitioners in Home and Host Countries», by D.R.Agunias and K.Newland, IOM - MPI, 2012.

при рассмотрении вопроса, как стимулировать и привлекать диаспоры к постсоветским практикам.

Во-первых, правительству Кыргызстана необходимо продумать, как нужно привлечь кыргызстанцев, проживающих за рубежом, к возможности внести свой вклад в развитие страны происхождения. Если Кыргызстан стремится к сокращению бедности, его политика должна быть направлена на денежные переводы, инвестиции в бизнес и рынки капитала. Однако если цель заключается в повышении конкурентоспособности национальной экономики, политика должна быть направлена на приобретение знаний и навыков, которые могут направлять диаспоры, либо с помощью своих собственных усилий, либо при содействии учебных заведений и бизнес-сообществ в стране происхождения. Как только цели стратегии диаспоры будут сформулированы, вторым важным шагом для правительств станет изучение своей диаспоры. Это включает сбор данных и составление карты навыков и опыта диаспоры, создание базы данных с соответствующей информацией и проведение опросов для того чтобы понять, что диаспора может предложить и чего она ожидает в ответ от правительства.

Создание доверительных отношений с диаспорой является следующим важным шагом. Диаспоры должны рассматриваться как нечто большее, чем просто «дойные коровы». Это может включать принятие мер по улучшению делового климата и большей прозрачности в бизнесе и инвестиционных правилах.

Последним шагом является мобилизация диаспоры, которая часто осуществляется посредством создания министерства диаспоры. Должны быть созданы средства для взаимодействия с диаспорой, координации политики и обеспечения поддержки и наблюдения. Страны назначения и донорские организации могут играть определенную роль в этом процессе.

Передача знаний и «приток мозгов» является еще одной областью, которая может получить дальнейшее развитие. Это может быть другим сегментом участия диаспоры, который может быть достигнут путем создания новых механизмов и благоприятных условий для высококвалифицированных мигрантов. Однако

такая политика должна не ограничивать интеллектуальную миграцию, а работать на положительных аспектах путем установления долгосрочных международных научных связей и формирования элиты диаспор за рубежом.

Что касается организаций киргизов в России, то в настоящее время зарегистрированы 60 объединений: 11 некоммерческих (5 фондов и 3 партнерства), 1 религиозная и 47 общественных (включая 11 региональных и местных НКА), в самой Москве действуют 12 организаций (6 общественных и 6 некоммерческих). Среди них, например, некоммерческий «Фонд содействия трудовым мигрантам Киргизской Республики», благотворительный фонд помощи мигрантам и эмигрантам из Киргизской Республики «Иммигрант». Наиболее активны в настоящее время ассоциация Международный конгресс киргизов и соотечественников «Замандаш» и общероссийская общественная организация «Киргизский конгресс», между которыми существует конкуренция за аудиторию, лидерство, распределение ресурсов.

Особенность подобных этно-мигрантских организаций состоит в том, что в большинстве случаев они создаются представителями поколения, приехавшими из Киргизии еще в советское время, и, следовательно, являются хорошо интегрированными гражданами России, которые используются как социальный и финансовый ресурс. Некоторые киргизские организации специализируются на одном виде активности, но большинство, как правило, декларируют несколько направлений: реализация просветительских и культурно-образовательных программ и мероприятий; взаимодействие с органами государственной власти, органами местного самоуправления и с заинтересованными некоммерческими организациями; работа с организациями в стране исхода; издательская и информационная деятельность; защита прав мигрантов и содействие их легализации. Однако в реальности значительная часть этой активности приходится на культурную, посредническую деятельность, и, несмотря на статус некоммерческих организаций, эти практики носят коммерческий характер. Хотя в мигрантских коммуникациях подобные организации не играют главенствующей

роли, тем не менее их не стоит недооценивать, в том числе и потому, что связи между организациями, другими мигрантскими институциями и трудовыми мигрантами значительно сложнее. Например, при определенной поддержке киргизской общественной организации «Киргизский конгресс» на площадке Торгового центра «Кыргызстан» функционируют киргизский медицинский и информационный центры, проводятся мероприятия для мигрантов из Киргизии, создавая институциональные возможности для поддержания чувства общности и «празднования идентичности».

2.2.3 ТАДЖИКСКАЯ ДИАСПОРА В РОССИИ

Таджикская диаспора в России имеет многолетнюю историю, ведущуюся с первых поселений на территории Сибири в XVI веке. Культурные взаимосвязи находят свое продолжение в советский период. Культурная революция 30-х годов для Таджикистана – наиболее отсталого горного региона бывшей Российской Империи и Бухарского эмирата – сыграла важную роль в приобщении народа к образованию.

Можно фрагментарно отметить некоторые особенности развития образования в Таджикистане. Темпы развития были необычайно быстрыми. Республика за сравнительно короткий срок покрывалась густой сетью школ. Если в 1927-1928-м учебном году в Таджикистане функционировали 592 школы с контингентом учителей 658 человек и учащихся – 16896, то к концу 1-й пятилетки было уже: 1485 школ, 2407 учителей и 65747 учащихся. В 1936-1937-м учебном году в 1739 школах Таджикистана обучалось уже свыше 100 тыс. учеников, из них 20,4 тыс. – учащиеся неполных и средних школ. Наиболее трудной проблемой в борьбе за осуществление всеобщего в республике являлось вовлечение в школы девочек, чему препятствовали религиозные и семейно-бытовые предрассудки. Тем не менее, если в 1927 году в Таджикской АССР обучалось всего 143 девочки, то к десятилетию Октябрьской революции их число в школах Таджикской ССР

увеличилось до 86 тысяч¹⁰⁶.

В советские годы на примере России и Таджикистана четко прослеживаются взаимозависимость и взаимопроникновенность научной, культурной и духовной сфер жизни народов двух стран. Именно в этот период активно ведутся исследования природных богатств, флоры и фауны, ледников и водных ресурсов, археологических и этнографических данных края. Идет глубокое изучение письменных, исторических и культурных памятников таджикского народа. Сотрудничество братских республик началось с творческих связей в области культуры. Большими тиражами на русском и таджикском языках издавались в республиках произведения С. Айни, М. Горького, М. Турсунзаде, С. Есенина, Г. Рублева, С. Улугзаде, Р. Гамзатова, К. Симонова, М. Каноата, В. Авдеева, Л. Шерали и др.

Советский период в истории таджикского народа сыграл огромную роль в возрождении таджикской государственности. Была образована Таджикская ССР. Ее образование способствовало становлению национальной науки, культуры и искусства. За годы советской власти Таджикистан, пользуясь, прежде всего ресурсами общего государства, потенциалом всего советского народа, сумел создать на своей территории мощные промышленные и энергетические объекты: Нурекскую, Байпазинскую, а также ряд более мелких ГЭС, ТадАз, Яванский электрохимический и Вахшский азотно-туковый заводы, целый комплекс текстильных предприятий, мощную горнорудную промышленность.

С образованием суверенной Республики Таджикистан государственные структуры стали принимать непосредственное участие в практической реализации внешней политики страны. 21 сентября 1995 г. в Москве было подписано Соглашение о сотрудничестве в области культуры, которое имеет важное значение для дальнейшего расширения и углубления культурных связей двух братских стран – стратегических партнеров. Это соглашение обеспечило основу для дальнейшего расширения культурных

---

¹⁰⁶ Обидов И.О. История народного образования в Таджикистане. – Душанбе, 1986. — С. 27.

отношений Республики Таджикистан с Российской Федерацией. В соответствии с этим соглашением и под непосредственным руководством Минкультуры в период с 1995 по 2015 гг. многочисленные творческие коллективы представили свои концертные программы обществам таджиков в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Тюмени, Уфе, Магнитогорске, Казани, Новосибирске, Иркутске и других городах Российской Федерации. С развитием сотрудничества в области культуры и в связи с проведением Дней культуры города Душанбе в Москве и города Москвы в Душанбе возникла необходимость подписания Протокола о сотрудничестве между Министерствами культуры Российской Федерации и Республики Таджикистан. Такой Протокол был подписан 30 ноября 1999 г., став надежным фундаментом развития культурных взаимоотношений между Таджикистаном и Россией. Впредь в мероприятиях международного уровня, проводимых в Российской Федерации, будут принимать участие представители культуры и искусства Таджикистана.

За годы независимости произошел большой скачок в культурном сотрудничестве между Таджикистаном и Россией, имеющем присущие ему различные грани. Огромную лепту в укрепление культурного сотрудничества двух государств вносит сегодня Российско-Таджикский (славянский) университет, действующий в республике с 1996 года.

Таким образом, практическое действие актов о культурном сотрудничестве Таджикистана и России на современном этапе развивается достаточно плодотворно, хотя на первый взгляд может показаться, что оно не отвечает пока должным образом современным требованиям¹⁰⁷. Тем не менее, акты носят эволюционный характер и определяют диаспоральную политику России и Таджикистана.

Отдельного научного внимания заслуживает эволюция таджикских диаспоральных структур в истории нашего государства. Россия является единственной из числа христианских стран

---

¹⁰⁷ Юлдашева М.Р., Ерхова Т. Россия – Таджикистан: этапы культурного сотрудничества // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. №9-1. 2012. — С. 46.

мира, на территории которой таджики жили и живут, трудятся почти пятьсот лет бок о бок с русскими и россиянами.

Они поселились первоначально на территории Западной Сибири на берегах полноводных великих сибирских рек – Иртыш и Тобол – со времен так называемых «религиозных войн» между местными татарами и пришлыми 366 бухарскими шейхами и 1700 их вооруженными конными охранниками на берегах тех рек, с целью распространения ислама.

Расселение таджикских диаспор на территории России с конца 50-х гг. XVI в., точнее, с 1557 г. до настоящего времени имеет свои конкретные и отличные друг от друга своим содержанием два этапа, которые охватывают досоветский период, т.е. до 1917 г.

Первый этап охватывает период с конца 50-х гг. XVI в. до начала 60-х гг. XIX в., т.е. до того времени, когда Бухарское ханство было самостоятельным. «Бухарцы» тогда одержали победу. Победа была закреплена и Кучумом, ставшим ханом Сибири. Первые таджикские поселения и первые мечети были основаны в это время. Второй этап охватывает период с середины 60-х гг. XIX в. до 1917 г., когда Бухарский эмират в результате одержанной Российскими войсками победы согласно соглашения двух государств с 1868 г. становится вассалом России¹⁰⁸.

«Тезики» или «бухарцы» в то время поселились первоначально в городах Актюбинске, Таре, Тюмени, Томске, Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Уфе, Астрахани, Казани и др. В середине XIX века в пределах Западной Сибири, в городах Тюмени, Таре и Тобольске, проживало свыше 9 тыс. бухарцев. Кстати, большинство из них говорили в 1831 г. на таджикском языке, о чем свидетельствует французский ученый Ю. Клапрот. В 1831 г. в беседе с ученым жители сообщили, что их родным языком ранее был персидский, а позднее он изменился под влиянием языка местных тюрков-татар.

Это подтверждается исследованием крупного татарского ученого, одного из потомков бухарцев Сибири, В.Т. Валева. Он

---

¹⁰⁸ <http://www.gazeta-bip.net/society/1360-2011-02-03-08-11-02> (дата обращения 16.02.2015).

писал: «В литературе совершенно обойден вопрос о роли бухарцев-таджиков в формировании отдельных групп сибирских татар». В современной советской литературе по истории таджикского народа также не затрагивался вопрос об исторических контактах таджиков, переселившихся в Сибирь, с сибирскими татарами. Между тем, таджики, составлявшие определенную часть бухарцев-переселенцев в Сибирь, несомненно, оказали влияние на развитие материальной и духовной культуры татарского региона, а также на их этническое развитие. О языке и культуре бухарцев говорилось и в статье В.Т. Валеева, С.М. Исхакова¹⁰⁹.

В то время русское правительство благосклонно относилось к бухарцам, переселившимся на постоянное жительство в Сибирь. Оно даже стимулировало это переселение разными льготами. Переселившихся на постоянное жительство в Сибирь бухарцев освобождали от оброков. В конце XVI в. бухарским купцам грамотой царя от 31 августа 1596 г. была предоставлена беспошлинная торговля.

Указ российского царя от 1644 г. давал бухарцам право проезда по русским городам и слободам вплоть до Архангельска и Астрахани и свободу от суда, кроме уголовных дел. Одновременно правителям регионов Сибири было предписано всюду создавать для бухарцев необходимые условия, не чинить им препятствий и не наносить им вреда. В 1686 г. такое решение было издано повторно, на этот раз в обязанность правителей Соликамска, Холмогоров и других городов вменялось создание бухарским купцам всех условий для их стимулирования.

В марте 1721 г. они получили право пользоваться купленными землями и получили свободу от несения тягот и служб. В 1724 г. Петр I освобождает бухарцев от рекрутской службы «для их иноземчества и за добротный выезд в подданство».

В начале царствования Екатерины II, в 1764 г., русское правительство посчитало, что привилегии сибирских торговых бухарцев необходимо уменьшить, учитывая протесты русских купцов против этих льгот. Было предписано бухарцев «в ясак против прочих

---

¹⁰⁹ <http://www.gazeta-bip.net/society/1360-2011-02-03-08-11-02> (дата обращения 16.02.2015).

ясачных народов, а которые в платеже были по нынешнему их состоянию, окладам переложить». Но так как вскоре выяснилось, что в результате этого уменьшился приток среднеазиатских товаров, то правительство Екатерины II было вынуждено восстановить привилегии торговцев-бухарцев в Сибири указом 1787 г.¹¹⁰

Указ являлся ответом на протест «ташкентцев» по поводу решения Тобольского городского магистрата от 1785 г. Екатерина II в ответ на прошение выходцев Средней Азии не только подтвердила их привилегии, но и предоставила им новые льготы. Указ гласил: «Желая способствовать как умножению их жителей тамошнего края одноплеменными им выходцами из границы, так и распространению торговли с их прилегаемыми к той стране разными народами, повелеваем: оставить их на том самом основании, на каком они были до открытия там наместничества по новому образцу строения, позволяя им сверх того в Тобольске и других городах, где (ген. губернатор Е.П. Кашкин) признаете за лучшее и удобнейшее составить из них общество, словесные суды, покуда с умножением числа их могут и пожелают они сами иметь собственную ратушу, сообразно правилам, учрежденным нашим управлением губерний изображенных». Далее обращение бухарцев и ташкентцев относительно земельных участков также удовлетворялось. Каждому переселившемуся отводилось пятнадцать десятин на душу казенной земли на избранном им участке. Кроме того им выдавалась ссуда из государственной казны. Для дальнейшего привлечения переселенцев предписывалось «построить для них мечеть по тому плану и фасаду, который ее величеством отобран для построения мечети на линии для киргиз, казахов, на что и сумма потребления по исчислению в свое время осигнована будет». Значительное число бухарцев проживало и в г. Астрахани. В документах 1620-1628 гг. не раз подчеркивалось, чтобы местные воеводы хорошо устраивали приезжих восточных купцов, чтобы они впредь в Астрахань торговать ездили, и беспрепятственно «пропустили их вверх по Волге». Следует отметить, что покровительственная политика восточных

---

¹¹⁰ <http://www.gazeta-bip.net/society/1360-2011-02-03-08-11-02> (дата обращения 16.02.2015).

купцов вызывала протест русского купечества. В конце 70-х гг. XVII в. они просили выслать иностранцев из России. Однако 27 февраля 1681 г. поступил указ бухарцам и гилянцам, если они «похотят жить в Астрахани с женами и детьми»¹¹¹.

Таких примеров можно привести много. Но приведенные примеры красноречиво свидетельствуют о благосклонном отношении русских властей к таджикам и другим выходцам из Средней Азии.

Возникает вопрос, чем вызвано такое отношение российских властей к бухарцам? Конечно же, все это имело свои причины. Представленные русскими властями бухарцам многочисленные привилегии объясняются рядом причин. Одна из важнейших из них заключалась в строительстве в Западной Сибири новых городов на берегах реки Туры – Тюмени (1586 г.), Верхотурск (1598 г.), Туринск (1600), на реке Иртыш – Тобольска (1587 г.), Тары (1594 г.), на реке Обь – Березова (1592 г.), Сургута (1594 г.), Нарына (1596 г.), на реке Том – Томска (1604 г.) и т.д. Новых городов следовало обустроить, обеспечить их как промышленными, так и продовольственными товарами. В этих условиях приток бухарцев, так же как и других народов из Средней Азии и северо-западного Китая и т.д., был очень кстати, одной из серьезных причин предоставления льгот таджикам являются незаурядные способности последних в торговле, достаточно значительное место занимала их роль в торговле этих регионов.

Следует констатировать, что в середине XVII в. на рынках Западной Сибири решающая роль в среде купечества России принадлежала «бухарским» купцам. По сведениям крупного знатока истории Западной Сибири О.Н. Вилкова, в 1632 г. на их долю приходилось 78,3% торговли страны. Петр I придерживался политики привлечения азиатских торговцев на жительство в Сибирь, стремясь с их помощью решить задачу усиления своей восточной политики. В его указе от 5 марта 1701 г. было велено

---

¹¹¹ История Бухарских евреев с древнейших времен до настоящего времени // <http://mishmar.info/istoriya-buxarskix-evreev-s-drevnieishix-vremen-do-nastoyashego-vremeni-chast-2.html> (дата обращения: 11.09.15). 111 Миграция в России и в мире. Проблемы, тенденции, решения. // <http://expatcenter.livejournal.com/75820.html> (дата обращения: 13.03.2015).

бухарцам в Тобольске и других городах «за произвольный их выезд с пасадыскими людьми тягло не платить и никакими службами их не утеснять».

Специалист по среднеазиатским купцам в Сибири В.П. Шпалтаков называет сибирских бухарских купцов «подвижными элементами нарождавшегося и утверждавшегося сибирского капитализма».

Учеными доказано, что бухарские ремесленники, также как купцы, оставили в Сибири заметный след в производстве ремесленных изделий, а в некоторых отраслях они были первооткрывателями, что видно на примере выделки кожи. До появления здесь бухарцев, и ташкентцев аборигены не имели представления об этом ремесле.

Предметы рукоделия бухарских женщин вызывали восхищение иностранных путешественников, посетивших г. Тобольск в 60-х гг. XVII века. Особую роль в духовной жизни народов Сибири и России в целом играла интеллигентская прослойка таджикской диаспоры России – это крупнейшее медресе в бухарском поселке Ембаево в г. Тюмени; «Букварь арабского и татарского письма», изданный в Петербурге в 1802 г., составителем которого был Ният Атомухаммедов Бухарско-Тюбенского уезда; открытие бухарцами месторождений минералов, серебрянных, свинцовых и медных руд и т.д. и т.п. Все это, бесспорно, сказалось на политике российских властей по вопросу привлечения таджикских диаспор в Россию и предоставления им широких прав и всевозможных льгот.

Таджикская диаспора, в зависимости от их профессионального и социального положения, налаживала свои контакты с русскими, россиянами, вместе с которыми они проживали. Все это создавало благоприятные условия для проживания таджикских диаспор на территории России и подготавливало тем самым необходимые предпосылки для плодотворного таджикско-русского сотрудничества в будущем. Особенно массовой миграция в Россию из Таджикистана стала в конце 1990-х годов.

Первопроходцами массовой трудовой миграции из Центральной

Азии стали жители Таджикистана, таджики по своей этнической принадлежности. Подтолкнула их к этому краткая, но чрезвычайно кровопролитная гражданская война 1990-х годов. Массовый поток беженцев (это около миллиона человек только для стран СНГ) проложил дорогу для трудовых мигрантов. Послевоенная экономическая разруха и общая экономическая отсталость создали теперь уже долговременный и мощный выталкивающий фактор. Беженцы органично становились трудовыми мигрантами. Они довольно быстро сформировали миграционную инфраструктуру – от организации трафика до механизма оказания посреднических услуг в российских городах¹¹². Они сформировали свою нишу на рынке труда. В качестве новичков они не могли рассчитывать на стартовые возможности выходцев Кавказа, которые массово осваивали Сибирь еще с советских времен. Первые таджики – трудовые мигранты начали все с нуля, практически на пустом месте. Поэтому они могли рассчитывать только на самые непривлекательные и низкооплачиваемые профессии и сферы занятости. Служащие, врачи, ученые, преподаватели, квалифицированные рабочие, люди со средним и высшим образованием становились чернорабочими. Таджикский грузчик на рынке, сезонный строительный рабочий становились типичными, даже знаковыми фигурами. Горожане, люди с образованием и профессией, опытом жизни и учебы за пределами родных мест, первыми прокладывали пути, по которым затем двинулись их родственники и земляки.

Через несколько лет, отчасти опираясь на созданную ими миграционную инфраструктуру, пришли жители Узбекистана, миграционный потенциал которого намного выше, чем у Таджикистана. И сейчас во многих российских городах они вышли на первое место по числу официально зарегистрированных трудовых мигрантов.

---

¹¹² <http://www.migration.tj/> (дата обращения: 14.09.16).

ЧИСЛЕННОСТЬ ТАДЖИКОВ В РСФСР/РФ ПО ПЕРЕПИСЯМ НАСЕЛЕНИЯ, ЧЕЛ.

1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
7027	14108	17863	38208	120136	200303

СТРУКТУРА РАССЕЛЕНИЯ ТАДЖИКОВ В РОССИИ ПО ОСНОВНЫМ РЕГИОНАМ ПРИСУТСТВИЯ ПО ДАННЫМ ПОСЛЕДНИХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

РЕГИОН	Перепись 1989 г.	Перепись 2002 г.	Перепись 2010 г.
Москва	2 893	35 385	27 280
Московская область	1 401	3 404	15 549
Санкт-Петербург	1 917	2 449	12 072
Свердловская область	1 427	6 125	11 138
Новосибирская область	714	2 784	10 054
Тюменская область	1 240	7 968	14 328
в том числе Ханты-Мансийский автономный округ	нет данных	5 651	9 793
в том числе Ямало-Ненецкий автономный округ	нет данных	583	1 482
Красноярский край	1 377	3 507	6 304
Волгоградская область	1 039	2 057	4 674
Иркутская область	852	2 576	4 169
Ленинградская область	554	814	2 977
Якутия	260	1 105	2 696
Челябинская область	870	5 125	7 375
Самарская область	1 598	4 624	7 195
Кемеровская область	875	4 474	5 646
Татарстан	742	3 625	5 859
Башкортостан	735	2 939	4 127
Оренбургская область	411	2 455	4 093

РЕГИОН	Перепись 1989 г.	Перепись 2002 г.	Перепись 2010 г.
Пермский край	863	1 953	3 548
Алтайский край	413	1 617	2 087
Саратовская область	1 207	1 468	1 686
Краснодарский край	753	1 179	1 853
Тверская область	496	1 175	3 177
Ульяновская область	422	1 057	1 375
Ростовская область	1 238	898	1 618

Первоначальная роль таджиков, их массовое, повседневное и постоянное присутствие в жизни принимающего общества сформировало образ таджика. Само это слово наполнилось новыми смыслами. С одной стороны, оно осталось для жителей России привычным этнонимом и обозначением жителя Таджикистана (то, что сформировалось еще в советские времена). С другой – его распространяют теперь на всех выходцев Центральной Азии, приезжающих в Россию в поисках работы, преимущественно временной, сезонной. Оно практически стало синонимом слова «гастарбайтер», которое уже стремительно ворвалось в массовую языковую практику и стало общепринятым.

Увеличивающаяся таджикская диаспора в РФ, равно как и питающая ее трудовая миграция, дает своей этнической родине гигантские средства для осуществления любого государственного проекта.

Многочисленные таджикские диаспоры сформировались за последние 16 лет и в некоторых других странах СНГ (в Казахстане, в Кыргызстане). Таджикская диаспора при таком развитии ситуации приобретет в РФ ряд привилегий и преференций в своей жизни и деятельности, что облегчается существующим до сих пор межправительственным соглашением о двойном гражданстве. В первую очередь названные привилегии могут коснуться службы таджиков в вооруженных силах РФ, куда по замыслу руководства страны могут привлекаться граждане СНГ.

Процесс объединения таджикских общественных организаций

России идет очень болезненно. Ни для кого не секрет, что экономический и политический потенциал трудовых мигрантов Таджикистана за последние годы привлекает внимание многих заинтересованных общественных и политических сил.

Поток мигрантов из Таджикистана в перспективе не уменьшится. Наоборот, он за последние годы имеет тенденцию к увеличению. Исходя из этого, трудовые мигранты Таджикистана становятся серьезным экономическим и политическим фактором, а использование их виртуального голоса для заинтересованных групп становится очень соблазнительным.

Первая общественная организация, которая была создана и зарегистрирована в 1989 г., – Московское общество таджикской культуры «Согдиана». Учредителями этой организации тогда выступили студенты, аспиранты и представители таджикской интеллигенции, которые жили и работали в Москве.

В течение нескольких лет, вплоть до массового исхода беженцев из Таджикистана в 1993 г. в результате межтаджикского конфликта, «Согдиана» была единственной таджикской общественной организацией. Каждые два года, согласно уставу, Совет проводил отчетно-выборные собрания, на которых избирались руководящие органы общества и его руководители.

Первым председателем этого общества был Раджаб Сафаров. Вскоре, согласно новому «Закону об общественных организациях», МОТК «Согдиана» было переименовано в Региональную общественную организацию «Таджикский культурный центр».

В 2001 г. был создан «Фонд таджикской диаспоры». На протяжении 4 последующих лет эта организация выполняла ту миссию, которую, по сути, должны были выполнять органы власти Республики Таджикистан и Российской Федерации по отношению к таджикским мигрантам. А уже в 2003 г. была основана «Народная лига «таджиков», 8 региональных отделений которой существуют по всей России. Самая крупная региональная организация расположена в Краснодарском крае, объединяющая более 20 тыс. таджиков. Кроме того, отделения «Народной лиги «таджиков» созданы в более чем 7 регионах России, а также

в ряде областей, таких как Воронежская область, Смоленская, Свердловская и т.д. Открыты они также в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге.

Таким образом, во всех регионах России, где компактно жили и работали таджики, были созданы структуры, защищавшие права таджикских мигрантов. Крупные общественные организации возникли в городах: Санкт-Петербурге, Твери, Астрахани, Самаре, Краснодаре, Казани, Волгограде, Рязани, Уфе и др.

Таджикские диаспоры играют очень большую роль в решении проблем миграционной политики. С их помощью решаются многие проблемы: вопросы регистрации, трудоустройства, проживания, социального обеспечения. В помощь мигрантам в некоторых крупных городах России открыты миграционные центры, например, в Екатеринбурге, Самаре, Казани, Санкт-Петербурге. Сотрудничество таджикских диаспор, миграционных центров в России и Миграционной службы МВД Республики Таджикистан позволяет совместно решать многие проблемы таджикских трудовых мигрантов.

Миграционная служба МВД Республики Таджикистан является координирующим центром и несет ответственность за реализацию государственной политики по трудовой миграции и объединяет всех к взаимовыгодному сотрудничеству. В этих целях и была разработана Стратегия трудовой миграции граждан Республики Таджикистан за рубеж на период 2011-2015 гг. Стратегия представляет собой совершенно новый подход по обеспечению развития сферы миграции. Ни одно государственное учреждение не может решать проблемы трудовой миграции без координации и сотрудничества. Это необходимо делать согласованно, на межструктурной и межведомственной основе, с общей программой или планом действий в одном правильном направлении¹¹³.

Законопроект «О трудовой миграции граждан Республики Таджикистан за рубеж» начали разрабатывать только в 2010 г.,

---

¹¹³ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2013), Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2013).

и в сентябре того же года он был направлен на рассмотрение в правительство Республики Таджикистан.

Документ предусматривает решение вопросов пенсионного, медицинского и правового обеспечения граждан, выезжающих за границу в целях трудоустройства. После того как был принят закон мигранты теперь просто обязаны выполнять свои обязательства перед семьей, оставленной на родине. Законопроект также ставит ограничения на выезд некоторых категорий граждан Таджикистана на трудовую миграцию. К примеру, если человек обладает сведениями, составляющими государственную или иную охраняемую законом тайну, подозревается или осужден, проходит действительную срочную воинскую службу (до завершения этой службы), недееспособен, то он не получит разрешения на выезд. В стране до этого уже действовал закон «О миграции», однако он не отвечал на все вопросы касательно трудовой миграции, в связи с чем и было принято решение разработать отдельный закон «для трудовых мигрантов».

Современная диаспора – продукт постсоветского развития: масштабная эмиграция граждан Таджикистана в 1990-х годах, на смену которой в последующие годы пришла массовая трудовая миграция, интенсифицировали процесс формирования таджикской диаспоры, костяк которой сложился в советский период, способствовали образованию сообществ таджикстанцев во многих регионах России.

Таджикская диаспора в России – наиболее многочисленная за пределами Таджикистана. По данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, в 2013 г. за пределами Таджикистана проживало 602 821 человек, рожденных на его территории, из которых 452 тыс. – или 75 % – проживали в Российской Федерации; 38 тыс. – в Казахстане; 31 тыс. – на Украине. Другими основными странами приема мигрантов из Таджикистана являются Афганистан (25 тыс.), Узбекистан (16 тыс.), Германия (12 тыс.), Беларусь (5,7 тыс.)¹¹⁴.

---

¹¹⁴ Постановление Правительства Республики Таджикистан N. 277, Концепция о привлечении зарубежных соотечественников в качестве партнеров развития отечества, 29 мая 2010 г.

Оценки численности таджикской диаспоры в России – предмет особого разговора и производны от дефиниций: кого относить к членам диаспоры. Для полноценного расчета необходимо принимать различные источники данных, не забывая про их ограничения и возможный недоучет. Так, например, наряду с российскими гражданами, относящими себя к таджикам, к таджикской диаспоре в России следует отнести граждан Таджикистана, постоянно проживающих на территории России, а также некоторые другие контингенты, например, с известной условностью, циркулярных мигрантов, ориентированных на интеграцию в Российской Федерации – всех тех, кто сохраняет эмоциональные и иные связи с Таджикистаном. Сложной для учета категорией диаспор являются потомки мигрантов, так называемое «второе поколение мигрантов», которые также могут причислять себя к диаспоре и иметь особые отношения с их «исторической Родиной».

Таджикская диаспора в Российской Федерации столь многочисленна, так что пренебрегать ее потенциалом для развития Республики Таджикистан было бы весьма опрометчиво. Только российское гражданство в 1992-2013 гг. получили около 330 тыс. граждан Таджикистана.

Каналы получения гражданства РФ	1992-2013 гг.	1992-2002 гг.	2003-2009 гг.	2010-2013 гг.
МВД – ФМС РФ	300,5 тыс. чел.	150,2 тыс. чел.	117,5 тыс. чел.	32,8 тыс. чел.
МИД РФ	–	Нет данных	15,7 тыс. чел.	13,6 тыс. чел.

Руководство Таджикистана, отдавая отчет в необходимости налаживания связей с диаспорой и использования ее потенциала, предпринимает определенные усилия в этом направлении. В начале 2000 года Правительство признало необходимость взаимодействия с диаспорами на организационной основе.

В структурах Исполнительного аппарата Президента РТ, МИД РТ и МВД РТ были созданы отделы по работе с таджикстанцами за границей. 4 октября 2007 г. Президент Э. Рахмон утвердил «План действий по решению вопросов выезда населения из Республики Таджикистан в трудовую миграцию» с целью расширения сотрудничества между Правительством Таджикистана, сотрудниками и представителями соответствующих министерств и ведомств с организациями таджикской диаспоры «для пристойного представления наших культурных ценностей за границей». Были предприняты определенные усилия по объединению разрозненных организаций таджикской диаспоры в России. В 2010 г. постановлением Правительства утверждена Концепция о привлечении зарубежных соотечественников в качестве партнеров развития отечества, заявившая своей основной целью «привлечение и мобилизацию таджикской диаспоры, трудовых мигрантов, соотечественников и таджиков зарубежья, а также сотрудничество с ними для обеспечения устойчивого развития Республики Таджикистан, посредством создания благоприятных условий, построения доверия и разработки социальных программ»¹¹⁵.

Правительство Таджикистана, признавая возрастающую роль и значение организаций таджикской диаспоры, предложило сотрудничество таджикской диаспоре. Однако это сотрудничество, несмотря на желание обеих сторон, сталкивается с многочисленными трудностями. Прежде всего, это острый недостаток информации о диаспоре: неясно, кто в нее входит, каковы ее организационные формы, функции и потенциал.

Эффективность использования потенциала таджикской диаспоры в настоящее время достаточно низка и обусловлена нерешенностью нескольких проблем: отсутствием четких представлений о составе диаспоры, ее профилей, картографирования и оценки ее экономических возможностей; выявлением интересов и потенциала различных групп диаспоры; отсутствием селективной

---

¹¹⁵ Рахмонов Д. История этнического формирования узбекского народа //URL: http://www.portalus.ru/modules/history/rus_readme.php?subaction=showcomments&id=1423673021 (дата обращения: 28.01.2016).

политики по отношению к разным группам диаспоры; отсутствием разработанных инструментов и механизмов (включая «дорожные карты») вовлечения разных групп диаспоры в развитие Республики.

УЗБЕКСКАЯ ДИАСПОРА В РОССИИ

Одним из крупнейших национальных меньшинств в России являются узбеки. Численность узбеков во всем мире составляет примерно 30-35 млн человек, из них в Республике Узбекистан проживают 24 млн человек. Наиболее крупные диаспоры узбеков расположены в республиках Центральной и Юго-Западной Азии – это Афганистан (2,8 млн), Таджикистан (1,2 млн), Кыргызстан (836 тыс.), Казахстан (521 тыс.), Туркменистан (250-500 тыс.), Саудовская Аравия (300 тыс.), Пакистан (70 тыс.)¹¹⁶.

Узбекистан – государство с богатой, древнейшей историей. Предположительно формирование тюркоязычной народности узбеков завершилось в XII в. Одним из наиболее известных центров мусульманской культуры и учености того времени был Мавераннахр (междуречье Амударьи и Сырдарьи). В начале XIII в. вся Средняя Азия попала под власть татаро-монголов¹¹⁷.

Так, начиная с 1219 г. этногенез населения данной территории подвергся изменению. Согласно последним генетическо-генеалогическим исследованиям Оксфордского университета, генетически узбеки занимают промежуточное положение между иранскими и монгольскими народами¹¹⁸. Вследствие междоусобных войн и распада Золотой Орды, занимавшей территорию от Волги на Востоке до северной стороны реки Сырдарьи (территория

---

¹¹⁶ Писанова Т.В. Национально-культурная идентичность граждан и обществ в государствах-участниках СНГ. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. – С. 240

¹¹⁷ Рахмонов Д. История этнического формирования узбекского народа // URL: http://www.portalus.ru/modules/history/rus_readme.php?subaction=showcomments&id=1423673021 (дата обращения: 28.01.2016).

¹¹⁸ Мухаммеджанова Л.П., Мирзакулов Б.Т., Мухаммеджанова С.Ж. Дипломатические и торговые связи Бухары с Россией XVI-XVIII вв // Горный вестник Узбекистана. (№ 25) 2006. URL: <http://mining-bulletin.geotech.uz/ru/archive/2006/25/64>.

современного Казахстана и Юго-Западной Сибири), образовалось государство кочевых узбеков (20-е гг. XV в.). Основателем этого государства был дед Мухаммеда Шейбанихана – Абулхайрхан, низвергший власть Тимуридов. Шейбанихан, продолжив завоевания, стал владеть территорией от Сырдарьи до Афганистана. Тюркоязычное население Среднеазиатского междуречья, сложившееся к XI-XII вв., составило основу узбекского народа. Тюркоязычные кочевые племена, пришедшие в Среднюю Азию в XVI в. под предводительством Шейбанихана, застали здесь уже многочисленное тюркское и тюркизированное население, которое сформировалось на протяжении длительного периода. Даштикипчакские узбеки включились в это тюркоязычное население, передав ему свой этноним «узбек» лишь как последнее, наиболее позднее этническое напластование.

Формирование узбекской диаспоры в России можно отнести примерно к XVI-XVII вв. Способствовала этому процессу историческая взаимосвязь тюркских и славянских народов, выраженная в тот исторический период в активно развивающихся торговых и дипломатических отношениях между Российским государством и Бухарой, а также Хивой и Кокандой. Узбеки попадали в Россию в составе торговых караванов, посольств, различного рода миссий и т.д. Иван IV нормативным документом «грамоты о купечестве» разрешил бухарским купцам торговать вначале в Астрахани, а затем и в других городах государства.

Во времена Федора Ивановича к Средней Азии проявляли интерес как к базе в монопольной торговле шелком с Западной Европой¹¹⁹. В одном только XVII в. в России побывало множество среднеазиатских посольств, так, только бухарских посольств было 13¹²⁰. К примеру, этнографы отмечают, что облик жителей астраханского села Аджи и их речь сходны с обликом и речью узбеков Ургенча.

Стоит отметить, что уже в XVII в. выходцы из узбекской диаспоры

---

¹¹⁹ Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие // Труды Общества русских ориенталистов. № 2. Пг., 1915. С. 18.

¹²⁰ Назаров Р.Р. Узбекская диаспора России: история и современность // URL: http://etnokonf.astrobl.ru/document/1566#_ftn1 (дата обращения: 23.01.2016).

находились на государственной службе у российского царя. Среди них: Саидкул из Тобольска (член российского посольства в Китае), Якуб-Мулла (астраханский переводчик с тюркских языков на русский), Мулла Эрка (переводчик с китайского и монгольского в Пекине), Мухаммад-Юсуп Касымов (член российского посольства в Индии и Афганистане), Ядгар Алимов (проводник русских караванов в Средней Азии)¹²¹.

К концу XVIII в. численность узбекской диаспоры в России составляла более 20 тыс. чел. В 1806 г. в одном из российских журналов писалось, что представители узбекской диаспоры России «держатся друг друга, и соблюдают через то отчужденные нравы... В поведении их сказывается изрядный природный разум, честность, вежливость; речение их умеренное, приятное, что происходит частью и от изрядного состояния их школ»¹²².

Среди видных деятелей московской узбекской общины XIX в. отмечались купцы кокандец Ибрагимджан Ахунджанов, бухарец Абдул-Каримбай Сафаров, семья Хошаловых, мулла Салих Дусаматов, мулла Миргулям Накшбанди и т.д.

Благодаря трудам русского востоковеда М.А. Терентьева получило развитие научное изучение узбекского языка. В 1875 г. была опубликована работа этого автора «Грамматика турецкого, персидского, киргизского и узбекского». Он активно сотрудничал с узбекской общиной в России.

В 1911-1915 гг. в Санкт-Петербурге учился будущий академик и первый президент Академии наук Узбекистана Ташмухамед Кары-Ниязов. В 1916 г. многие узбеки были мобилизованы по Указу от 25 июня 1916 г. в рабочие дружины, и отправлены в Россию на фронты 1-ой мировой войны. Часть из них активно участвовала в событиях 1917 г.

В 1921 г. в Москве был открыт Бухарский Дом просвещения, при котором были открыты различные образовательные курсы (языковые и т.д.), включая узбекскую тетаральную студию.

В 20-30-е гг. XX в. в Ленинграде высшее образование получили

---

¹²¹ Зияев Х.З. Развитие экономических, политических и культурных связей Узбекистана с Россией (конец XVI – начало XIX века) // ОНУз. 1984. № 1, — С. 30.

такие известные узбекские деятели как Абдулла Алави (один из первых профессиональных литературоведов Узбекистана), писатель Камиль Яшен, лингвист Улуг Турсунов, З.Ш. Раджабов (будущий первый директор Института истории и археологии АН Узбекистана).

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. способствовала резкому увеличению узбекской диаспоры в России. Узбеки в составе национальных дивизий и бригад других частей и соединений отстояли Москву, Ленинград, Сталинград, освобождали Орел, Белгород, Воронеж, Курск, Ростов и другие города. Во время войны и сразу после ее окончания многие фронтовики-узбеки поселились в России – в местах, где они сражались, лечились после ранений и т.д.¹²³.

Узбекская диаспора в России в советский период состояла не только из интеллигенции, но и из рабочих и крестьян. Трудовая миграция имела официальную форму (работа на новостройках Советского Союза по общественным призывам, оргнабор рабочих, трудовые «вахты» в Нечерноземье, Казахстане, и др.) и неофициальную (в основном, торговля плодоовощной продукцией).

По мнению экономиста Андреева А.Л., социально-демографическая ситуация в 60-70-е гг. XX веке в СССР заставила власти ликвидировать дефицит рабочей силы российского Нечерноземья с помощью узбекских и таджикских крестьян¹²⁴.

Согласно переписи 1989 г. в РСФСР проживало 126 899 узбеков. Распад Советского Союза оказал сильное отрицательное влияние на экономику России и Узбекистана и спровоцировал демографический кризис, что вызвало массовую миграцию из Узбекистана в Россию сначала нетитульного населения, а затем и этнических узбеков.

По данным переписей населения, численность узбеков в России составляла 122 916 чел. (2002) и 289 862 чел. (2010). По данным

---

¹²² Кирсанов Н.А. Национальные формирования Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941-1945 // Отечественная история. 1995. № 4.

¹²³ Андреев А.Л. Экономический механизм и историческая жизнь нации// Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. 1999. № 2.

¹²⁴ <http://uz-obshina.ru/?p=3138> (дата обращения: 12.01.2016).

Федеральной миграционной службы (ФМС) России на 4 февраля 2016 года, количество находящихся в этой стране граждан постсоветских стран Центральной Азии составляет 3 854 191 человек. В том числе – 1 784 151 гражданин Узбекистана (1 440 375 мужчин и 343 776 женщины)¹²⁵.

Узбеки на территории РФ проживают практически во всех регионах. В 15 субъектах численность узбеков в 2010 году превышала 5 тыс. человек¹²⁶.

В Республике Башкортостан проживает много тюркских народов, среди них и узбеки. Первая Всероссийская перепись населения 2002 г. учла в республике 5,1 тыс. человек, в том числе 3,2 тыс. в городской местности, 1,9 тыс. – в сельской. Среди городов по численности узбеков (самоназвания: озбак, озбек) выделяются Уфа (983 чел.), Стерлитамак (345 чел.), Салават (226 чел), Белебей (213 чел.) и Октябрьский (208 чел.). Сельские узбеки в основном расселены в пригородных районах: в Чишминском (103 чел.), Стерлитамакском (102 чел.), Уфимском (89 чел.), Иглинском (69 чел.). Верующие узбеки – мусульмане-сунниты. Узбекский язык относится к карлукской группе тюркских языков¹²⁷.

С Узбекистаном активно сотрудничают 77 субъектов Российской Федерации. Особой активностью отличаются как раз те регионы, где действуют узбекские диаспоры. В целом ряде двусторонних соглашений оговаривается статус этнических меньшинств. Постановлением Верховного Совета РФ от 9 октября 1992 г. № 3606–1 ратифицирован Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан. Статья 7 данного договора гласит: «Высокие Договаривающиеся Стороны гарантируют

---

¹²⁵ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.01.2016).

¹²⁶ Мурзабулатов М. Демография народов Республики Башкортостан // Ватандаш, 2014, № 2 URL: <http://bashstat.gks.ru> (дата обращения 11.01.2016).

¹²⁷ Осипов А. Национально-культурная автономия в России: идея и реализация // Багдасарова Н., Глушкова М., Асылбекова Н. (ред.) Этнокультурное многообразие – потенциал развития общества в странах Центральной Азии (практика, концепция, модели, перспективы): Материалы международного семинара. Бишкек. – 2004, — С. 151–184.

право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, полностью и эффективно осуществлять свои права человека и основные свободы и пользоваться ими без какой-либо дискриминации и в условиях полного равенства перед законом... гарантируют право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, индивидуально или совместно с другими лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, свободно выражать, сохранять и развивать свою этническую, культурную, языковую или религиозную самобытность и создают условия для поощрения этой самобытности, и не допускают каких-либо попыток насильственной ассимиляции... уважают право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, на их эффективное участие в государственных делах... обязуются принимать на своей территории эффективные меры, включая принятие соответствующих законодательных актов, для предотвращения и пресечения любых действий, которые представляют собой подстрекательство к насилию против лиц или групп, основанное на национальной, расовой, этнической или религиозной дискриминации, враждебности или ненависти».

В 2009 г. ФЗ РФ №129–ФЗ ратифицировано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о трудовой деятельности и защите прав трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Российской Федерации, в Республике Узбекистан и трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Республики Узбекистан, в Российской Федерации. Документ регулирует вопросы трудовой деятельности и защиты прав трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Российской Федерации и гражданами Республики Узбекистан.

Что касается структурно-организационной формы поддержки национальных меньшинств, то в России существует два типа общественных организаций, ориентированных на представление интересов и удовлетворение этнокультурных потребностей различных групп, в том числе мигрантских сообществ: некоммерческие организации и общественные объединения, которые, в свою

очередь, делятся на национально-культурные автономии (НКА) и общественные организации (в различных формах: ассоциация, фонд, культурный центр). Согласно ФЗ от 17.06.1996 №74 «О национально-культурной автономии», изначально НКА являлись внетерриториальной формой самоорганизации этнических общностей, функции которых ограничивались культурной областью и некоторыми представительскими функциями¹²⁸, к которым в последние годы также добавилась посредническая социальная, правовая и бытовая помощь мигрантам. Учредителями и членами НКА могут быть только граждане РФ. В отношении других, ориентированных на определенные этнические группы организаций, чья деятельность регулируется ФЗ от 19.05.1995 № 82–ФЗ «Об общественных объединениях», важно отметить тот факт, что создавать такого рода объединения могут и физические лица, а их членами, в отличие от НКА, могут быть и неграждане РФ. Такие этнические организации охватывают большую аудиторию, чем НКА. Кроме этого, ряд активно работающих этнических общественных объединений не входит в состав НКА, а в некоторых меньшинствах местные и региональные автономии вообще не создаются. Большинство узбекских организаций были зарегистрированы именно в последние годы. По данным Министерства юстиции РФ, на июль 2014 г. в Российской Федерации зарегистрировано 100 узбекских общественных объединений, из которых 30 – со статусом некоммерческих организаций, и 87 – со статусом общественных организаций, в том числе 18 региональных и местных национально-культурных автономий. В Москве административно зафиксированы 10 организаций, в том числе 1 местная узбекская НКА, 2 некоммерческих фонда, 2 некоммерческих партнерства и 5 региональных общественных организаций; также в Московской области зарегистрирована 1 региональная общественная организация¹²⁹.

На федеральном уровне действует Общероссийская общественная

---

¹²⁸ Пешкова В.М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России – №2, — 2015, — С.129-151.

¹²⁹ <http://vku-org.ru/aboutcongress.html> (дата обращения: 11.02.2016).

организация «Всероссийский конгресс узбеков, узбекистанцев» (ВККУ) под руководством Худайбердиева Ибрагима Хидировича. Конгресс образован в мае 2011 г., в его состав вошли представители 13 регионов. Организация осуществляет свою деятельность на территории более половины субъектов РФ¹³⁰.

ЧИСЛЕННОСТЬ УЗБЕКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

Субъект РФ	Численность узбекского населения	% населения региона
Башкортостан	7 945	0,20
Волгоградская область	6 947	0,27
Красноярский край	6 434	0,23
Ленинградская область	6 717	0,39
Москва	35 595	0,31
Московская область	25 773	0,36
Новосибирская область	12 655	0,47
Приморский край	8 993	0,46
Самарская область	11 242	0,35
Санкт-Петербург	20 345	0,42
Свердловская область	9 358	0,22
Татарстан	8 881	0,23
Тюменская область	14 743	0,43
Ханты-Мансийский автономный округ	9 970	0,65
Ямало-Ненецкий автономный округ	1 775	0,34

На региональном уровне действуют различные местные общественные организации примерно в 60 субъектах РФ. К ним

¹³⁰ Панарин С.А. Перспективы миграции коренных народов Центральной Азии в Россию: основные стимулы и ограничители // Перспективы миграции коренных народов Центральной Азии в Россию. Новосибирск, 2003, С. 18–20.

относятся: Центр русско-узбекского культурного сотрудничества им. Тамары Ханум (Москва), Национальный узбекский культурный центр «Алишер Навои» (Самара), Общество соотечественников Узбекистана «Умид» («Надежда»), землячество «Туран» (Санкт-Петербург), Узбекская община «Фаришта» (Воронеж), региональная общественная организация «Зеравшан – Золотая Долина», Узбекский культурный национальный центр «Ферганская долина» (Новосибирск), Узбекская община Ярославского отделения Ассамблеи народов России и др.

Несомненно, стоит понимать, что эти диаспоры представляют малую часть массивной трудовой миграции из Узбекистана. Значительная часть мигрантов, приезжающих в Россию на заработки, не знает о существовании объединений их земляков в том или ином регионе. При поиске работы, жилья, решении насущных проблем они задействуют исключительно ресурсы миграционных сетей.

Как отмечает Б.Р. Аминов, руководитель общественной организации Узбекский культурный центр «Узбекистан» в г. Астрахани, только 3-5 % приезжающих узбеков хотят остаться в Российской Федерации и получить гражданство. Остальные считают, что их работа здесь носит временный характер. Люди надеются нормально работать когда-то в будущем на родине. Кроме того, у узбеков сильно развиты традиционные семейные связи, и они не рассматривают Россию как место постоянного жительства.

В основном, жители Узбекистана приезжают на сезонную работу. Главные сферы занятости – это сельское хозяйство и строительство, также они работают в сфере обслуживания, ЖКХ, автосервисах, в сетях общественного питания¹³¹.

Стоит отметить ряд тенденций в процессе адаптации мигрантов из Узбекистана и роли диаспор в нем¹³²:

– после вступления в силу новых законов, в период с 2007 г.

---

¹³¹ Зотова Н.А. Узбекские общины в России: новые «диаспоры» (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани, Красноярска) / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М., ИЭА РАН, 2010. — Вып. 222. — С. 28

¹³² Бентковский И.В. Трухмяне, кочующие в Ставропольской губернии. С. 185.

в миграционных процессах произошли значительные изменения. Если до этого по разным экспертным оценкам на одного легального мигранта приходилось от шести до восьми нелегальных, то впоследствии ситуация кардинально изменилась. На двух легальных мигрантов стал приходиться только один нелегал;

– значительный масштаб трудовой миграции обуславливает наличие ряда проблем, которые требуют принятия определенных мер. В частности, это недовольство местного населения, которое считает, что из-за привлечения иностранной рабочей силы падает уровень заработной платы, местные жители вытесняются с некоторых позиций на рынке труда (строительство, ЖКХ);

– необходимо повышение уровня толерантности, привлечение внимания к этому федеральных и региональных СМИ и институтов различного уровня. Встречное движение возможно со стороны национальных объединений, которые несут ответственность за своих соотечественников. Представителям диаспор необходимо проводить с мигрантами просветительскую работу, объяснять особенности культуры в обществе принимающей страны. Это позволит исключить ненужные риски и будет способствовать профилактике возможных случаев проявления ксенофобии как в религиозной сфере, так и в национальной;

– возникает проблема культурной адаптации мигрантов, изучения русского языка взрослыми и особенно детьми мигрантов. Методики для обучения детей разрабатываются исходя из трех возможных уровней владения языком – нулевого, слабого и среднего. Проблема слабого владения русским языком учениками средних школ стоит особенно остро в классах, где высок процент детей мигрантов. Кроме дополнительных занятий по русскому языку многие школы должны проводить культурно-просветительскую работу, различные мероприятия, направленные на воспитание толерантности. Ведь чем больше знаешь о культуре и традициях другого народа, тем меньше поводов для подозрительности;

– недостаточная развитость государственных центров адаптации. Необходимо развивать образовательный компонент. Люди,

которые приезжают в Россию работать на длительное время или на постоянное место жительства, должны представлять себе законодательство и обычаи принимающей страны, а также должны иметь возможность дать своим детям хорошее образование.

ТУРКМЕНСКАЯ ДИАСПОРА В РОССИИ

На территории Ставропольского края первые туркмены появились, по упоминаниям русских архивных документов, в 1653 г. – тогда более 1665 семейств покинули под давлением хивинских ханов полуостров Мангышлак и прилегающие к нему степные районы, где располагались их прежние поселения¹³³.

Несколько родовых групп ушли в Северо-Западный Прикаспий. Туркмены продолжали прибывать на Северный Кавказ из-закаспийских земель в XVIII и в начале XIX в. Политические, экономические, брачные и бытовые контакты с калмыками, а позднее – с ногайцами и татарами, наложили отпечаток на материальную культуру, язык и антропологический облик туркменов. Постоянное численное преобладание в этой группе мужчин над женщинами¹³⁴ вынуждало искать невест среди соседних народов (прежде всего – калмыков, ногайцев, астраханских и других групп татар), поэтому для туркмен Юга России характерны большая, чем у туркмен Туркмении, монголоидность и более светлая пигментация¹³⁵. При этом туркмены продолжали жить практически мононациональными аулами, сохраняя свою этническую идентичность и родовое деление.

С XVIII в. туркмены под покровительством калмыцких ханов несли воинскую повинность; они охраняли рубежи, служили и на Кавказской линии. Позднее они принимали участие в военных действиях России на Северном Кавказе, в изгнании французских

---

¹³³ Ярхо А.И. К вопросу о вымирании малых народностей. — С. 257.

¹³⁴ Дубова Н. А. Антропологические особенности туркмен и древнее население степей севера Средней Азии. — С. 190–192.

¹³⁵ Брусина О. Этническая группа в многонациональном окружении: полевые исследования среди туркмен Юга России // Диаспоры. 2012. №1. С.102.

войск. Воспоминания о службе в составе российских войск, особенно о таком ярком эпизоде, как участие в войне с Наполеоном, с гордостью за свой народ передавались из поколения в поколение, что способствовало формированию особой групповой идентичности именно как российских туркмен. С 1827 г. воинская повинность для них была отменена, за ними закрепились такие функции, как содержание почты, перевозка казенных грузов, снабжение транспортом и кибитками; они также привлекались к сооружению крепостей, строительству курортов. Важной вехой в становлении группового самосознания и общности северокавказских туркмен стало образование в 1825 г. в Ставропольской губернии Туркменского приставства. С этих пор туркмены получили возможность официально осуществлять автономное самоуправление, частично – на основе традиционных социальных институтов.

Пик численности ставропольских туркмен был зафиксирован в 1880 г. Тогда в Туркменском приставстве их насчитывалось 20291 человек. С начала XX в., особенно в период Первой мировой войны, численность туркмен перестала увеличиваться, что связывается исследователями с эпидемиями и отсутствием медицинской помощи. С 1901 по 1915 г. численность туркмен колебалась на уровне 15,5-16 тыс. человек. Указанные процессы почти не отражены в дореволюционных публикациях¹³⁶.

По Первой всеобщей переписи населения 1926 г., на Северном Кавказе проживало всего около 5000 туркмен, а в Астраханской области их насчитывалось 1231 человек. Советские власти стали предпринимать меры по оказанию материальной, медицинской и организационной помощи туркменам, сохранили и даже расширили в правах их автономию. В 1917 г. вместо Туркменского приставства был создан Туркменский уезд, который в 1920 г. преобразовали в Туркменский район с центром в с. Летняя Ставка. С 1924 по 1927 г. проводилось внутриаульное землеустройство. В рамках проводившейся по всей стране кампании «коренизации руководящих кадров» туркмен стали привлекать

---

¹³⁶ Брусина О. Этническая группа в многонациональном окружении: полевые исследования среди туркмен Юга России // Диаспоры. 2012. №1. С.102.

к руководящей работе в местных органах власти. К 1933 г. 80-85 % работников Туркменского райисполкома были туркменами, во всех туркменских аулсоветах председателями и секретарями были представители этой группы населения¹³⁷.

Война, оккупация и последовавший за ней сильный голод 1947 г. – все это негативно повлияло на прирост населения в 1930-1940 гг. Однако со второй половины XX в. и начала XXI в. численность туркмен Юга России неуклонно возрастает.

ЧИСЛЕННОСТЬ ТУРКМЕН СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ (ЧЕЛОВЕК)

Годы	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Численность	5859	8240	9345	11133	13937	15048

В настоящее время численность туркмен, по данным текущей статистики, составляет около 17 тыс. человек, из них 2 тыс. проживают в Астраханской области. В 1956 г., в ходе кампании по укрупнению, Туркменский район упразднили, а в 1970 г. его вновь восстановили, однако в границах, далеко не совпадающих с прежним территориально-административным ареалом. Сейчас в границах Туркменского района – единственного в Российской Федерации, названного по имени одного из титульных народов бывшей советской союзной республики, а ныне – независимого государства – проживают представители более 20 национальностей, из них туркмен в 2002 г. насчитывалось 4891 человека (17,7 % населения). Туркмены компактно проживают примерно в 20 аулах, относящихся к пяти районам Ставропольского края, а также в трех селениях Астраханской области: в Фунтово-1, Фунтово-2 и в с. Атал. Около половины аулов практически полностью

---

¹³⁷ Там же. С.104.

моноэтничны, в том числе аулы Эдельбай, Уллуби-Юрт, Махач, Озек-Суат, Шарахалсун, Сабан-Антуста, Чур и Башанта¹³⁸.

Медленный рост или незначительное убывание населения в аулах в период с 1989 до 2010 г. объясняется, прежде всего, отъездом из них русского населения. При этом относительно высокая рождаемость у туркмен, их сплоченность и привязанность к месту своего проживания, незначительный отток в города, другие районы края и за его пределы обуславливают постоянное увеличение их доли в составе населения. Семьи ставропольских туркмен уже преимущественно среднедетны, причем в молодых когортах наблюдается процесс снижения рождаемости, а ее пик пришелся на послевоенный период¹³⁹.

Туркменские диаспоры имеются и в других субъектах Российской Федерации.

Туркменская диаспора Москвы. По данным переписи 1989 г., численность туркмен по Москве составила 2,1 тыс., в то время как по области – менее 1 тыс. человек, в связи с чем они не нашли отражения в сводных результатах. В 2002 г., по переписи, в Москве проживало 3,5 тыс., а в области – 0,8 тыс. туркмен. Таким образом, по Москве произошел рост туркменского населения более чем в 1,5 раза. Структура туркменской общины в целом напоминает общину казахов. Почти отсутствует трудовая миграция из Туркменистана, в связи с чем численность туркмен в Москве должна соответствовать приведенной в переписи. Вполне возможно, что значительная часть новоприбывших туркмен Москвы является выходцами из Узбекистана и российского Ставрополя. В целом, для московских туркмен характерно наличие высшего или среднего специального образования и достаточно высокий социальный статус. Это касается как национальной интеллигенции, проживающей в столице еще со времен СССР, так и туркмен, прибывших из независимого Туркменистана. Среди видных представителей туркмен Москвы

---

¹³⁸ Брусина О. Этническая группа в многонациональном окружении: полевые исследования среди туркмен Юга России // Диаспоры. 2012. №1. С.106.

¹³⁹ Барковская А.Н. Русскоязычная диаспора в политических процессах англоязычных стран // Социально-гуманитарные знания. – 2010. - № 7. – С. 331-338.

– активно проявляющий себя в правозащитной деятельности член Общественной палаты Камилжан Каландаров; экс-сотрудница администрации президента России, спичрайтер Джахан Поллыева. Имеются представители академической науки, преподаватели вузов.

Туркменская община Санкт-Петербурга. Представитель прикаспийских туркмен, купец Ходжанепес посетил Санкт-Петербург еще в начале XVIII в. и просил Петра I принять его народ в российское подданство. Представители туркмен и позже неоднократно ездили в столицу империи, просили императриц Елизавету Петровну и Екатерину II принять их в подданство России, построить на туркменских берегах Каспия торговые крепости-фактории, куда стали бы стекаться караваны из Ургенча, Бухары, Самарканда, Ташкента. В 1801 г. туркмены Мангышлака послали ко двору Александра I две депутации для подачи прошения о принятии их в подданство России. Первая из них была направлена в Оренбург от имени Пиргали-султана, правителя Мангышлака, а вторая – в Астрахань, от имени старшин 4 родов: абдалов-огры, дели, менгли-ходжа и курбан. Высочайшей грамотой от 10 апреля 1803 г. мангышлакские туркмены были приняты под покровительство России. В 1836 г. от туркменских вождей Кият-хана и его сыновей царскому посланнику Г.С. Карелину был преподнесен конь для императора Николая I, которого сопровождали в Петербург сыновья Кият-хана. В 1885 г. был создан отряд Туркменской конной милиции, в 1892 г. преобразованный в Туркменский конный дивизион. Кадры офицеров для него готовили военные училища России, в том числе в столице. В 1904 г. чиновник по особым поручениям при начальнике Закаспийской области Я. Таиров издал в Петербурге «Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области». В 1914 г. в столице было издано сочинение Абду-Саттара казы «Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века» в переводе известного востоковеда А.Н. Самойловича. В конце XIX – начале XX в. в Павловском военном училище учились представители туркменской знати – Алты-

Хан Мамед-Хан-Оглы, в Николаевском кавалерийском училище – будущие полковники и генералы Ораз-Хан-Сердар, Хаджи-Мурат, Караш-Хан Иомудский и т.д. В Первую мировую войну блестяще показал себя Текинский конный полк: все офицеры были удостоены боевых наград, а большинство всадников – Георгиевских крестов и медалей. Особо отличились в боях такие офицеры, как Хан Хаджиев, Ораз-Хан-Сердар, Хаджи-Мурат, Юсуф-Хан, Селяб Сердар, Сеид-Мурад Овезбаев, унтер-офицеры Юсуп-Али Мередов, Момми Аллаберди-оглы и др. В 1929 г. в Ленинграде вышел сборник «Туркмения» (Л., 1929 г.), в котором опубликованы статьи известных востоковедов: В.В. Бартольда «Очерк истории туркменского народа», Л.С. Берга «История исследования Туркмении». В 1933 г. в Ленинграде состоялась научная конференция по изучению производительных сил Туркмении с привлечением специалистов из республики. Во время войны довольно много туркмен служило в частях, защищавших Ленинград. В разное время на Ленинградском, Карельском и Волховском фронтах воевали 18-я Туркменская кавалерийская, 1-я Туркменская горнострелковая, 72-я Туркменская стрелковая дивизии, 87-я Туркменская отдельная стрелковая бригада и т.д. На Ленинградском фронте в бою погиб писатель Ахмед Ахундов-Гургенли, здесь совершил свои подвиги командир отделения 87-й Туркменской отдельной стрелковой бригады 11-й армии, старший сержант Айдогды Тахиров, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. Его именем названа улица в Старой Руссе (Новгородская область). Будущий первый секретарь компартии Туркмении Мухамедназар Гафуров в 1942-1943 гг. был командиром отделения автоматчиков 87-й отдельной стрелковой бригады на Северо-Западном фронте. 7 мая 2006 г. состоялась торжественная церемония открытия памятной плиты туркменам, павшим в боях за Ленинград в годы войны. Памятная плита установлена по инициативе правительства Туркменской Республики, при участии Общества туркменской культуры «Мекан» и при поддержке Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга. На церемонию открытия в Санкт-Петербург прибыла делегация

посольства Туркменистана в РФ во главе с послом. Туркменская делегация привезла и передала Музею Пискаревского мемориального комплекса списки туркменистанцев, погибших при обороне Ленинграда. В этих списках – тысячи уроженцев солнечной республики, кто сложил свои головы в боях за культурную столицу России. В городе на Неве учились многие будущие представители туркменской политической, экономической, научной, культурной элиты, в том числе будущий первый президент независимого Туркменистана С.А. Ниязов, который окончил Ленинградский политехнический институт в 1967 г. Во время Дней, недель и декад Туркменистана в Ленинграде бывали многие деятели культуры республики: писатели Берды Кербабаяев, Кемал Ишанов, Ата Кауштутов, Меред Клычев, Помма Нур-Бердыев, Чары Кулиев, Монтон Джанмурадов, Рахим Эсенев и др. По переписи 1989 г., в городе проживало 1,4 тыс. туркмен, к 2002 г. их число значительно снизилось и составило, по данным переписи, 793 человека. Однако по данным руководителя петербургского общества туркменской культуры «Мекан» Нургельды Сейидова, в Петербурге проживает около 1200 туркмен. Из них 800 человек – это студенты, а 400 (включая членов семей) – постоянные жители, граждане России. Первая, более многочисленная группа туркменских студентов, в свою очередь, делится на две части – приехавших в город самостоятельно и поступивших на коммерческой основе, и учащихся за счет Туркменского государства. Студенты учатся во многих вузах города, но больше всего – в санитарно-гигиеническом институте им. И.И. Мечникова. В основном все они после учебы возвращаются обратно в Туркмению, главным образом те, которые учатся за счет государства.

Региональное культурное общество туркмен в СПб «Мекан», объединяющее выходцев из Туркмении, ведет образовательно-просветительскую, культурную деятельность, способствует установлению связей между соотечественниками. Первый председатель общества – М.А. Ровшанов, ныне его возглавляет Н.Р. Сейидов. Основные цели общества «Мекан» состоят в развитии российско-туркменских связей, популяризации

туркменского языка, традиций и культуры. Его деятельность контролируется Ашхабадом через Гуманитарную ассоциацию туркмен мира, возглавляемую лично президентом Туркменистана. Таким образом, в отличие от других общин, жизнь которых институционально мало зависит от страны-патрии, в туркменском случае это не так. Ассоциация активно помогает своим диаспорам материально. Они получают книги, костюмы, учебники для реализации культурно-просветительской функции. В то же время руководители диаспор регулярно докладывают в Ашхабад о положении в их общине. Для этого, в частности, в Петербурге в каждом вузе среди туркменских студентов есть староста, который периодически встречается с руководителем туркменского общества и рассказывает ему о жизни студентов в вузе. Представители общины устраивают культурные встречи, отмечают мусульманские и национальные праздники.

Общество культурных связей с Туркменией создано в 1999 г. Интересы общества – вопросы исторического плана, культурная, научная, издательская работа. Общество отвечает за официальный уровень взаимоотношений города с Туркменистаном. В частности, оно принимало активное участие в подготовке и проведении состоявшегося в феврале 2004 года визита губернатора В.И. Матвиенко в сопровождении большой группы бизнесменов в Туркмению. В феврале 2004 г. в Смольном университете открылся первый в России центр «Рухнама» по углубленному изучению истории и культурного наследия Туркменистана.

29 ноября 2007 г. в рамках празднования 16-летия независимости Туркменистана в Санкт-Петербурге была открыта туркменская воскресная школа им. Махтумкули Фраги. Обучение в ней проводится по воскресеньям по программе «Туркменский язык для русских школ». В учебный курс также входят уроки, которые знакомят школьников с культурой и историей Туркмении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Постсоветская повестка дня обусловлена совокупностью системных изменений политического, социокультурного, идеологического характера, в результате которых складывается новая архитектура мира. Доминировавшая некогда форма единого проживания этнокультурных общностей меняется на более сложную, многообразную диаспоральную организацию человеческих сообществ, что накладывает отпечаток на межгосударственные практики.

Глобализация стимулирует рост тенденций взаимозависимости и взаимодополняемости мира в социальной, экономической и политической сферах. Внедрение новых информационных технологий, телекоммуникаций и транспортных средств, делает мир «сужающимся» в его временном и пространственном измерениях, что приводит к необходимости поисков универсальных средств предупреждения и управления социальными и политическими процессами. Диаспоры могут выступать в качестве фактора сотрудничества во внутригосударственной, межгосударственной и транснациональной сферах. Причем в условиях растущей взаимозависимости актуализируется проблема влияния, опосредованного различного рода связями с политической сферой государства. Диаспоры являются одними из важных и малоизученных акторов современных политических коммуникаций, занявших собственную нишу во внутривнутриполитической жизни различных стран и оказывающих влияние на состояние и развитие политического процесса¹⁴⁰.

Выявление роли и места постсоветских диаспор в современном политическом процессе, в обеспечении национальной безопасности невозможно в рамках традиционных подходов к изучению этого феномена. Геополитические изменения в современном мире с неизбежностью приводят к новым волнам миграции, возводят проблему человеческих перемещений и все

сопутствующие ей проблемы в ранг актуальных.

Сегодня с определенной долей уверенности можно предположить, что происходит политизация диаспоральных структур, которая выражается в повышенной активности в сфере гражданской жизни, в создании в стране пребывания общественных, культурных и политических организаций, национальных общин, церквей, ассоциаций и других институтов. Все это является фактами внутренней самоорганизации диаспоры, которые свидетельствуют о кристаллизации управленческих структур, берущих на себя функции консолидации собственных этнических общностей.

Реализация интересов диаспоры осуществляется различными социальными способами. Исходя из этого, можно говорить о диаспоре не как о корпоративном сообществе, а как о союзе корпораций. Выживает та диаспора, которой удастся соединить интересы различных социальных групп, в нее входящих. Прежде всего, интересы тех, кто 1) обеспечивает экономическую основу выживания диаспоры; 2) является хранителем этнокультурного наследия; 3) создает общественно-политические условия для сохранения диаспоры, то есть одновременно реализуют свои интересы в основных социальных сферах (экономической, духовно-культурной, политической).

Говоря о центрально-азиатских диаспорах в России, нельзя не учитывать характер отношений между нашими странами, который изначально является доверительным, «братским», сводится к переживанию актуальной значимости (ценности) и безусловной надежности культурного присутствия «родных народов» в архитектуре российской культуры.

Диаспоральная политика в России есть и всегда будет оставаться политикой компромиссов. В системе российской государственности исторически складывались традиции консенсусной политики в отношении национальных и этнических общностей. Накопился серьезный опыт реализации сходных с мультикультурализмом практик, основанных на ценностях евразийской солидарности и дружбы народов.

Поэтому существуют серьезные основания полагать, что

российская политика позволяет претворять в жизнь относительно устойчивые элементы этнической толерантности и политкорректности, межнационального согласия и сотрудничества, на базе которых строятся диаспоры в стране.

Центрально-азиатские диаспоры в России имеют свою специфику, которая состоит в том, что особым условием обеспечения как баланса диаспоральных систем, так и самих межгосударственных отношений в России является идейная евразийская идентификация стран ЦА. Их включенность в идейно-евразийские устои интеграции способствует успешной адаптации диаспоральных структур в российских реалиях. Евразийская идея по-прежнему велика и остается объединяющим началом для многих постсоветских государств. И в этом наша общая заслуга.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАЗАХСКОЙ ДИАСПОРЫ В РОССИИ

Регион/город	Организация	Ф.И.О. руководителя	Контакты
1	2	3	4
Москва	НКО «Московский фонд «Казахская диаспора»	Джамалов Полат Онерович	kazakhdiaspo- ra@mail.ru
Москва	РОО «Қазақ тілі»	Омар Айшах	otandastarkz@ gmail.com
Москва	РОО Московское общество казахской культуры «Мұрагер»	Нуриев Ерназар Бейсенович	ernazar64@ mail.ru
Москва	РОО «Казахская НКА в городе Москве»	Аширбекова Сауле Болатовна	kazautonom- mos@mail.ru
Москва	Фонд содействия развитию дружбы народов и национальных культур «Астана»	Утешова Жаркын Конырбаевна	astana_f @ mail. ru zharkyn-1@ yandex.ru
Москва	РОО «Актюбинское землячество в г. Москве»	Гайданов Олег Иванович	gaidanov.oleg@ yandex.ru

1	2	3	4
Алтайский край	ОО МНКА казахов «Ата Мұра»	Досумбеков Хаиржан Сабитович	dosumbekov@ rambler.ru
Алтайский край	ОО МНКА казахов «Болашак»	Баринава Нургайша Гайсаевна	kar_scool@mail. ru
Алтайский край	ОО МНКА казахов Бурлинского района	Биткеева Турсын Кариповна	
Алтайский край	ОО МНКА казахов г. Славгорода	Тулбаев Рыспек Абуович	
Алтайский край	Алтайская краевая ОО «НКА казахов»	Бекмуратов Мурат Серикович	mok.barnaul@ mail.ru
Астрахань	АРООКК «Жолдастык»	Джаркенов Ахмет Файзуллаевич	
Волгоград	Волгоградская РОО «Казахстан»	Бисекенов Амантай Шингалиевич	
Волгоградская область	НКО Благо- творительный фонд «Наследие Казахстана»	Ахметов Айбулат Кабибуллаевич	
Вологда	ОО РНКА казахов «ЕЛЕМАЙ» Вологодской области	Родина Дарига Элемесовна	darigaschka@ mail.ru
Вологда	ОО МНКА казахов «ДОСТАР» г. Вологды	Родина Дарига Элемесовна	darigaschka@ mail.ru
Вологодская область	ОО МНКА казахов «Елемай» г. Череповца	Жолдошева Кундуз Келдибековна	

1	2	3	4
Волгоград	Волгоградская городская культурная автономия	Капаков Геннадий Николаевич	
Екатеринбург	Свердловская РОО «Евразия-Казахстан»	Бегжанов Хыдырбай Мукумбаевич	
Иваново	Казахская диаспора Ивановской областной ОО «Центрально-азиатский национальный культурный центр «Азия»	Шебанова Айжан Аскарловна	z468707@yandex.ru
Казань	НКА казахов Республики Татарстан «Казахстан»	Джаксыбаев Сагит Кодебаевич	
Калининград	Калининградская РОО «Казахское культурное общество «Оркен»	Рожков Юрий Яковлевич	
Краснодарский край	Краснодарская краевая ОО «Центр казахстанской культуры «Жолдастык»	Асылканов Канатай	
Краснодарский край	Соотечественники Алматы и Алматинской области в Краснодарском крае	Мохначев Виталий Викторович	movi_62@mail.ru
Курганская область	ОО НКА казахов Курганской области	Биисов Асет Шаканович	shakan@rambler.ru

1	2	3	4
Мурманск	НКА казахов г. Мурманска «Байтерек»	Байжуминов Серик Нуралдинович	
Новосибирск	Новосибирская МОО «НКА казахов «Арман»	Абилева Галина Кабуловна	a rsruslan2@ ngs.ru
Новосибирск	Новосибирская РОО «Центр казахской куль- туры «Отан»	Настаушева Орынкуль Байтурсыновна	orinkul67@ inbox.ru
Омск	Областная РОО казахов Омской области «Әділет»	Джангунаков Ертай Муха- медсафович	mansur_1951@ mail.ru
Омск	Омская городская казахская НКА «Атамекен»	Козкин Хаиргельды Жумабаевич	mansur_1951@ mail.ru
Омск	ОО «Региональная казахская НКА Омской области»	Бакулин Бота Зейнилха- биденевич	oorknkaoo@ mail.ru
Омск	РОО «Возрождение казахских традиций «Путь Чокана»	Жумабаев Ермак Султанович	shokan-omsk@ mail.ru msk-mail@ mail.ru
Омск	РОО «Казахи Омска»	Ашенова Тор- гын Мухаме- дьяровна	torgyn@bk.ru
Омск	РОО «Казахский национально культурный центр»	Бекмагомбетов Жанат Ислямбекович	almaz-bekov@ mail.ru
Омск	РОО «Совет старейшин Омской области»	Ахметов Галемжан Крыкбесович	mansur_1951@ mail.ru

1	2	3	4
Омск	РОО казахов Омской области «Бірлік»	Альжанов Бахаджан Бахриденович	dir@centerpivo.ru
Омск	РОО «Сибирский Центр казахской культуры «Мөлдір»	Жунусова Алтынай Хайдуллоевна	altenaimoldir@yandex.ru
Оренбург	Оренбургская РНКА казахов	Тюлюбаев Амиржан Абаевич	
Республика Алтай	Курултай казахов Кош-Агачского района	Камитов Ертаргын Наймантаевич	koshagach@bk.ru
Республика Алтай	РРО казахов Республики Алтай	Солтанов Токтаул Стаханович	oktaulsoltanov@mail.ru
Ростовская область	ОО казахов Ростовской области	Акмалиев Ербулат	
Самарская область	Самарская региональная казахская НКА «Ак жол»	Дусенбаев Токтарбай Кадыргалиевич	fnka-08@mail.ru
Санкт-Петербург	Межрегиональная ОО «Казахское национально-культурное общество Санкт-Петербурга и Ленинградской области «Ата-Мекен»	Куспанов Сарсенгали Аккулович	www.ata-mek-en.spb.ru ata_meken@mail.ru
Санкт-Петербург	РОО «Казахская НКА Санкт-Петербурга «Байконур»	Антеев Мухтар Арипович	ama4848@mail.ru

1	2	3	4
Санкт-Петербург	МОО «Казахская НКА МО «Озеро Долгое» Приморского района	Антеев Мухтар Арипович	ama4848@mail.ru
Санкт-Петербург	МОО «Казахская НКА МО «Ржевка» Красногвардейского района	Нурмакова Маржан Саткановна	
Санкт-Петербург	МОО «Казахская НКА МО «Урицк» Красносельского района	Уразов Серик Бахтиярович	
Саратовская область	Казахская НКА	Бисенгалиев Марат Сапаргалиевич	
Саратовская область	Ассоциация казахов Поволжья	Ташпеков Владимир Александрович	tashpek@mail.ru
Саратовская область	Культурный центр «Казахстан»	Джунельбаева Умуткан Магзумовна	sarkazax@mail.ru
Томск	МОО НКА казахов «Центр казахской культуры «Бирлик»	Орунгожин Урукбай Камешович	urukbay67@sibmail.com
Тюмень	НКА казахов Тюменской области	Ибраев Есенгали Камзеевич	esengaliy@mail.ru
Тюмень	Тюменская областная ОО «Центр казахской культуры и творчества «Арман»	Копубаева Айтжан Сейтаховна	tooo-arman@mail.ru

1	2	3	4
Уфа	Центр казахской национальной культуры Республики Башкортостан «Ак Бата»	Шумова Маргуба Зинуровна	
Уфа	РРО «Центр казахской культуры «Шанырак»	Кузембаев Аскар Бердиканович	mngkz@mail.ru
Челябинск	Челябинская областная ОО Казахский общественный центр «Азамат»	Сейтиков Канат Хакимович	9374@bk.ru
Челябинская область	МНКА казахов г. Магнитогорска «Береке»	Хасенов Марат Суяндукевич	

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КИРГИЗСКОЙ ДИАСПОРЫ В РОССИИ

Регион/город	Организация	Ф.И.О. руководителя	Контакты
1	2	3	4
Москва	Межрегиональное общественное движение трудовых мигрантов Кыргызстана	Маданбеков Алишер Сайдиевич	migrant.kg@gmail.com
Москва	МОО Содействие укреплению мира, дружбы и межнациональному взаимопониманию «Киргизское единение»	Шакиров Абдыгане Шакирович	shakirov01@mail.ru
Москва	Аксакалы кыргызской диаспоры	Кубатбеков Турсумбай Сатымбаевич	tursumbai61@list.ru
Москва	РОО «Центр поддержки российско-кыргызских стратегических и общественных инициатив»	Аттокуров Раимкул Арзимамаатович	dupon77@hotmail.com
Москва	ОО «Союз кыргызстанцев»	Мырзабеков Эгемберди Биймырзаевич	egemb@mail.ru
Москва	Союз кыргызстанской молодежи России «Жаш Толкун»	Кубатбек уулу Чынгыз	janyzakov@gmail.com

1	2	3	4
Москва	Всероссийская общественная организация общество дружбы с Киргизией	Силаев Борис Иванович	silaev1946@yandex.ru
Москва	МОО «Ала-Тоо»	Бегиева Жамилахан Абжашовна	ala-too-06@mail.ru
Москва	Общественная организация «Элдик-Чындык»	Усенов Данияр Нурмаматович	8-926-241-32-29
Астрахань	РОО сохранению и развитию кыргызской национальной культуры «Кыргызстан»	Капарбай уулу Алмазбек	Almaz_075@yandex.ru
Воронеж	РОО киргизов «Мурас»	Намазбеков Талантбек Намазбекович	Rookvo_muras@mail.ru
Екатеринбург	НО Фонд «Киргизия-Урал»	Бусурманкулов Кадырбек	
Екатеринбург	НО Фонд «Кыргызстан-Урал»	Каримов Камчыбек Камбарович	
Екатеринбург	Духовное управление кыргызской диаспоры при региональном духовном управлении мусульман Свердловской области	Сатыбеков Жаркынбай Сыйнатович	

1	2	3	4
Иркутск	Иркутская областная общественная киргизская национально-культурная организация «Дружба»	Абдылдаева Тынчтык Анарбаевич	tynchtyk@mail.ru
Иркутск	Иркутский областной общественный благотворительный фонд содействия увековечению имени и творческого наследия Токтогула Сатылганова	Ашыралыев Бейшеналы Акматалиевич	
Казань	Национально-культурная автономия кыргызов «Ынтымак»	Муқанбетов Бейшенбек Аскербаевич	bayshenrt@mail.ru
Казань	Фонд Кыргызстанцев «Ала-Тоо»	Сариев Закир Акматович	8-903-305-29-56
Краснодар	Краснодарская ОО содействия возрождения культуры народов ЦА «Содействие» (киргизское отделение)	Аргымбаева Айкан Молдалиева	akak-kg@mail.ru
Красноярск	Кыргызская национально-культурная автономия	Батаева Назгул Жанышбековна	nk24@lict.ru

1	2	3	4
Красноярск	Красноярский национально-культурный центр «Достук»	Жорокулов Калык Ысакович	83912-782-434
Новосибирск	«Кыргызский национально-культурный центр «Ала-Тоо-Новосибирск»	Болтуруков Орозбек Аяпбергенович	alatoonsk@mail.ru
Новосибирск	Кыргызская национально-культурная автономия «Сибирь-Ала-Тоо»	Тойтуков Жаркынбай Эгемкулович	8-923-237-15-71
Омск	ОО «Содружество Кыргызстанцев»	Асанов Акимбек Мырзаевич	(3812) 45053
Оренбург	ОО национально-культурная автономия кыргызов Оренбурга «Мекендеш» («Соотечественник»)	Жандар уулу Таалайбек	talai10@mail.ru
Оренбург	ОО «Кыргызский культурный центр»	Нуркулов Жыргалбай Исакович	8-922-587-26-26
Пермь	Национально-культурный центр «Кыргызстан»	Акылбеков Батырбек Шадыманович	batyrbek.akylbekov@mail.ru
Пермь	РОО «Союз кыргызстанцев»	Алымбеков Асылбек Алишеревич	prooks@mail.ru

1	2	3	4
Республика Саха	Добровольное общество кыргызов «Манас»	Сайдыкулов Эсен Какелеевич	esen_1957@mail.ru
Республика Хакасия	РОО «Кыргызстан»	Чериков Азизбек Арапбаевич	8-923-396-00-97
Ростовская область	Киргизская национально-культурная автономия «Киргизия Дон»	Абдылдаев Курманбек Каныбекович	kyrgyzia-don61@mail.ru
Ростовская область	РОО по объединению и поддержке граждан кыргызской национальности «Манас»	Кожомбердиев Жаныбек Аманбекович	8 (904) 345-22-56
Самарская область	Благотворительный фонд «Манас-Ата»	Кудуев Акылбек Аскербекович	kudueva71@mail.ru
Санкт-Петербург	ОО «Ариет»	Кутунаев Кочкорбай Калдарбаевич	kocha-69@mail.ru
Санкт-Петербург	ООО «Кыргыз-Тоо»	Мамаева Октом Мамаевна	8-911-189-21-93
Санкт-Петербург	«Киргизский Дом в Санкт-Петербурге»	Жапарова Сара Идрисовна	8 (812) 6221870
Тольятти	Кыргызская община в г. Тольятти	Болотов Адыл	adilbolotov@mail.ru
Томск	Кыргызская диаспора в Томской области	Зулпукаров Талип	8-923-401-55-76
Тюмень	РОО «Биримдик»	Сманова Канзада Нурманбетова	hankyrgyz72@mail.ru

1	2	3	4
Уфа	«Кыргызский культурный центр «Ала-Тоо»	Алиева Соно Абдимаматовна	sono.alieva@rambler.ru
Ханты-Мансийск	РОО «Киргизия-Север»	Айдаров Кубанычбек Куттузович	Aidarov86_86@mail.ru
Ханты-Мансийск	Кыргызский национально-культурный центр «Киргизия-Север»	Култаев Кадырбек Жумабаевич	(3462) 364390
Челябинск	ЧГОО КНКА «Мекендештер» (Соотечественники)	Бакирова Зыйна	
Челябинск	Благотворительный фонд «Ата-Мекен»	Пусуров Камбар Ырысбаевич	8-912-808-57-24
Чита	РОО «Союз Кыргызов»	Турдубаев Бакыт Дадаевич	chita-sroock@yande.ru
Чита	РОО «Киргизская Диаспора»	Буланбаев Жумагул Саманчиевич	8 (3022) 23-11-78
Чита	РОО кыргызов «Дружба»	Сапарбаев Муратбек Карымшакович	8-914-463-85-34
Элиста	Кыргызская община по Калмыкской области	Сейденабдилов Элдияр Матибович	baira05@mail.ru
Южно-Сахалинск	РОО «Согласие»	Толбаев Эшимбет	eshim72@mail.ru
Ярославль	РОО народов Киргизии «Биримдик - Единство»	Арыкбаев Керим Чилдебаевич	(4852) 75-73-10

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ТАДЖИКСКОЙ ДИАСПОРЫ В РОССИИ

Регион/город	Организация	Ф.И.О. руководителя	Контакты
1	2	3	4
Москва	РОО «Таджикская диаспора «Нур»	Лашкарбеков Богшо Богшоевич	(495) 257-40-07
Москва	Региональный общественный фонд «Тад- жикистан»; Информацион- но-правовой центр «Мигра- ция и закон»	Джураева Гавхар Кандиловна	tajfond@gmail. com
Москва	Общерос- сийское общественное движение «Тад- жикские трудо- вые мигранты»	Шарипов Каромат Бакоевич	(495) 506-45-83
Москва	НО Ассоциация таджикских общественных организаций «Самандар»	Худжамкулов Рустам Боймахмадович	8 965 1803970
Москва	Общественная организация «Союз таджиков России»	Давлатов Абдулло Сатторович	0340404@mail. ru
Москва	Некоммерче- ская автоном- ная организа- ция «Этмос»	Еров Каримджон Бегиджонович	saidyov@mail. ru

1	2	3	4
Москва	РОО «Ватан»	Мухаббатов Хоким	asho@mail.ru
Москва	РОО «Таджикский культурный центр»	Хамракулова Хуршеда Давроновна	hurs1947@ yandex.ru
Москва	РОО поддерж- ки граждан Таджикистана «Соотечествен- ники»	Шарипов Бободжон Курбанович	8 926 2181010
Москва	Межреги- ональная общественная правозащитная организация «Гражданский контроль»	Косимов Шерали Нуралиевич	8 926 575072
Москва	РОО «Земляче- ство Таджики- станцев»	Рахмонов Джамшед Мавлонович	(495) 3757471
Алтайский край	Алтайское краевое движение «Таджикская диаспора»	Рахматуллоев Муртазо	murtazo.rahmat- ulloev@mail.ru
Амурская область	Таджикская национально- культурная организация «Сомониен»	Джанджолов Рахмат Ахмадович	rahmat-75@ mail.ru
Астрахань	РОО защиты прав и интересов таджиков «Памир»	Вохидов Джумъа Му- хаммадиевич	8 960 8519147
Владикавказ	Северо- Осетинская региональная общественная организация «Памир»	Худододов Арсен Назархудоевич	arsen-vl@mail. ru

1	2	3	4
Владимир	РОО «Мечта» Владимирская область	Давлатшоев Зоир Сайнурдинович	Zoir7777777@ mail.ru
Воронеж	Воронежская областная общественная организация «Таджикский культурный центр «Навруз»	Сайфидинов Ахлидин Рахмиддинович	(4732) 47-55-58
Волгоград	РОО «Таджикская община Волгоградской области»	Махмадов Саидахмад Махмадович	mahmadov. saidahmad@ mail.ru
Екатеринбург	Свердловская общероссий- ская ОО «Союз таджиков России»	Шарипов Зайнидин Мухамадиевич	x.to70@mail.ru
Екатеринбург	Свердловская общественная организация «Дидор»	Айдаров Хушвахт Айдарович	didor2@mail.ru
Екатеринбург	РОО «Сомон»	Мирзоев Фар- рух Махмада- лиевич	(3432) 371-08- 02
Иваново	ОО «Центрально- азиатский национальный культурный центр «Азия»	Бобоев Илхомджон Саидаборорович	Boboev_i@mail. ru
Иркутская область	РОО «Союз таджиков России» г. Братск	Наботов Рахим Идибекович	su46@mirsud.ru

1	2	3	4
Иркутск	«Союз таджик-кистанцев» в Иркутской области	Файзуллоев Амирахтам Алиевич	Souz.tj.irk@mail.ru
Иркутск	Национально-культурное общество «Соотечественники»	Маликшоев Муриват Раъматович	mnr58@mail.ru
Казань	Национальная автономия таджиков Республики Татарстан	Гадоев Хикматулло Ташрипович	leksikon@list.ru
Казань	Агентство правовой помощи мигрантам	Ходжиев Маруф Бобомуродович	khojiev@ramdler.ru
Калининград	Информационно-культурный центр «Таджикистан»	Исоев Азамат Зайниддинович	solekha@mail.ru
Калининград	РОО таджикской культуры «И. Сосони»	Расулов Кахор Кодирович	(0112) 91-19-56
Кемеровская область	ОО «Таджикский культурный центр Авиценна»	Мастонов Ошурбег Алибекович	v.maston@yandex.ru
Кемеровская область	РОО «Сомон» г. Кемерово	Тоъиров Шавкат Исмоилович	russ-tajik-drujbal@mail.ru
Краснодарский край	Краснодарское ОО «Мехри Сомониен»	Ширинов Бахтиер	8 918 2722528

1	2	3	4
Краснодарский край	Краснодарская краевая общественная организация содействия возрождению культуры народов Центральной Азии «Содействие»	Нагзибеков Нагзибек Наврузшоевич	Sodeystvie23@ra.ru
Красноярск	Красноярская общественная организация «Таджикский культурный центр «Пайванд»	Алимов Хайдарали Курбонович	paivand24@mail.ru
Липецкая область	Общественная организация «Навруз»	Роибов Солих Султонович	hasanr756@gmail.com
Нижний Новгород	Нижегородская ООО «Таджикский культурный центр «Дусти»	Нуридинов Аюбджон Темурович	dustinn@mail.ru
Нижний Новгород	РОО выходцев из Республики Таджикистан «Умед»	Мирзоев Мутрибшох Юсуфшоевич	umednn@mail.ru
Нижний Новгород	Нижегородская РОО «Конгресс ираноязычных народов»	Боев Эраль Бегильонович	sogdak@yandex.ru
Новгородская область	Новгородская РОО таджикистанцев	Гафуров Довуд	8 909 5667636
Новокузнецк	Религиозное местное общество мусульман «Абдурахман»	Одинаев Рахмонали Талбиевич	Vostok-smr@mail.ru

1	2	3	4
Новосибирск	Новосибирская ГОО «Таджикский национальный культурный центр «Сомониен»	Каримов Минходжидин Мехтоджевич	karimov-57@mail.ru
Новосибирск	РОО «Дусти – Дружба»	Абдуджабаров Сияршо Зардакович	Druzba30092011@mail.rul
Новосибирск	МОО «Правозащитный центр Таджикистанцев»	Шарипов Исроил Кудратович	proo2008@mail.ru
Омск	ОО «Содружество Таджикистанцев» в Омской области	Файзалиев Фозил Файзалиевич	8 923 6842642
Оренбург	РОО таджикистанцев «Вахдат – Единство»	Рахимов Дилшод Хакимович	d.h.rahimov@mail.ru
Оренбург	Местная Таджикская национально-культурная автономия г. Оренбурга	Баротов Азиз Мамурович	8 950 1876662
Оренбургская область	Национально-культурная автономия таджиков г. Орск	Тошев Абдукаюм Воьнидович	toshov.abdukayum@mail.ru
Псков	Псковская РОО таджикистанцев	Шарипов Мирзошо	8 905 2867696
Пермская область	РОО «Союз таджиков России» Перми и Пермского края	Одинаев Сайфиддин Джорубшоевич	

1	2	3	4
Республика Карелия	Карельская РОО «Общество культуры Средней Азии»	Ашрапов Иномджон Рахматович	ashrapoyi@mail.ru
Республика Татарстан	Национально-культурная автономия г. Нижнекамск	Муминов Хошим Восиевич	Hamsado36@mail.ru
Республика Татарстан	Национально-культурная ассоциация таджиков Татарстана «Сомониен»	Рахматов Мархабат Мухаббатович	(8432) 743070
Рязань	РОО «Таджикский культурный общинный центр «Сино»	Медведев Бекмахмад Баротович	(4912) 343514
Самара	СРООТ «Пайванд – Единство»	Мирзоев Саидасрор Давлатович	stalkO@yandex.ru
Самара	ОО таджиков Самары «Ватан – Родина»	Мусалим Накимович	vuav29@gmail.com
Санкт-Петербург	ОО «Дружбы российско-таджикских народов «Сомониен»	Мирзода Муньяммадназар Миргарибович	a.mahmadov@mail.ru
Санкт-Петербург	Межрегиональная общественная организация «Дiasпора представителей памирских народов «Памир»	Бердов Бахтибек Худойбердиевич	berdovb@mail.ru

1	2	3	4
Санкт-Петербург	ОО «Молодежное общество студентов Таджикистана в Санкт-Петербурге»	Сатторов Фаррух Этиборович	shahrizade@mail.ru
Санкт-Петербург	Санкт-Петербургская общественная организация «Аджам»	Усмонов Мурод Абдуллоевич	ajam63@mail.ru
Санкт-Петербург	Благотворительный фонд поддержки таджикских мигрантов	Бобольонов Неймат Наботович	fondpomoshit-tm@mail.ru
Сургут	Таджикская национально-культурная автономная общественная организация «Ватан»	Аминов Файзулло Исматович	fayzullo.aminov@list.ru
Тверь	Тверская РОО «Общество таджикской культуры»	Майбалиев Муким Хушвахтович	tohirchalikov@yandex.ru
Тольятти	Автономная внекоммерческая организация «Поддержка культуры таджиков»	Азимов Шароф Алимардонович	8 927 6191714
Томск	РОО «Общество дружбы российских-таджикских народов»	Холиков Масим Холматович	tomsk.tajikistan@mail.ru

1	2	3	4
Тюмень	Тюменская РОО «Таджикский национальный центр «Пайванд»	Каримов Абдулло Саидович	paywand@bk.ru
Удмуртская Республика	Таджикская республиканская общество «Ориен – Тодж»	Талбиев Айниддин Абронович	(3412) 685355
Улан-Уде	ОО Таджик- ский культур- ный центр «Союз таджи- ков России» в Бурятии	Рашидова Гулмо	70086@mail.ru
Уфа	ОО «Пайванд»	Рахимов Абдурахмон Суфиевич	rahimov.abdu- rahmon@mail.ru
Уфа	Центр таджикской народной культуры «Сомони»	Мирзорахматов Умарали	
Ханты- Мансийский автономный округ	Таджикский национально- культурный центр «Сугдиен»	Бобоев Ориф Хокироевич	orif_boboev@ mail.ru
Челябинск	РОО «Таджикский национально- культурный центр «Сомониен»	Раджабов Ислонудин Асоевич	ranzhab-101@ mail.ru
Челябинская область	Фонд поддер- жки и развития культурных деловых связей граждан Тад- жикистана в г. Магнитогорск «Мадад»	Султонов Бахтиер Гулмоньусей- нович	bax-74@mail.ru

1	2	3	4
Якутск	Таджикская национально-культурная общественная организация «Сомониен»	Сангалиев Музаффар Мамадалиевич	8 914 2703761
Ямало–Ненецкий автономный округ	РОО «Таджики»	Таваров Хошимшо Чиллаевич	8 929 2566233
Ярославль	Таджикский национальный культурный центр «Саманиды»	Мирзоходжаев Рустам Ахмаджонович	(4852) 469199

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ УЗБЕКСКОЙ ДИАСПОРЫ В РОССИИ

Регион/город	Организация	Ф.И.О. руководителя	Контакты
1	2	3	4
Москва	ОО «Всероссийский Конгресс узбеков, узбекистанцев»	Худайбердиев Ибрагим Хидирович	vkou2011@yandex.ru vkou2011@mail.ru Skype: vkou-moskva
Москва	РОО «Узбекская национально-культурная автономия в городе Москве»	Хабиб Абдуллаев	info@uzbekmos.ru
Москва	МОО «Узбекская национально-культурная автономия СЗАО г. Москвы»	Мухамедов Тимур Нурмухамедович	Timurbek-78@mail.ru

1	2	3	4
Москва	РОО «Узбекское содружество Москвы»	Тепляков Виктор Ренатович	uzsm@list.ru
Астраханская область	Областная общественная организация узбекский культурный «УЗБЕ- КИСТАН»	Аминов Баходир Рузметович	414000, г. Астрахань, ул. Набережная 1 мая, д. 125
Волгоградская область	Волгоградская Областная Общественная организация Союз Узбеков Соотечественников	Джумаев Рустам Холбаевич	400006, г. Волгоград, пл. Дзержинского, д. 1, кв. 315
Воронежская область	ВРОО «Узбекская община «Фаришта»	Першина Нелли Николаевна	394051, г. Воронеж, ул. Машинистов, д. 38
Кемеровская область	ОО «Узбекская местная национально культурная автономия»	Халбердиев Рустамбек Балтабаевич	650004, г. Кемерово, переулок Южный, д. 4
Красноярск	КРОО по содействию социально правовой адап- тации Народов Узбекистана, Содружество Узбекистанцев, КРОО УНКЦ «ДУСТЛИК»	Сафаров Зафар Зиядуллаевич	660055, г. Красноярск, ул. Джамбульская, д. 2 «Д», оф. 4
Ленинградская область	Санкт- Петербургская РОО соот- ечественников Узбекистана «УМИД»	Хайдаров Алиджан Джахангирович	umidspb@mail. ru

1	2	3	4
Новосибирская область	МОО совет Узбекских диаспор	Гиясов Махамадали Юнусович	
Пензенская область	РОО по объединению «Узбекская община»	Бердиев Сатимбай Рахимович	440011, г. Пенза, ул. Карпинского, д. 45, оф. 300
Приморский край	ОО узбеков и уроженцев Узбекистана «Адолат» (Справедливость)	Нураков Баходир Басылович	
Республика Башкортостан	РОО «Узбекский национально-культурный центр РБ»	Ахунбабаев Икрамжон Мусалджанович	450077, г. Уфа, ул. Ленина, 56
Республика Татарстан	Национально культурная автономия узбеков Республики Татарстан	Абдусатаров Абдуманоб Абдугапарович	an-tatarstan@yandex.ru
Республика Удмуртия	УРОО УР «Узбекский национальный центр социальной поддержки и развития культуры «Азия плюс»	Бахритдинов Мухутдин Пайзиддинович	426063, г. Ижевск, ул. Орджоникидзе, д. 33а
Республика Чувашия	ОО Узбекский культурный центр Чувашской Республики	Ергашев Абдували Махмудович	

1	2	3	4
Ростовская область	Автономная некоммерческая организация Узбекский национальный культурный центр «Азиз»	Бобоев Киемхон Болтаевич	
Рязанская область	НО «Общественное объединение Российско-Узбекской дружбы «ЕДИНСТВО»	Хабибов Уткир Шовкидинович	390044, г. Рязань, ул. Западная, д. 6
Самарская область	РОО «Узбекский национальный культурный центр «Алишер Навои»	Нурматов Исроилжан Исмаатжанович	443009, г. Самара, ул. Воронежская, д. 9
Саратовская область	РОО «узбекский культурный центр «СОГДИАНА»	Мансуров Рустам Маматкулович	sojdiana@yandex.ru
Свердловская область	СООО «Союз Узбекистанцев Урала»	Оллаберганов Закир Байназарович	Sooo-suu@mail.ru
Свердловская область	Общественное объединение узбекской молодежи	Каримов Фарид	620014, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 33а, «Дом народов Урала»
Тверская область	МОО узбекская национально-культурная автономия города Твери	Мавланов Шухрат Курвантаевич	
Тюменская область	ОО «Узбекское национальное общество «Наврुз»	Туляганов Бахтияр Душабаевич	uzno-navruz@mail.ru

1	2	3	4
Ульяновская область	Региональная узбекская Общественная организация «Восток»	Матякубов Машариб Раимович	

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ТУРКМЕНСКОЙ ДИАСПОРЫ В РОССИИ

Регион/город	Организация	Ф.И.О. руководителя	Контакты
1	2	3	4
Москва	Общероссийская общественная организация «Конгресс туркмен России и выходцев из Туркменистана»	Аннамамедов Мурад Атаевич	
Белгород	Белгородская Региональная общественная организация «Общество дружбы, культурных и деловых связей с Туркменистаном»	Лапин Владимир Степанович	viogem@mail.belgorod.ru
Казань	РОО «Национально-культурная автономия туркмен Республики Татарстан»	Нурсахатов Вепа Атагельдиевич	spptts@mail.ru

1	2	3	4
Рязань	Рязанский областной правозащитный культурный центр Российско-Туркменской дружбы «Мирас»	Хайыдов Сапарбай Сабырович	8 920 9620815
Самара	«Туркменский национально-культурный центр «Ватан»	Рейимбаев Оразбай Рейимбаевич	orozbaivatana@mail.ru
Санкт-Петербург	СПБ РОО «Центр помощи студентам Туркменистана «Аркадаг»	Оразов Ислам Хусейнович	Пр.Заневский, д. 61, к. 2, кв. 21
Саратовская область	Саратовская областная общественная организация Туркменский национальный культурный центр «Дияр» (Родина)	Довранов Рахметдурды Жумагулыевич	413105, Саратовская обл., г. Энгельс, ул. Харьковская, д. 6, кв. 58-59
Ставропольский край	Местная туркменская национально-культурная автономия Туркменского муниципального района Ставропольского края	Таганов Гельдымурат Курбанович	Туркменский р-н, а. Шарахасун, ул. Краснознаменская, д. 95 а, ул. Дорожная, д. 15
Ставропольский край	Местная туркменская национально-культурная автономия Нефтекумского муниципального района Ставропольского края	Хусейнов Заурбек Сулейманович	Нефтекумский р-н, п. Затеречный, ул. Строительная, Нефтек. р-н., с. Озек-Суат, ул. Сеитова, д. 105

1	2	3	4
Ставропольский край	Общественная организация «Ватан» Туркмен Ставропольского края	Сухамбердыев Асадула Идрисович	Нефтекумский район, г. Нефтекумск, ул. Шоссейная, д. 15
Уфа	РОО «Туркменский национально-культурный центр Республики Башкортостан «Единство»	Шанглиев Сапармурат Хашиевич	turkmeniv bashkortostane @mail.ru

© ЦГИ «Берлек – Единство»
© Мурзагалеев Р.И., Сулейманов А.Р.,
Чекрыжов А.В., Мурзагалеев Б.Р.

Мурзагалеев Р.И., Сулейманов А.Р.,
Чекрыжов А.В., Мурзагалеев Б.Р.

ДИАСПОРЫ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ

Подписано в печать 17.02.2016. Формат 60x841/16. Бумага «Снегурочка».
Гарнитура Time New Roman. Тираж 200 экз. Заказ № 5123.

Верстка в ООО «Издательство «Диалог».
450076, г. Уфа, ул. Гафури, 54.
Тел./Факс: (347) 251-78-29. E-mail: dialogufa@mail.ru

Отпечатано в типографии
«Информационно-аналитический центр «Новое Прочтение»
Уфимский район, с. Зубово, ул. Энергетиков, 6.